

Кристи Агата
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ПЯТЫЙ
ПОЧЕМУ ЖЕ НЕ ЭВАНС?

**Why Didn't They Ask Evans 1934 © Перевод под редакцией М.
Макаровой, А. Титова**

Кристоферу Мэллоку — в память о Хайндз

Глава 1
Несчастный случай

Бобби Джоунз положил мяч на метку для первого удара, нетерпеливо отвел клюшку назад и резко нанес удар.

И что же, вы думаете — мяч понесся прямо, перелетел через песочную канавку и приземлился так, чтобы его легко было повести клюшкой по четырнадцатой площадке?

Ничуть не бывало. Он стремительно пронесся по земле и скатился в канавку!

Тут не было толпы пылких болельщиков, некому было огорченно охнуть. Единственный свидетель этого неудачного удара не выразил ни малейшего удивления. Да это и понятно, ведь бил по мячу не истый мастер-американец, но всего лишь четвертый сын викария^[1] из Марчболта — маленького приморского городка в Уэльсе^[2].

С губ Бобби сорвалось явное богохульство.

Был он приятный с виду молодой человек лет двадцати восьми. Даже лучший его друг не назвал бы его красивым, но лицо у него было на редкость симпатичное, а открытый взгляд честных карих глаз светился собачьим дружелюбием.

— Что ни день, то хуже, — удрученно пробормотал он.

— Слишком сильный мах, — откомментировал его партнер.

Доктор Томас был мужчина средних лет, с седыми волосами и румяным веселым лицом. Сам он никогда не бил с полного маха, предпочитая короткие прямые удары, и обычно обыгрывал более виртуозных, но не очень собранных игроков.

Бобби что есть мочи ударил по мячу нибликом^[3]. Этот третий по счету удар оказался удачным. Мяч лег подле площадки, которой доктор Томас достиг двумя делающими ему честь ударами.

— Лунка ваша, — сказал Бобби.

Они перешли к следующей мете.

Первым бил доктор — удар получился хороший, прямой, но мяч ушел недалеко.

Бобби вздохнул, поставил мяч, потом немного его поправил, широко взмахнул клюшкой, неуклюже отвел ее назад, закрыл глаза, поднял голову, опустил правое плечо — иными словами проделал все то, чего делать не следовало, — и направил мяч по центру.

Он снова вздохнул. Теперь уже удовлетворенно. Столь хорошо знакомое игроку в гольф уныние сменилось на его живом лице столь же хорошо знакомым торжеством.

— Теперь я знаю, что нужно делать, — уверенно заявил Бобби, но это было глубочайшим его заблуждением.

Отличный удар клюшкой с железным наконечником, небольшая подсечка нибликом, и Бобби положил мяч. Теперь у него стало четыре очка, а у доктора Томаса всего на одно больше.

Воспрянув духом, Бобби перешел к шестнадцатой метке. Опять он проделал все то, что делать не следовало, но на сей раз чуда не произошло. Получился потрясающий, великолепный, почти сверхъестественный срез! Мяч подскочил и исчез из поля зрения.

— Эх, пошел бы он прямо... — И доктор Томас даже присвистнул.

— Вот именно, — с горечью отозвался Бобби. — Пойдите-ка, пойдите, мне кажется, я слышал крик! Только бы мяч ни в кого не угодил.

Крик донесся справа — Бобби стал всматриваться в ту сторону. Свет был неверный. Солнце собиралось садиться, и, глядя прямо на него, трудно было что бы то ни было толком разглядеть. К тому же с моря поднимался легкий туман. В нескольких сотнях ярдов^[4] высился гребень скалы.

— Там тропинка, — сказал Бобби. — Но так далеко мячу не долететь. И все же я слышал крик. А вы?

Нет, доктор ничего не слышал.

Бобби отправился на поиски мяча. Найти его оказалось не так-то просто. Но наконец он его углядел. Мяч лежал так, что поддать его не было никакой возможности — застрял в кусте утесника. Бобби ударил, потом еще — на этот раз не напрасно. Подобрал мяч, он крикнул доктору Томасу, что сдает ему лунку.

Доктор направился к нему — очередная мета находилась как раз у обрыва.

Семнадцатая мета особенно страшила Бобби. Там мяч следовало провести так, чтобы он не сорвался с кручи вниз. Расстояние, в сущности, было не так уж велико, но сознание того, что сразу за лункой обрыв, подавляло.

Они пересекли тропу, которая оказалась теперь слева и шла от моря вглубь, огибая край утеса.

Доктор взял ниблик, но тут же отложил его в сторону.

Бобби глубоко вздохнул и ударил по мячу. Тот стремительно понесся вперед и, перемахнув через край, исчез из поля зрения.

— Опять то же самое, — с горечью сказал Бобби.

Подойдя к краю расселины, он стал всматриваться.

Далеко внизу сверкало море, но мяч мог туда и не долететь, это только поначалу спуск был крутой, а ближе к морю становился пологим.

Бобби медленно шел вдоль расселины. Он знал, тут есть одно место, где можно довольно легко спуститься.

Мальчики, подносящие мячи, делали это без особого труда — прыгивали с крутого края вниз и потом появлялись, запыхавшиеся, но торжествующие, с мячом в руках.

Вдруг Бобби замер и окликнул своего противника:

— Послушайте, доктор, идите скорее сюда. Что вы на это скажете?

Внизу, футах^[5] в сорока, виднелось что-то темное, похожее на кучу старой одежды.

У доктора перехватило дыхание.

— О, Господи, — выдохнул он. — Кто-то сорвался с утеса. Надо к нему спуститься.

Бок о бок они стали осторожно спускаться по крутому обрыву. Бобби, более тренированный, помогал доктору. Наконец они добрались до зловеще темневшей бесформенной груды. Оказалось, это мужчина лет сорока, он еще дышал, хотя и был без сознания.

Доктор Томас осмотрел его — потрогал руки, ноги, пощупал пульс, опустил веки. Потом встал рядом с ним на колени и обследовал его более обстоятельно. После чего посмотрел на Бобби, которому было явно не по себе, и медленно покачал головой.

— Ему уже ничем не поможешь, — сказал он. — Его песенка спета. У бедняги сломан позвоночник. Да... Видно, тропа была ему незнакома, и, когда поднялся туман, он оступился. Сколько раз я говорил нашему муниципалитету, что здесь необходимо поставить ограждение.

Доктор встал.

— Пойду за помощью, — сказал он. — Распоряжусь, чтобы тело подняли наверх. А то не успеем оглянуться, как стемнеет. Вы побудете здесь?

Бобби кивнул.

— Значит, ему уже ничем не поможешь? — спросил он.

Доктор помотал головой.

— Ничем. Ему недолго осталось — пульс быстро слабеет. Минут двадцать, не больше. Возможно, он еще придет в себя. Но скорее всего нет. И все же...

— Ну конечно, — тотчас отозвался Бобби. — Я останусь. А вы поспешите. На случай, если он вдруг очнется. У вас нет какого-нибудь снадобья... Или чего-нибудь еще?.. — Он запнулся.

Доктор опять помотал головой.

— Ему не будет больно, — сказал он. — Никакой боли.

Он повернулся и стал быстро карабкаться вверх по скале. Бобби не сводил с доктора глаз, пока тот, махнув рукой, не перевалил через кромку обрыва.

Бобби сделал шаг-другой по узкому карнизу, уселся на каменный выступ и зажег сигарету. Он был потрясен. Никогда еще не приходилось ему сталкиваться ни с тяжким недугом, ни со смертью.

Вот ведь как бывает! Один неверный шаг — и жизнь кончена. И все из-за какого-то тумана, невесть откуда взявшегося в такой погожий вечер... Такой красивый и, похоже, крепкого здоровья... Наверно, никогда и не болел. Залившая лицо смертельная бледность не смогла скрыть великолепный загар. Загар человека, проводившего много времени на свежем воздухе, возможно, за границей. Бобби внимательнее к нему пригляделся — вьющиеся каштановые волосы, чуть тронутые на висках сединой, крупный нос, жесткий подбородок, меж полураскрытых губ крепкие белые зубы. Широкие плечи и красивые мускулистые руки. Ноги были как-то неестественно выгнуты. Бобби вздрогнул и опять перевел взгляд на лицо. Привлекательное лицо — живое, решительное, умное. Вероятно, подумал Бобби, глаза у него синие...

И только он это подумал, глаза открылись.

Они и вправду оказались синие — глубокой и чистой синевы. И смотрели на Бобби. Взгляд ясный, незатуманенный... Вполне сознательный взгляд. Внимательный и в то же время как будто вопрошающий.

Бобби вскочил, кинулся к незнакомцу. Но еще прежде, чем он оказался рядом, тот заговорил. Голос вовсе не был слабым, он звучал отчетливо, звонко.

— Почему же не Эванс? — произнес он.

И вдруг его странно передернуло, веки опустились, челюсть отвисла... Незнакомец был мертв.

Глава 2

Немного об отцах

Бобби опустился подле него на колени, но сомневаться не приходилось — человек умер. Последнее просветление, этот неожиданный вопрос — и конец.

Не без неловкости Бобби сунул руку в его карман и, достав шелковый носовой платок, почтительно накрыл им лицо умершего. Больше он ничего сделать не мог.

Тут он заметил, что вместе с платком вытащил из кармана что-то еще. Оказалось, это фотография, но, прежде чем засунуть ее обратно, Бобби взглянул на запечатленное на ней лицо.

Лицо было женским и почему-то сразу приковывало к себе внимание. Красивая женщина с широко расставленными глазами. Казалось, совсем еще молоденькая, ей, конечно, гораздо меньше тридцати, но не сама красота, а скорее ее странная притягательность захватила воображение Бобби. Такое лицо не скоро забудешь. Осторожно, даже с каким-то благоговением он положил фотографию обратно — в карман погибшего, потом опять сел и стал ожидать возвращения доктора.

Время тянулось очень медленно, во всяком случае, так казалось молодому человеку. К тому же он вдруг вспомнил, что пообещал отцу играть на органе во время вечерней службы. Служба начиналась в шесть, а сейчас было уже без десяти шесть. Отец, конечно, все потом поймет, но лучше было бы предупредить его через доктора. Дistinguished Томас Джоунз был личностью на редкость нервной. Он имел обыкновение волноваться по всякому поводу, *par excellence*^[6] без повода, а когда волновался, у него сразу нарушалось пищеварение и начинали одолевать мучительные боли. Бобби был очень привязан к отцу, хотя и считал его старым дурнем. Дistinguished^[7] Томас Джоунз, в свою очередь, считал своего четвертого сына молодым дурнем и с куда меньшей терпимостью, чем Бобби, пытался его вразумить.

«Бедный папаша, — думал Бобби. — Он будет рвать и метать. Весь изведется, не зная, то ли ему начинать службу, то ли нет. Так себя взвинтит, что у него разболится живот и тогда он не сможет ужинать. И ведь ни за что не сообразит, что я бы никогда не подвел его без особой причины. Да и вообще, что тут такого? Но у него свой взгляд на эти вещи. Кому уже за пятьдесят, все они одним миром^[8] мазаны — никакого благоразумия — из-за всякого пустяка, который гроша ломаного не стоит, готовы загнать себя в могилу. Видно, так уж нелепо их воспитали, и теперь

они ничего не могут с собой поделаться. Бедный старик, у курицы и то больше мозгов».

Такие мысли одолевали Бобби, преисполненного смешанным чувством любви и досады. Ему казалось, что он без конца приносит себя в жертву весьма странным понятиям отца. А мистер Джоунз полагал, что это он приносит себя в жертву молодому поколению, которое этого толком не понимает и не ценит. Вот ведь как по-разному можно смотреть на одно и то же.

Доктора нет уже целую вечность. Пора бы ему вернуться...

Бобби встал и нетерпеливо затоптался на месте. В эту минуту сверху донеслись какие-то звуки, и он поднял голову, радуясь, что наконец подоспела помощь и в его услугах больше нет нужды. Но это был не доктор, а какой-то незнакомый человек в брюках гольф.

— Послушайте, — сказал незнакомец. — Что-нибудь неладно? Несчастный случай? Я могу чем-нибудь помочь?

Высокий мужчина, с приятным тенорком. Толком его разглядеть Бобби не мог — с каждой минутой становилось все темнее.

Бобби рассказал, что произошло, незнакомец что-то невнятно пробормотал. Потом спросил:

— Что мне сделать? Привести кого-нибудь на помощь или еще что?

Бобби объяснил, что помощь на подходе, и спросил, не видно ли кого.

— Нет, пока нет.

— Понимаете, — продолжал Бобби. — Мне в шесть нужно быть в одном месте.

— И вы не хотите оставлять...

— В общем, да, — сказал Бобби. — Бедняга, конечно, уже мертв, и тут уже ничего не поделаешь, и все-таки...

Он замолчал, ему, как всегда, трудно было облечь в слова свои ощущения и переживания.

Однако незнакомец, казалось, все понял.

— Разумеется, — сказал он. — Послушайте, я к вам спущусь... только если сумею, и дождусь приезда этих молодцов из полиции.

— Ох, правда? — с благодарностью отозвался Бобби. — У меня встреча с отцом. Он у меня славный, но, если его подведешь, огорчается. Вам видно, где спускаться? Чуть левее... теперь вправо... вот так. На самом деле это нетрудно.

Бобби направлял незнакомца, подсказывал, куда тому лучше ступить, и наконец они оказались лицом к лицу на узкой площадке. Пришедшему было лет тридцать пять. Лицо маловыразительное, к нему так и напрашивались монокль и усики.

— Я нездешний, — объяснил он. — Кстати, моя фамилия Бассингтон-френч. Приехал приглядеть здесь дом. Скверная, однако, история! Он оступился?

Бобби кивнул.

— Туман. А тут поворот... Ну, до свидания. Огромное спасибо. Мне надо спешить. Вы очень добры.

— Ну что вы, — возразил тот. — На моем месте любой поступил бы так же. Невозможно оставлять беднягу одного... Это было бы как-то не по-божески.

Бобби взбирался по крутой тропе. Очутившись наверху, он помахал незнакомцу и припустился бегом. Чтобы выиграть время, он не стал обходить кругом, а просто перескочил через церковную ограду.

Викарий заметил это из окна ризницы^[9] и страшно возмутился. Было уже пять минут седьмого, но колокол еще звонил.

Объяснения и взаимные упреки были отложены до окончания службы.

Едва отдышавшись, Бобби занял свое место и принялся со знанием дела включать регистры старого органа. В унисон своим мыслям он заиграл шопеновский похоронный марш^[10].

Позднее не столько разгневанный, сколько огорченный — и он ясно дал понять это сыну — викарий принялся его распекать.

— Если не можешь сделать что-нибудь как следует, нечего и браться, дорогой мой, — сказал он. — Ты и все твои дружки, похоже, вовсе не имеете понятия о времени, но есть Некто, кого мы не вправе заставлять ждать. Ты сам вызвался играть на органе. Я тебя не принуждал. Но ты человек слабовольный и вместо этого предпочел играть в какую-то там игру...

Бобби подумал, что отца лучше остановить — пока тот не зашел слишком далеко.

— Прости, папа, — сказал он легко и непринужденно — в обычной своей манере. — На сей раз моей вины нет. Я оставался с трупом.

— Оставался с кем?

— С беднягой, который оступился и упал с утеса. Знаешь, это там, где глубокая расселина, у семнадцатой метки на поле для гольфа. Там как раз поднялся легкий туман, и бедолага, должно быть, сделал неверный шаг и оступился.

— О, Господи! Какое несчастье! И что же, он так сразу и умер?

— Нет, не сразу, но он был без сознания. А умер, когда доктор Томас уже ушел. Но я чувствовал, что должен побыть около него... Не мог я дать тягу и бросить его там одного. Но потом появился еще какой-то человек, я оставил его в качестве траурного караула и со всех ног кинулся сюда.

Викарий вздохнул.

— Ох, дорогой мой Бобби, неужто ничто не в силах поколебать твою бесчувственность? Не могу передать, как ты меня огорчаешь. Ты только что столкнулся лицом к лицу со смертью... с внезапной смертью. А тебе все шуточки. Полное, полное равнодушие... Для твоего поколения все... все самое печальное, самое святое — лишь повод повеселиться.

Бобби заерзал на месте.

Что ж, коль отец не может понять, что шутишь только оттого, что из-за случившегося у тебя так гнусно на душе, ну, значит, не может... Такое ведь не объяснишь. Когда имеешь дело со смертью, с трагедией, приходится проявлять выдержку.

Впрочем, этого следовало ожидать. Те, кому уже перевалило за пятьдесят, просто не в состоянии ничего понять. У них обо всем самые диковинные представления.

«Наверно, это из-за войны^[11], — подумал Бобби, пытаясь оправдать отца. — Она выбила их из колеи, и они так и не смогли оправиться».

Ему и стыдно было за отца, и жаль его.

— Прости, папа, — сказал он, ясно понимая, что объяснения бесполезны.

Викарию и жаль было сына — тот явно был смущен, — и стыдно за него. Мальчик не представляет, сколь серьезна жизнь. Даже его извинение звучит весело — ни следа раскаяния.

Они направились к дому, и каждый из всех сил старался найти оправдания для другого.

«Хотел бы я знать, когда наконец Бобби подыщет себе какое-нибудь занятие...» — думал викарий.

«Хотел бы я знать, сколько времени еще придется здесь торчать?...» — думал Бобби.

Но, что бы им там ни думалось, отец и сын обожали друг друга.

Глава 3

Путешествие на поезде

О том, как события развивались дальше, Бобби не знал. Наутро он уехал в Лондон — встретиться с другом, который стал владельцем гаража и полагал, что участие Бобби в этом предприятии может оказаться весьма полезным.

Они замечательно обо всем договорились, и через два дня Бобби решил возвращаться домой поездом 11.30. Правда, когда он изволил прибыть на Паддингтонский вокзал^[12], часы показывали 11.28 — он кинулся в туннель, выскочил на платформу, — поезд уже тронулся, и тогда Бобби устремился к ближайшему вагону, презрев возмущенные крики контролеров и носильщиков.

Рывком отворив дверь, он рухнул на четвереньки, потом кое-как поднялся... Проворный носильщик захлопнул за ним дверь, и Бобби остался наедине с единственным пассажиром этого купе^[13].

Это оказалось купе первого класса. В углу, лицом по ходу поезда, сидела смуглая девушка и курила сигарету. В красной юбке, в коротком зеленом жакете и ослепительно ярком голубом берете она, несмотря на некоторое сходство с обезьянкой шарманщика (миндалевидные темные, полные грусти глаза и наморщенный лобик), была, несомненно, привлекательна. Бобби принялся с жаром извиняться и, вдруг запнувшись, воскликнул:

— Франки! Неужели это ты! Тысячу лет тебя не видел.

— И я тебя. Садись, рассказывай.

Бобби усмехнулся.

— У меня билет в другом классе.

— Не важно, разницу я оплачу, — любезно сказала Франки.

— При одной мысли об этом восстает все мое мужское самолюбие, — сказал Бобби. — Как я могу позволить даме платить за меня?

— Кажется, только на это мы теперь и годимся, — сказала Франки.

— Я сам оплачу разницу, — героически вымолвил Бобби, когда в дверях возникла дородная фигура в синей униформе.

— Я все улажу, — сказала Франки.

Она одарила контролера благосклонной улыбкой. Тот поднес руку к козырьку, взял у нее белый картонный билет и прокомпостировал.

— Мистер Джоунз как раз только что заглянул ко мне поболтать, — сказала она. — Это ведь не возбраняется?

— Конечно, ваша милость. Джентльмен, наверно, пробудет тут недолго. — Он тактично кашлянул. — Я приду теперь не раньше Бристоля^[14], — многозначительно прибавил он.

— Чего не сделает улыбка, — сказал Бобби, когда контролер вышел.

Леди Деруэнт задумчиво покачала головой.

— Не уверена, что дело в улыбке, — возразила она. — Скорее в моем отце: когда он куда-нибудь едет, то непременно раздает всем по пять шиллингов на чай.

— Я думал, ты навсегда распрощалась с Уэльсом, Франки.

Франсез вздохнула.

— Дорогой мой, ты же знаешь, как это бывает. Ты же знаешь, какими ветхозаветными бывают родители. А там такая тоска, даже ванну толком нельзя принять и совершенно некуда себя деть, поболтать и то не с кем... ведь никого сюда не заманишь — даже ненадолго! Говорят, мол, экономят и не могут позволить себе ехать в такую даль. Ну и что бедной девушке остается делать?

Бобби покачал головой, с грустью признавая, что ему все это хорошо знакомо.

— Но после вчерашнего сборища я поняла, что дома и то лучше.

— А что там было не так?

— Да ничего. Сборище как сборище, только еще более занудное, чем всегда. Все были приглашены в «Савой»^[15] к половине девятого. Несколько человек, я в том числе, приехали где-то в четверть десятого и конечно же сразу смешались с теми, кто там был, но часам к десяти мы снова собрались своей компанией, пообедали, а чуть погодя поехали в «Марионет»... пронесся слух, что там вот-вот нагрянет облава, но все было тихо — просто мертвое царство, так что мы слегка выпили и рванули в «Балринг», но там было еще тоскливее, и тогда мы поехали попить горячего кофе, попали в забегаловку, где кормят жареной рыбой, а затем отправились завтракать к дядюшке Анджелы — хотели посмотреть, разозлит его наш налет или нет. Но он ни капельки не разозлился, просто вскоре мы ему надоели, и он нас, можно сказать, не солоно хлебавши отправил по домам. Так что сам понимаешь, какое это было веселье. Никому не пожелаю.

— Ну еще бы, — сказал Бобби, подавив вспыхнувшую в нем зависть.

Даже в самых сумасбродных мечтах он не мог представить, что вдруг бы оказался членом клуба «Марионет» или «Балринг».

Странные у него были отношения с Франки.

В детстве он и его братья играли с детьми из Замка. Теперь, когда все уже выросли, они виделись редко. Но, встречаясь, по-прежнему звали друг друга по именам. В те редкие дни, когда Франки приезжала домой, Бобби и

его братьев приглашали в Замок поиграть в теннис. Но к себе они ни саму Франки, ни обоих ее братьев не приглашали. Все вроде как негласно подразумевали, что им это будет неинтересно. Да и Бобби с братьями звали к ним скорее потому, что при игре в теннис всегда недостает мужчин... Однако, хотя все они обращались друг к другу по имени, в их отношениях не было простоты. Деруэнты держались, пожалуй, чуть дружелюбнее, чем следовало бы, — словно боялись, как бы гости не подумали, что их считают неровней. Джоунзы, в свою очередь, — чуть официальнее, словно боялись, как бы хозяева не подумали, что они претендуют на отношения более тесные, чем им предлагают. Два этих семейства теперь не связывало ничего, кроме кое-каких детских воспоминаний. Но Бобби Джоунзу Франки очень нравилась, и их редкие случайные встречи страшно его радовали.

— Мне так все надоело, — сказала Франки усталым голосом. — А тебе? Бобби задумался.

— Нет, не сказал бы.

— Дорогой мой, это замечательно!

— Только не думай, что я эдакий бодрячок. — Бобби боялся произвести на Франки дурное впечатление. — Терпеть не могу бодрячков.

Только при одном упоминании о бодрячках Франки передернуло.

— Да, конечно, — пробормотала она. — Они несносны.

Франки и Бобби одобрительно посмотрели друг на друга.

— Кстати, — вдруг сказала Франки. — Что это за история с человеком, который свалился со скалы?

— Его обнаружили мы с доктором Томасом, — сказал Бобби. — А как ты про это узнала?

— Из газеты. Вот, смотри.

Она ткнула пальцем в небольшую заметку под заголовком «Смерть в тумане».

«Жертву трагедии в Марчболте опознали вчера поздним вечером благодаря найденной при нем фотографии. На фотографии была снята миссис Лео Кэймен. С миссис Кэймен связались, и она немедленно приехала в Марчболт, где опознала в покойном своего брата Алекса Притчарда. Мистер Притчард недавно вернулся из Сиам^[16]. Он не был в Англии десять лет и как раз отправился в пеший поход. Следствие начнется завтра в Марчболте».

Бобби вновь перенесся мыслями к тому лицу на фотографии, что так странно тревожило его воображение.

— Мне, должно быть, придется давать показания, — сказал он.

— Ох, до чего интересно! Приду тебя послушать.

— Не думаю, чтоб это было так уж интересно, — возразил Бобби. — Видишь ли, мы ведь просто нашли его.

— Он был мертв?

— Нет, тогда еще нет. Он умер минут через пятнадцать. При мне, понимаешь. Я был с ним один.

Бобби замолчал.

— Да, приятного мало, — сказала Франки с тем чувством понимания, которого так недоставало отцу Бобби.

— Разумеется, он ничего не чувствовал...

— Нет?

— Но все равно... понимаешь... казалось, он полон жизни... такой вот человек... ужасный конец... взял и упал со скалы, оступился из-за какого-то там... тумана.

— Я знаю, Стив, — сказала Франки, и опять ее реплика свидетельствовала о сочувствии и понимании.

— Ну а сестру его ты видел? — чуть погодя спросила она.

— Нет. Я два дня провел в Лондоне. Надо было встретиться с приятелем по делу, мы собираемся открыть гараж. Ты его должна помнить. Бэджер Бидон.

— Должна помнить?

— Конечно. Не можешь ты не помнить старину Бэджера. У него глаза косят.

Франки наморщила лоб.

— И еще у него такой ужасно глупый смех... хо-хо-хо, вот так, — продолжал Бобби, стараясь ей помочь.

Но Франки все морщила лоб.

— Он упал с пони, когда мы были детьми, — продолжал Бобби. — Голова у него завязла в грязи, и нам пришлось вытаскивать его за ноги.

— А! — сказала наконец Франки. — Теперь вспомнила. Он еще и заикался.

— Он и сейчас заикается, — удовлетворенно сказал Бобби.

— Это у него была ферма, он разводил кур и все пошло прахом? — спросила Франки.

— Верно.

— Потом он заделался биржевым маклером, и через месяц его уволили...

— Вот-вот.

— А потом его отослали в Австралию, а он вернулся.

— Да.

— Бобби, надеюсь, ты не собираешься вкладывать деньги в эту авантюру?

— Мне нечего вкладывать, денег у меня нет, — ответил Бобби.

— Тем лучше.

— Бэджер, конечно, пытался найти кого-нибудь, у кого есть хоть какой-то капитал, чтобы вложить в дело. Но это не так-то просто.

— Глядя на то, что вокруг творится, трудно, конечно, поверить, что у людей есть здравый смысл, — сказала Франки. — И однако, он у них есть.

До Бобби дошло наконец, к чему клонила Франки.

— Послушай, Франки, — сказал он. — Бэджер отличный парень... лучше не бывает.

— Они все такие.

— Ты это о ком?

— О тех, кто уезжает в Австралию, а потом возвращается. Откуда у него взялись деньги, чтобы начать дело?

— Умерла его тетушка или кто-то там еще и оставила ему гараж для шести автомобилей и над ним три комнаты, и родители отвалили сотню

фунтов на покупку подержанных машин. Ты не представляешь, какие дела можно проворачивать с подержанными машинами.

— Я однажды купила подержанную машину, — сказала Франки. — Скверная вышла история. Даже неохота об этом говорить. Чего ради ты расстался с флотом? Тебя случайно не списали? Это в твои-то годы.

Бобби вспыхнул.

— Отчислили, — угрюмо подтвердил он.

— Я помню, у тебя всегда были нелады с глазами.

— Ну да. И все же я сумел попасть на корабль... Потом служба за границей... понимаешь, яркий свет... в общем, для моих глаз это оказалось вредным. Вот так-то... пришлось уволиться.

— Невесело, — пробормотала Франки, глядя в окно.

Наступило красноречивое молчание.

— Все равно обидно, — вырвалось у Бобби. — Не так уж, в сущности, у меня худо со зрением. Сказали, больше оно падать не будет. Прекрасно мог бы служить и дальше.

— А с виду они совершенно нормальные, — сказала Франки, заглянув в самую глубину его прямодушных карих глаз.

— Так что, понимаешь, я вступаю в дело Бэджера, — сказал Бобби.

Франки кивнула.

Официант отворил дверь купе и объявил:

— Завтрак, господа.

— Позавтракаем? — спросила Франки.

Они пошли в вагон-ресторан.

Потом Бобби ненадолго удалился, ибо вскорости должен был нагрять контролер.

— Не стоит слишком полагаться на его совесть, — сказал он.

Тут же Франки не преминула заметить, что контролер вряд ли вообще знаком с таким понятием.

В Сайлхем, где надо было сойти, чтобы попасть в Марчболт, они приехали в самом начале шестого.

— Меня ждет автомобиль, — сказала Франки. — Я тебя подброшу.

— Благодарю. Не надо будет тащить две мили эту... — И он пренебрежительно пнул ногой свой саквояж.

— Не две, а три.

— Если идти тропинкой через дюны, две.

— Той, где...

— Да, где свалился тот бедняга.

— Надеюсь, его не столкнули? — спросила Франки, передавая своей горничной несессер.

— Стокнули? Боже милостивый, да нет. С чего ты взяла?

— Это было бы куда увлекательней, верно? — безо всякого воодушевления сказала Франки.

Глава 4

Дознание

Дознание по поводу смерти Алекса Притчарда проводилось на следующий день. Доктор Томас давал показания касательно покойного.

— Ведь он был еще жив? — спросил коронер^[17].

— Ну да, еще дышал. Однако надежды, что он придет в себя, не было. Положение его туловища...

И доктор принялся излагать сугубо медицинские подробности.

— Проще говоря, у него был сломан позвоночник? — уточнил коронер, пожалев присяжных.

— Да. Если вам угодно выразить это таким образом, — со скорбью в голосе подтвердил доктор Томас и стал рассказывать, как отправился за помощью, оставив умирающего на попечении Бобби.

— Доктор Томас, что, по-вашему, могло послужить причиной несчастья?

— Принимая во внимание, что у нас нет никаких сведений, так сказать, о душевном состоянии покойного, я рискнул предположить, что он случайно сошел с тропы, оступился и упал с утеса. С моря поднимался туман, а в этом месте тропа как раз круто поворачивает от берега. Из-за тумана покойный мог не заметить опасного поворота — тут достаточно и одного неверного шага, чтобы сорваться.

— Вы не заметили каких-нибудь признаков насилия? Таких, которые можно было бы объяснить вмешательством другого лица?

— Могу только сказать, что все имеющиеся повреждения полностью объяснимы тем, что тело ударилось о камни, упав с высоты в пятьдесят — шестьдесят футов.

— Остается еще один вопрос: не самоубийство ли это?

— Это, разумеется, не исключается. Оступился покойный, или сам бросился с утеса — тут я не могу сказать ничего определенного.

Следующим вызвали Роберта Джоунза.

Бобби рассказал, как он с доктором Томасом играл в гольф и как после его, Бобби, неверного удара мяч срезался и отлетел в сторону моря. А с моря в это время поднимался туман, и ничего нельзя было толком разглядеть. Ему показалось, будто кто-то крикнул, и он было испугался, что угодил в кого-то, кто шел в этот момент по тропе. Но потом решил, что так далеко мяч залететь не мог.

— Мяч-то вы нашли?

— Да, ярдах в ста от тропы.

Потом он рассказал, что они повели мячи от следующей метки и что он сам спустился в расселину, так как его мяч опять улетел, теперь уже вниз.

Тут коронер прервал Бобби (так как его показания были бы повторением показаний доктора) и стал подробно расспрашивать его о крике, который ему послышался.

— Это был просто крик.

— Крик о помощи?

— Не сказал бы. Просто возглас. В сущности, я толком не понял, действительно ли я его слышал или мне просто показалось.

— А возглас испуганный?

— Пожалуй да, — с благодарностью подхватил Бобби. — Примерно так человек мог вскрикнуть, если бы в него неожиданно угодил мяч.

— Или если бы шагнул в пустоту, будучи уверенным, что идет по тропе?

— Да.

Потом Бобби рассказал про то, как незнакомец умер, — минут через пять после ухода доктора. На этом мучениям Бобби пришел конец, его отпустили.

А коронеру уже не терпелось покончить с расследованием этого простейшего дела.

Он вызвал миссис Лео Кэймен.

От жгучего разочарования Бобби чуть не задохнулся. Куда подевалось лицо, которое он видел на фотографии, выпавшей из кармана покойного? Да так обманывать умеют только фотографы, с отвращением подумал он. Конечно, фотография была сделана несколько лет назад, но все равно трудно было поверить, что та обаятельная красавица с широко распахнутыми глазами могла превратиться в эту вульгарную на вид женщину с выщипанными бровями и явно крашеными волосами. «Страшная штука время, — вдруг подумал Бобби. — Как будет выглядеть, скажем, Франки лет через двадцать?» Его невольно передернуло.

Тем временем Амелия Кэймен, проживающая в Паддингтоне, Лондон, по улице Сент-Леонард-гарденз, 17, давала показания.

Покойный, Александр Причард, был ее единственным братом. В последний раз она его видела за день до трагедии, и он тогда объявил ей, что намерен поехать в Уэльс и немного там побродить. Брат недавно вернулся с Востока.

— Как по-вашему, он не был в подавленном состоянии?

— Еще чего. Алекс был всегда веселый, сроду не маялся хандрой.

— А не одолевали его какие-нибудь тяжкие мысли?

— Ой нет! Это уж как пить дать. Наоборот, он радовался предстоящей поездке.

— Денежных... или каких-нибудь иных затруднений у него в последнее время не было?

— Ну, сказать по чести, про такие дела я не больно знаю, — ответила миссис Кэймен. — Понимаете, он ведь только воротился, а до того мы не встречались десять лет, а писать он был небольшой охотник. Но он приглашал меня в театры и на обеды в Лондоне и пару раз делал подарки — видать, деньжата у него водились, и такое настроение у него было хорошее, нет, сдаётся мне, ничего его не точило.

— Кто был ваш брат по профессии, миссис Кэймен?

Казалось, вопрос слегка ее смутил.

— Да я толком и не знаю. Изыскатель... так он сам это называл. Он в Англии очень редко бывал.

— Вам не известно ничего такого, что могло бы заставить его наложить на себя руки?

— Ой нет, и ни в жисть не поверю, будто он такое над собой сотворил. Это был несчастный случай.

— Как вы объясните, что у вашего брата не было с собой никакого багажа... рюкзака?

— Не любил он таскать рюкзаки. Он собирался через день отправлять посылки. Накануне отъезда он отправил посылку с ночными принадлежностями и с парой носок, только в адресе вместо Дербишира указал Дербшир, вот посылка и пришла только сегодня.

— А-а! Это объясняет одно несколько странное обстоятельство.

Миссис Кэймен принялась рассказывать, как с ней связались через фотографа, чья фамилия была обозначена на фотографии, которая была у ее брата с собой. Она вместе с мужем приехала в Марчболт и тут же признала, что это тело брата.

При последних словах она громко шмыгнула носом и заплакала.

Коронер произнес несколько утешительных слов и отпустил ее.

Потом обратился к присяжным. Их задача состояла в том, чтобы точно определить причину смерти этого человека. По счастью, на его взгляд дело это чрезвычайно простое. Нет оснований полагать, будто мистер Причард был чем-то обеспокоен, или огорчен, или находился в таком душевном состоянии, что был способен наложить на себя руки. Напротив, он был в добром здравии и в хорошем настроении, предвкушая предстоящий ему отдых. К сожалению, в тот день с моря как раз поднялся туман, и тропа, идущая по краю скалы, стала опасной... и возможно, присяжные с ним согласятся, давно пора принять какие-то меры, чтобы не подвергать риску жизнь людей.

Вердикт присяжных не заставил себя ждать.

«Мы считаем, что причиной смерти покойного является несчастный случай, и полагаем необходимым обязать муниципальный совет немедленно поставить ограждение или перила со стороны моря, там, где тропа огибает расселину».

Коронер кивком выразил одобрение.

Следствие было окончено.

Глава 5

Мистер и миссис Кэймен

Когда примерно через полчаса Бобби вернулся домой, оказалось, что он все еще вовлечен в перипетии, связанные со смертью Алекса Причарда, — его хотели видеть мистер и миссис Кэймен, которые сейчас находились в кабинете викария. Бобби направился туда и обнаружил, что отец его храбро, хотя явно без особого удовольствия, ведет с гостями светскую беседу.

— А, вот и Бобби! — произнес викарий с некоторым облегчением.

Мистер Кэймен встал и, протянув руку, пошел навстречу молодому человеку. Крупный, лицо в красных прожилках, он держался с напускной сердечностью, которую изобличали его холодные, с хитрецей глаза. Что до миссис Кэймен, то, хотя ей, пожалуй, нельзя было отказать в некой грубой, дерзкой привлекательности, у нее сейчас было весьма мало общего с той ее фотографией, от бывшего мечтательного выражения не осталось и следа. Бобби подумалось, что, не узнай она сама себя на этой фотографии, вряд ли ее мог бы узнать кто-нибудь другой.

— Я приехал с женой, — сказал мистер Кэймен, крепко, до боли пожимая руку Бобби. — Сами понимаете, надо было ее поддержать — Амелия, понятное дело, в расстроенных чувствах.

Миссис Кэймен шмыгнула носом.

— Мы зашли с вами повидаться, — продолжал мистер Кэймен. — Ведь брат моей бедной жены умер, можно сказать, у вас на руках. Она, ясное дело, хотела бы услышать об его последних минутах.

— Конечно, — огорченно сказал Бобби. — Ну, конечно.

Он беспокойно хмыкнул и тотчас уловил вздох отца — то был вздох христианского смирения.

— Бедный Алекс, — всхлипнула миссис Кэймен, утирая глаза. — Бедный, бедный Алекс.

— Да, — сказал Бобби. — Просто ужасно.

Он тревожно поежился.

— Понимаете, мне бы надо знать, может, он что напоследок сказал или велел передать, — с надеждой глядя на Бобби, проговорила миссис Кэймен.

— Да, да, конечно, — снова отозвался Бобби. — Только, видите ли, ничего он не сказал и не передал.

— Ни словечка?

Миссис Кэймен смотрела на него разочарованно и недоверчиво. Бобби почувствовал себя виноватым.

— Да... вот какое дело... ни словечка.

— Оно и к лучшему, — внушительно произнес мистер Кэймен. — Скончаться в бессознательном состоянии... без боли... это по-божески, Амелия.

— Да, выходит, так. По-вашему, он не чувствовал боли?

— Наверняка не чувствовал, — сказал Бобби.

Миссис Кэймен глубоко вздохнула.

— Что ж, слава Богу. Я и впрямь надеялась, что он напоследок что-нибудь велел передать, а теперь вижу, так оно лучше. Бедный Алекс. А ведь как он любил попутешествовать.

— Да уж наверно. — Бобби вспомнил бронзовый загар покойного, его синие глаза. Привлекательным человеком был этот Алекс Причард, даже на пороге смерти таким оставался. Странно, что у него такая сестра, как миссис Кэймен, и... такой зять. Он явно был достоин лучшего.

— Что ж, мы, ясное дело, очень вам обязаны, — сказала миссис Кэймен.

— Ох, не надо об этом, — сказал Бобби. — Понимаете... ну, я ничего больше не мог сделать... понимаете...

Он, растерявшись, покраснел.

— Мы никогда этого не забудем, — сказал мистер Кэймен.

Бобби опять ощутил его до боли крепкое рукопожатие. Потом его пальцы вяло сжала миссис Кэймен. Затем последовало прощание с отцом, и Бобби проводил гостей до парадной двери.

— А чем вы занимаетесь, молодой человек? — спросил Кэймен. — Приехали домой в отпуск... так я понял?

— Сейчас я занят поисками работы. — После небольшой паузы Бобби добавил: — Я служил на флоте.

— Тяжелые времена... тяжелые нынче времена. — Кэймен покачал головой. — Ну, ясное дело, желаю удачи.

— Большое спасибо, — вежливо ответил Бобби и все смотрел им вслед, пока они шли по заросшей сорняками подъездной аллее.

Он погрузился в мрачное раздумье. Разные мысли беспорядочно мелькали у него в голове... неясные соображения... фотография... лицо той девушки с широко расставленными глазами и пепельными волосами... а

через десять — пятнадцать лет эта Кэймен, грубо намазанная, с выщипанными бровями... Широко расставленные глаза утонули в жирных складках и походили теперь на свиные глазки, а эти ее нестерпимо рыжие, крашенные хной волосы! От юной чистоты не осталось и следа. Какая жалость! А все, наверно, оттого, что вышла замуж за напористого прохвоста, за этого Кэймена. Вышла бы за кого-нибудь попримечней, возможно, даже и в свои годы выглядела бы поизящней. Легкая седина, на бледном, без морщин лице, прежние распахнутые глаза. А впрочем, кто знает... Бобби вздохнул и покачал головой.

— Да, брак у нее — хуже некуда, — хмуро произнес он.

— Что ты сказал?

Бобби вынырнул из глубокой задумчивости и увидел рядом Франки, он и не слышал, как она подошла.

— Привет, — сказал он.

— Привет. Почему вдруг брак? И чей?

— Меня занимали общие рассуждения, — ответил Бобби.

— А именно?..

— Насчет разрушительных последствий брака.

— На ком это сказалось?

Бобби пояснил. Но Франки придерживалась иного мнения.

— Глупости. Женщина в точности как на фотографии.

— Где ты ее видела? Ты была на следствии?

— Разумеется, была. А ты как думал? Здесь решительно некуда себя деть. Это следствие — настоящая находка. Я еще никогда не присутствовала на следствии. Меня пробрало аж до костей. Разумеется, если бы речь шла о загадочном отравлении, было бы гораздо интереснее — огласили бы результаты лабораторных исследований и прочие занимательные подробности. Но, когда подворачивается подобное удовольствие, не надо быть слишком требовательным. Я до самого конца надеялась, что тут все-таки пахнет преступлением, но, увы, об этом, похоже, не может быть и речи.

— До чего же ты кровожадная, Франки.

— Знаю. Это, по-видимому, атавизм — или как там это называется?.. Тебе так не кажется? Я наверняка натура атавистическая. В школе меня даже прозвали обезьянкой.

— Обезьянкам нравится, когда убивают? — спросил Бобби.

— Ты будто корреспондент «Санди таймс»^[18], — фыркнула Франки. — «У нашего корреспондента на сей счет взгляд весьма определенный...»

— Знаешь, — сказал Бобби, возвращаясь к предмету их беседы, — я с тобой не согласен... я говорю об этой особе, о Кэймен. Та ее фотография была очаровательна.

— Ее просто-напросто отретушировали, — сказала Франки.

— Ну, значит, уж так отретушировали, что никогда и в голову не придет, будто это один и тот же человек.

— Ты слеп, — возразила Франки. — Фотограф сделал все, что мог, но глядеть на нее все равно тошно.

— Совершенно не согласен, — холодно возразил Бобби. — Но где ты видела фотографию?

— В «Вечернем эхе». Это местная газетка.

— Должно быть, она плохо отпечатана.

— По-моему, ты совершенно спятил из-за какой-то размалеванной, истасканной сучки... да, сучки... из-за этой Кэймен, — выпалила в сердцах Франки.

— Франки, ты меня удивляешь. Такие речи, да еще у дома священника. Можно сказать, почти на святом месте...

— Нечего было городить всякую чушь.

Теперь оба молчали, и скоро ее внезапный гнев улетучился.

— Что и вправду нелепо, так это пререкаться из-за такой гнусной особы. Я ведь пришла предложить тебе партию в гольф. Что ты на это скажешь?

— О'кей, босс, мой повелитель, — радостно отозвался Бобби.

И они зашагали прочь, мирно беседуя уже об иных предметах — о подрезке или отработке «стружащего удара», коим мяч загоняют на лужайку вокруг лунки.

Недавняя трагедия уже не занимала их мысли, и вдруг, медленным, легким ударом загнав мяч в лунку, Бобби вскрикнул.

— Что такое?

— Ничего. Просто кое-что вспомнил.

— Что же?

— Понимаешь, эта пара, Кэймены... они пришли, чтобы узнать, не сказал ли тот бедняга что-нибудь перед смертью... и я уверил их, что он ничего не сказал.

— Ну?

— А сейчас вдруг вспомнил, что тогда он кое-что все-таки сказал.

— Да, нынче ты не в самой блестящей форме.

— Понимаешь, они ни о чем таком не спрашивали. Потому я, видимо, и запамятовал.

— Ну и что же он сказал? — полюбопытствовала Франки.

— «Почему же не Эванс?» — вот что.

— Как странно... И больше ничего?

— Он просто открыл глаза и сказал это... совершенно неожиданно... и умер, бедняга.

— Вот что, — сказала Франки, подумав. — По-моему, тебе не из-за чего беспокоиться. Это несущественно.

— Да, конечно. И все-таки лучше бы я помянул об этом. Понимаешь, я их заверил, что он ничего не сказал.

— А это все равно что ничего, — сказала Франки. — То есть это ведь не то, что, к примеру... «Передайте Глэдис, я всегда ее любил», или «Завещание в ореховом бюро», или еще какие-нибудь подходящие романтические «последние слова», как, бывает, пишут в книгах.

— Может быть, стоит им об этом написать, как, по-твоему?

— Я бы не стала. Не было в его словах ничего существенного.

— Должно быть, ты права, — сказал Бобби и снова сосредоточился на игре.

Но окончательно избавиться от этих мыслей ему так и не удалось. Вроде бы пустяк, но он все равно не давал ему покоя... Из-за этого Бобби

было слегка не по себе. Франки конечно же рассудила и правильно и разумно. Это в самом деле несущественно, хватит об этом думать. И все же его мучила совесть. Ведь он заверил Кэйменов, что покойный ничего не сказал. Выходит, обманул. Казалось бы, ерунда — но ему было как-то не по себе.

Наконец вечером, поддавшись неодолимому порыву, он сел-таки за письмо:

«Уважаемый мистер Кэймен, я только теперь вспомнил, что Ваш зять перед смертью все-таки кое-что сказал. Вот, по-моему, его доподлинные слова: „Почему же не Эванс?“ Прошу извинить, что не упомянул об этом утром, но я тогда просто не придавал им значения и, вероятно, потому они и вылетели у меня из головы.

Искренне Ваш

Роберт Джоунз».

Через день он получил ответ:

«Уважаемый мистер Джоунз, получил Ваше письмо от 6-го срочной почтой. Спасибо Вам огромное, что расстарались в точности повторить слова моего несчастного зятя, хотя они этого и не стоят. Жена надеялась, может, он напоследок велел ей что-нибудь передать. Но все равно спасибо Вам за Вашу добросовестность.

С совершенным почтением

Лео Кэймен».

Бобби почувствовал себя униженным.

Глава 6

Чем кончился пикник

Назавтра Бобби получил письмо совсем в ином духе:

«Все в порядке, старик (писал Бэджер такими каракулями, каковые никак не делали чести дорогой привилегированной школе, в которой он получил образование). Вчера уже раздобыл пять автомобилей, заплатил пятнадцать фунтов за всю партию — один „остин“, два „морриса“ и парочку „ровверов“. Не скажу, что они сейчас на ходу, но, я думаю, ты сумеешь как-нибудь наладить, будь они неладны. Ну а автомобиль есть автомобиль. Если он все же довезет клиента до дому у чего ж еще нужно. Я хочу открыть гараж в следующий понедельник и полагаюсь на тебя, так уж ты смотри не подведи, старику заметано? Тетушка Кэри, скажу тебе, была молодчина. Однажды я разбил окно у одного ее соседа, он вечно ей грубил из-за ее кошек, так она всю жизнь была мне благодарна. К Рождеству всегда посылала пятифунтовый билет... а теперь еще и это.

Мы просто обречены на успех. Дело это верняк. Что ни говори, а автомобиль есть автомобиль. Купить можно за гроши. Кое-где подмазать краской, а дурачье больше ни на что и не смотрит. Дело наше мигом развернется. Только не забудь. В следующий понедельник. Я на тебя полагаюсь.

Всегда твой Бэджер».

Бобби сообщил отцу, что в следующий понедельник едет в Лондон и начнет там работать. Род его будущей деятельности отнюдь не привел викария в восторг. Надо заметить, с Бэджером Бидоном ему уже как-то случилось встретиться. После чего он прочел Бобби длинную лекцию о том,

как нецелесообразно связывать себя какими-то обязательствами. Он не был особо искушен ни в финансовой, ни в предпринимательской областях, и практически ничего присоветовать не мог, но смысл его слов не вызывал сомнений.

На этой же неделе в среду Бобби получил еще одно письмо. Адрес был написан почерком с не свойственным англичанину наклоном. Содержание письма несколько удивило молодого человека.

Письмо было от фирмы «Хенрик и Далло», из Буэнос-Айреса, говоря коротко, они предлагали Бобби работу с окладом тысяча фунтов в год.

Поначалу молодой человек решил, что грезит наяву. Тысяча в год. Он перечел письмо более внимательно. Там говорилось, что фирме желательно сотрудничать с человеком, служившим на флоте. Из письма явствовало, что кто-то его порекомендовал (имени этого благодетеля названо не было). Ответ от него ожидали немедленно, а отправиться в Буэнос-Айрес он должен не позднее, чем через неделю.

— Черт возьми! — не сдержался Бобби.

— Бобби!

— Прости, папа. Забыл, что ты тут.

Мистер Джоунз прокашлялся.

— Позволь заметить...

Бобби почувствовал, что не вынесет этой, как правило, долгой отповеди.

Избежать ее удалось благодаря всего одной лишь фразе:

— Мне предлагают тысячу в год.

Викарий замер с открытым ртом, не зная, что на это сказать.

«Сразу забыл про свои нотации», — с удовлетворением подумал Бобби.

— Дорогой мой Бобби, я правильно тебя понял? Тебе предлагают тысячу в год? Тысячу?

— Мяч в лунке, па, — подтвердил Бобби.

— Быть этого не может, — сказал викарий.

Откровенное недоверие отца не обидело Бобби. Его собственное представление о стоимости его собственной персоны мало отличалось от отцовского.

— Похоже, это какие-то болваны, — охотно согласился он.

— А, собственно... кто они такие?

Бобби протянул ему письмо. Вытащив пенсне, викарий недоверчиво уставился на листок. Потом дважды его прочел.

— Поразительно, — сказал он наконец. — В высшей степени поразительно.

— Ненормальные, — сказал Бобби.

— Да, мой мальчик. Что ни говори, великое дело быть англичанином, — начал свою речь викарий. — Честность — вот что мы символизируем. Благодаря королевскому флоту наша порядочность стала известна всему свету. Слово англичанина! Южноамериканская фирма знает цену молодому человеку, который в любых обстоятельствах останется неподкупен и в чьей верности и преданности работодателя могут быть уверены. Никто и никогда не усомнится в том, что англичанин будет вести только честную игру...

— И бить прямо в цель, — подхватил Бобби.

Викарий в сомнении посмотрел на сына. С губ уже готова была сорваться сентенция, отличная сентенция, однако что-то в тоне сына показалось ему неискренним.

Но молодой человек был совершенно серьезен.

— И все-таки, папа, почему именно я? — сказал он.

— То есть как почему именно ты?

— В Англии полным-полно англичан, — сказал Бобби. —

Жизнерадостных и честных парней.

— Возможно, тебя рекомендовал твой последний командир.

— Да, похоже, — не очень уверенно сказал Бобби. — Но это, в сущности, не важно. Я не могу принять их предложение.

— Не можешь принять их предложение? Дорогой мой, что это значит?

— Ну, видишь ли, я уже связан обязательствами. С Бэджером.

— С Бэджером Бидоном? Глупости, мой мальчик. Речь идет о серьезном деле.

— Признаться, случай нелегкий, — со вздохом сказал Бобби.

— Все твои ребяческие договоренности с молодым Бэджером никак нельзя принимать в расчет.

— А я принимаю.

— Молодой Бидон — личность совершенно безответственная. Насколько мне известно, для своих родителей он уже был источником значительных неприятностей и расходов.

— Ему здорово не везло. Бэджер катастрофически доверчив.

— Не везло... не везло! Просто сей молодой человек никогда в жизни палец о палец не ударил.

— Глупости, папа. Да он каждый день вставал в пять утра кормить этих мерзких кур. Он ведь не виноват, что они заболели этим рупом или крупом^[19], или как там это еще называется.

— Мне всегда была не по вкусу эта затея с гаражом. Чистое безрассудство. Тебе следует от нее отказаться.

— Не могу, сэр. Я обещал. Я не могу подвести старину Бэджера. Он на меня рассчитывает.

Они продолжали спорить. Руководствуясь исключительно своим взглядом на Бэджера, викарий не в силах был согласиться, что обещание, данное этому молодому человеку, непременно следует выполнять. Он полагал, что Бобби упрямец, который вознамерился любой ценой вести праздную жизнь в обществе едва ли не самого неподходящего из всех возможных компаньонов. Бобби же упорно твердил свое: он не может «подвести старину Бэджера».

Кончилось тем, что викарий в гневе вышел из комнаты, а Бобби тотчас сел писать фирме «Хенрик и Далло», что не может принять их предложения.

Писал он с тяжелым сердцем, ибо упускал случай, который едва ли еще подвернется. Но иначе он поступить не мог.

Позднее на площадке для гольфа он рассказал о письме Франки. Она слушала его очень внимательно.

— Тебе пришлось бы поехать в Южную Америку?

— Да.

— Ты был бы рад?

— Да, почему бы и не съездить?

Франки вздохнула.

— Как бы там ни было, по-моему, ты поступил правильно, — твердо сказала она.

— Ты это насчет Бэджера?

— Да.

— Не мог же я подвести горемыку, верно?

— Верно, только смотри, чтобы этот, как ты его называешь, «горемыка», не пустил тебя по миру.

— О, постараюсь быть осмотрительным. А вообще, чего мне бояться? У меня же ничего нет.

— В этом есть даже некая прелесть, — сказала Франки.

— И какая же?

— Сама не знаю. Во всяком случае, звучит довольно мило и бесшабашно. Хотя, знаешь, если честно, у меня, пожалуй, тоже мало что есть. То есть отец дает мне деньги на карманные расходы. У меня есть дома, где я могу жить, и наряды, и горничные, и какие-то жуткие семейные драгоценности... и предостаточный кредит в магазинах, но ведь это все принадлежит моему семейству, а не мне.

— Да, но... — Бобби замолчал.

— Ну, конечно, я не сравниваю.

— Да, у меня ситуация несколько иная, — сказал Бобби.

Он вдруг ощутил страшную подавленность.

Они в молчании дошли до следующей метки.

— А я завтра еду в Лондон, — сказала Франки, когда Бобби установил мяч для первого удара.

— Завтра? Жаль... а я хотел пригласить тебя на пикник.

— Я бы с удовольствием. Но, увы, не могу. Понимаешь, у отца опять разыгралась подагра^[20].

— Тебе надо бы остаться дома и ухаживать за ним, — сказал Бобби.

— Он не любит, чтобы за ним ухаживали. Его это ужасно раздражает. Предпочитает, чтобы с ним оставался лакей. Тот ему сочувствует и безропотно терпит, когда в него кидают чем попало и обзывают болваном.

Бобби зацепил мяч поверху, и тот тихонько скатился в канавку.

— Не повезло! — сказала Франки и тут же послала мяч отличным прямым ударом. — Кстати, — заметила она, — в Лондоне мы могли бы видаться. Ты скоро приедешь?

— В понедельник. Но... понимаешь... ни к чему это.

— Что значит ни к чему?

— Ну, видишь ли, большую часть времени я буду работать механиком. Понимаешь...

— Я думаю, это не помешает тебе, как всем прочим моим друзьям, прийти ко мне на коктейль и расслабиться, — сказала Франки.

Бобби только покачал головой.

— Если тебе не нравится коктейль, можем устроить вечеринку с пивом и сосисками, — сказала Франки, желая его ободрить.

— Послушай, Франки, к чему это? Мы люди разного круга. Боюсь, мне будет не совсем комфортно в компании твоих друзей.

— Поверь, у меня бывает очень разношерстная публика.

— Не делай вида, будто не понимаешь, о чем я толкую.

— Ну хочешь, прихвати с собой Бэджера. Раз ты так дорожишь его дружбой.

— У тебя предубеждение против Бэджера.

— Наверно, оттого, что он заика. Когда при мне кто-нибудь заикается, я тоже начинаю заикаться.

— Послушай, Франки, ни к чему это, ты сама знаешь.

Когда мы тут, все понятно. Тут особо не развлечешься, и я, вероятно, лучше, чем ничего. Ты всегда была ко мне внимательна, и я страшно тебе благодарен. Но, понимаешь, я отлично знаю, что я — никто... и понимаешь...

— Когда ты выговоришься относительно своей неполноценности, — холодно произнесла Франки, — будь любезен, выведи мяч из лунки и лучше поближе, а не короткой клюшкой.

— Неужели я... о, черт! — Бобби поспешил запихнуть короткую клюшку в мешок и достал блик.

Франки не без злорадства наблюдала, как он пять раз подряд ударил по мячу. Вокруг носились клубы песка.

— У тебя очко, — сказал Бобби, подбирая мяч.

— Да уж надо думать, — сказала Франки. — И значит, я выиграла.

— Сыграем еще одну напоследок?

— Пожалуй, нет. У меня куча дел.

— Понял. Иначе и быть не может.

Они молча направились к зданию клуба.

— Что ж, до свиданья, Бобби, — сказала Франки, протягивая ему руку. — Было распрекрасно иметь тебя на подхвате и пользоваться твоими услугами, пока я была здесь. Быть может, мы вновь с тобой свидимся, если не подвернется ничего более интересного.

— Послушай, Франки...

— Быть может, ты удостоишь своим присутствием мой прием в саду. Надеюсь, в «Вулвортсе»^[21] ты сумеешь по дешевке обзавестись перламутровыми пуговицами.

— Франки...

Слова Бобби потонули в шуме мотора, Франки уже завела свой «бентли»^[22]. Небрежно махнув ему рукой, она отъехала.

— Черт! — вырвалось у Бобби.

Это уж она чересчур. Возможно, он высказался не слишком тактично, но, черт побери, ведь, по существу-то, он прав.

Хотя, возможно, и не следовало так откровенничать.

Оставшиеся до отъезда три дня тянулись бесконечно.

У викария разболелось горло, и разговаривал он исключительно шепотом и совсем мало. Присутствие своего четвертого сына он переносил с христианским смирением. Только раз или два не удержался — процитировал строфу из Шекспира о том, что «укуса змей страшнее детей неблагодарность...»^[23].

В субботу Бобби понял, что накаленную атмосферу родных пенатов ему больше не вынести. Он попросил миссис Робертс, заправлявшую вместе с мужем хозяйством викария, сделать ему несколько сэндвичей и, прихватив еще заранее купленную бутылку пива, в одиночестве отправился на пикник.

В последние дни ему отчаянно не хватало Франки. Эти старики просто невыносимы... Знай долдонят одно и то же.

Бобби растянулся на заросшем папоротниками берегу реки, обдумывая важный вопрос: то ли ему сперва закусить, а потом поспать, то ли сперва поспать, а потом закусить.

Вскоре его сморил сон, и все решилось само собой.

Проснулся он уже в половине третьего. При мысли о том, как осудил бы подобное времяпрепровождение отец, Бобби усмехнулся. Прошагать пешком миль двенадцать по свежему воздуху — вот как должно проводить досуг здоровому молодому человеку. И только тогда сей молодой человек с полным правом мог бы произнести сакраментальное: «А теперь, полагаю, я заработал право на обед».

«Чушь какая-то, — подумал Бобби. — Почему право на обед надо зарабатывать, шляясь по округе, когда тебе совсем этого не хочется? И какая в этом заслуга? Если тебе нравится ходить, тогда ты просто потекаешь своим желаниям, а если нет, надо быть полным идиотом, чтобы тащиться в такую даль».

Придя к такому заключению, он принялся за сэндвичи, смакуя каждый кусочек. Потом, удовлетворенно вздохнув, откупорил бутылку пива. Пиво оказалось непривычно горькое, но освежало...

Бобби забросил пустую бутылку в заросли вереска и опять откинулся на землю.

Он ощутил себя чуть ли не Господом Богом. Мир лежал у его ног. Слова не новые, но чем они плохи? Все ему подвластно... все, стоит только захотеть! Великолепнейшие планы, смелые замыслы мелькали в голове. Потом опять стало клонить в сон. Все смешалось.

Он уснул... Тяжелым, цепенящим сном...

Глава 7

Спасение

В своем большом зеленом «бентли» Франки подъехала к краю тротуара и остановилась перед большим старомодным особняком, над дверью которого было начертано: «Святая Асафа»^[24].

Выскочив из автомобиля, она взяла с сиденья большой букет лилий. Потом позвонила в дверной колокольчик. На пороге появилась женщина в форме медицинской сестры.

— Могу я повидать мистера Джоунза? — спросила Франки.

Сестра с острым интересом окинула взглядом «бентли», лилии и саму Франки.

— Как ему передать, кто его спрашивает?

— Леди Франсез Деруэнт.

Это имя произвело на сестру впечатление — их пациент сразу возвысился в ее глазах.

Она провела Франки наверх, в комнату на втором этаже.

— К вам посетительница, мистер Джоунз. И кто бы вы думали? Это будет вам приятный сюрприз, — заключила она нарочито бодрым тоном, которым обычно разговаривает больничный персонал.

— Господи! — воскликнул изумленный Бобби. — Франки, ты?!

— Привет, Бобби. Я, как и полагается, с цветами. В лилиях есть нечто кладбищенское, но выбирать было не из чего.

— Что вы, леди Франсез, они восхитительны, — сказала сестра. — Пойду поставлю их в вазочку.

Она вышла из комнаты.

Франки села на стул, предназначенный для посетителей.

— Ну, Бобби, — сказала она. — Что все это значит?

— Случай и вправду презабавный, — сказал Бобби. — Я тут у них произвел настоящий фурор. Восемь гран^[25]морфия, не меньше. Они хотят написать обо мне в «Лансет»^[26] или в «Б. М. Ж.».

— Что это за Б. М. Ж.? — перебила его Франки.

— Британский медицинский журнал.

— Чудненько. Валяй дальше, Бобби, выкладывай, в какие еще журналы они о тебе напишут, смотри какой-нибудь не пропусти.

— А известно ли тебе, моя милая, что пол грана — смертельная доза? Я должен был бы быть в шестнадцать раз мертвее мертвого. Правда, был еще один — оклемался после шестнадцати гран, но восемь тоже неплохо, согласна? Я у них герой. Такого случая в их лечебнице еще не было.

— Им крупно повезло.

— А то нет. Теперь есть о чем говорить с остальными пациентами.

Снова появилась сестра, держа в руках две вазочки с лилиями.

— Ведь правда у вас никогда не было такого случая, как мой? — тут же спросил ее Бобби.

— Да уж, мистер Джоунз, вы бы не здесь должны были быть, а на кладбище, — сказала сестра. — Но, говорят, молодыми умирают только праведники. — Довольная собственным остроумием, она хихикнула и вышла из комнаты.

— Ага, что я тебе говорил! — воскликнул Бобби. — Вот увидишь, я еще прославлюсь на всю Англию.

Он все не мог успокоиться. От комплекса неполноценности, который так явственно проявился при его последней встрече с Франки, не осталось и следа. Он с удовольствием смаковал каждую подробность происшедшего и все, что с ним затем проделывали.

— Хватит, — попыталась унять его Франки. — Очень мне интересно знать про всякие там желудочные зонды. Можно подумать, до тебя никто никогда не травился.

— Да, но принять восемь гран морфия и остаться живым — на такое способны только избранные, — заметил Бобби. — Черт подери, я смотрю, на тебя это не произвело никакого впечатления.

— Твоим отравителям сейчас довольно тошно, — сказала Франки.

— Надо думать. Столько морфия зря пропало.

— Он был в пиве, да?

— Ну да. Понимаешь, кто-то наткнулся на меня, когда я спал мертвецким сном, попытались меня разбудить, и ни в какую. Естественно, всполошились, потащили в дом какого-то фермера, послали за доктором...

— Все, что было потом, я уже знаю, — поспешно вставила Франки.

— Поначалу решили, что я сам надумал отравиться. Но когда я рассказал, как было дело, они пошли искать пивную бутылку и, представь, нашли ее там, куда я ее закинул. Ну а после отдали ее на экспертизу — там на донышке были остатки.

— А как морфий попал в бутылку? Что-нибудь прояснилось?

— Ничего. Опрашивали посетителей пивной, в которой я купил бутылку, проверили на анализ другие бутылки — в них ничего.

— Может, кто-то подсыпал, пока ты спал?

— Возможно. Бумажная полоска на пробке была наклеена не очень крепко.

Франки задумчиво кивнула.

— Выходит, что тогда в поезде я была права.

— В чем права?

— Что того человека... Причарда... столкнули с утеса.

— Ты это сказала не в поезде. А на вокзале, — вяло возразил Бобби.

— Какая разница.

— Но с чего ты взяла...

— Дорогой мой... это совершенно очевидно. Иначе зачем кому-то понадобилось убирать тебя с дороги? Ты ведь не богатый наследник или какой-нибудь денежный мешок...

— Не скажи, а вдруг какая-нибудь двоюродная бабушка, о которой я слыхом не слыхивал, в Новой Зеландии или еще где оставила мне все свои деньги?

— Глупости. Могла бы оставить, если б знала тебя лично. А если не знала, с какой стати ей оставлять деньги четвертому сыну, а не старшему? Да в нынешнее трудное время даже у священника четвертого сына могло просто и не быть. Нет, это все чепуха. Твоя смерть никому не сулит никакой выгоды, так что это исключается. Тогда остается месть. Ты, случаем, не соблазнил дочь аптекаря?

— Насколько я помню, нет, — с достоинством ответил Бобби.

— Понятно. Ты только и делаешь, что соблазняешь девиц, так что потерял счет. Нет, по-моему ты вообще никого никогда не соблазнял. Уж извини за прямоту.

— Ты вгоняешь меня в краску, Франки. И вообще, почему непременно дочь аптекаря?

— Свободный доступ к морфию. Заполучить морфий не так-то просто.

— Так вот, не соблазнял я дочь аптекаря.

— И врагов, о которых бы ты знал, у тебя нет?

Бобби покачал головой.

— Вот видишь, — торжествующе произнесла Франки. — Значит, все упирается в того несчастного, которого столкнули со скалы. А что про морфий думает полиция?

— Они думают, это проделки какого-то сумасшедшего.

— Глупости. Сумасшедшие не разгуливают с невероятным количеством морфия в поисках бутылок пива, в которые можно было бы его всыпать. Нет, Причарда столкнули намеренно. А через пару минут там появился ты, и преступник решил, что ты все видел, вот и решил на всякий случай избавиться от тебя.

— Звучит не слишком убедительно, Франки.

— Почему?

— Ну, во-первых, я ничего не видел.

— Хорошо, но он-то откуда мог это знать.

— Но если бы я и впрямь его видел, я сказал бы об этом во время следствия.

— Да, верно, — неохотно согласилась Франки.

Она немного подумала и продолжила:

— Возможно, он решил, что ты видел что-то важное, чему просто не придавал значения. Звучит диковато, но ты понял, о чем я?

Бобби кивнул.

— Да, понял, но мне почему-то кажется, что дело не в этом.

— Во всяком случае, твое отравление наверняка связано с падением со скалы. Ты очевидец... ты первый, кто его обнаружил...

— Томас тоже там был, — напомнил ей Бобби. — И однако, его никто не попытался отравить.

— погоди, еще попытаются, — весело сказала Франки. — А возможно, уже пытались, да не вышло.

— Мне кажется, все это притянута за уши.

— А по-моему, тут есть своя логика. Если в таком стоячем болоте, как Марчболт, случаются сразу два престранных события... погоди-ка... было же и третье.

— Это какое же?

— Работа, которую тебе предложили. Событие, разумеется, менее значительное, чем первые два, но, согласись, все это странновато. В жизни не слышала, чтобы какая-нибудь иностранная фирма специально подыскивала ничем не отличившихся бывших морских офицеров.

— Ты, кажется, сказала, ничем не отличившихся?

— Тогда ведь ты еще не успел попасть в Британский медицинский журнал. Хватит об этом. Ты лучше слушай меня дальше. Ты видел что-то, что не предназначалось для твоих глаз, или, по крайней мере, так думают они (кто бы они ни были). Итак. Сперва они пытаются тебя сплавить и предлагают работу за границей. Но — сорвалось, и они делают попытку окончательно с тобой разделаться.

— Не слишком ли круто, а? И потом, ведь они рисковали?

— Безусловно, рисковали, но убийцы всегда отчаянно безрассудны. Чем больше они убивают, тем больше им хочется убивать.

— Как в «Третьем пятне крови», — подхватил Бобби, вспомнив одну из своих любимых книжек.

— Да, и как в жизни тоже... Возьми хоть Смита^[27] и его жен, или Армстронга^[28], да мало ли еще кого.

— Но, Франки, что такого, по их мнению, я мог увидеть?

— Вот в этом-то и загвоздка, — заметила Франки. — Речь, разумеется, не о том, что ты видел, как его толкнули, — об этом ты сказал бы следователю. Что-то кроется в самом покойном. Возможно, у него было родимое пятно, или двойные суставы на пальцах, или еще какая-нибудь особая примета.

— Как я понимаю, ты мыслишь по доктору Торндайку^[29]. Но ничего такого быть не могло, ведь, если бы я что и увидел, полиция это заметила бы тоже.

— В самом деле. Что-то не сходится. Трудная задачка, а?

— Все это, конечно, замечательно, — сказал Бобби. — И я сразу чувствую себя таким важным и значительным, но, боюсь, твоя версия едва ли подтвердится.

— погоди, еще как подтвердится, — сказала Франки, вставая. — Ну да ладно, мне пора. Ты не возражаешь, если я навещу тебя и завтра?

— Еще бы! Шутки сестер чересчур однообразны. Кстати, ты что-то слишком быстро вернулась из Лондона?

— Дорогой мой, я, как услышала про тебя, сразу кинулась обратно. Это так лестно — когда твоего приятеля травят таким романтическим способом.

— Не уверен, что морфий — это очень романтично, — сказал Бобби.

— Значит, до завтра. Поцеловать тебя можно?

— Я вроде не заразный, — сказал Бобби ободряюще.

— Ну что ж, тогда завершу свой визит к болящему, как положено.

Она легонько его чмокнула.

— До завтра.

Едва она вышла, явилась сестра с чаем.

— Я часто видела ее фотографии в газетах. В жизни она совсем другая. И конечно, видела, как она разъезжает в своем автомобиле, но чтобы вот так, лицом к лицу, — ни разу с ней не встречалась. Она нисколько не заносчивая, правда?

— О да! — ответил Бобби. — Заносчивой я бы ее никогда не назвал.

— Я так и сказала старшей: такая, мол, она простая.

Нисколько не задирает нос. Совсем, мол, вроде нас с вами, так и сказала.

В душе Бобби яростно протестовал против последней фразы, но промолчал. Сестра, поняв, что он не расположен к беседе, разочарованная вышла из палаты.

Бобби остался наедине со своими мыслями.

Он допил чай. Потом принялся размышлять, насколько вероятна версия Франки, и в конце концов с сожалением решил, что нет — все-таки невероятна. Потом огляделся, раздумывая, чем бы еще заняться.

Его взгляд приковали вазы с лилиями. Ужасно мило со стороны Франки. Они, разумеется, прелестны, но лучше притащила бы несколько детективов. Он бросил взгляд на столик подле кровати. Там лежал роман Уйды^[30], «Джон Галифакс, джентльмен»^[31] и последний «Марчболтский еженедельник». Бобби взял «Джентльмена».

Его терпения хватило на пять минут. Для ума, вскормленного на «Третьем пятне крови», «Деле убитого эрцгерцога» и «Диковинном

приключении Флорентийского кинжала», «Джон Галифакс, джентльмен» был довольно скучен.

Бобби со вздохом взял «Марчболтский еженедельник».

А уже через пару минут он с такой силой принялся жать на звонок у себя под подушкой, что сестра влетела как ошпаренная.

— Что случилось, мистер Джоунз? Вам плохо?

— Срочно позвоните в Замок! — крикнул Бобби. — Скажите леди Франсез, пусть приедет немедленно.

— Ну что вы, мистер Джоунз. Разве можно такое требовать?

— По-вашему, нельзя? Разрешили бы мне подняться с этой проклятой кровати, сами бы увидели, что можно, а что нет. А пока придется вам сделать это за меня.

— Но она, верно, еще не доехала до дому.

— Вы не представляете, какая скорость у ее «бентли».

— Она не успеет выпить чаю.

— Ну, вот что, милочка, — сказал Бобби. — Хватит пререкаться. Делайте, что вам сказано. И пусть приезжает немедленно, я должен сообщить ей нечто очень важное.

Сестра подчинилась, но очень неохотно. С поручением Бобби она обошлась довольно своевольно.

Если леди Франсез это удобно, мистер Джоунз хотел бы знать, не согласится ли она приехать — он хотел бы ей кое-что сообщить... конечно, если это не нарушает никаких планов леди Франсез.

Леди Франсез лишь коротко ответила, что немедленно выезжает.

— Будьте уверены, она в него влюблена, — сказала сестра своим коллегам. — Вот в чем тут дело.

Франки тут же примчалась, сгорая от любопытства.

— Что означает сей отчаянный призыв?

На щеках Бобби пылали красные пятна, в руках «Марчболтский еженедельник».

— Ты только посмотри, Франки.

Франки посмотрела.

— Ну и что? — недоуменно спросила она.

— Когда ты говорила, что фотография подретуширована, но что у Кэймен с ней очевидное сходство, ты имела в виду вот это фото?

Палец Бобби уперся в несколько нечеткую фотографию, под которой было напечатано: «Портрет миссис Амелии Кэймен, сестры покойного, который был найден при нем и с помощью которого он был опознан».

— Ну да, эту. А разве я была не права? Я действительно не вижу, чем тут можно было восхищаться.

— Я тоже.

— Но ведь ты говорил...

— Да, говорил. Но, видишь ли, Франки... — Голос Бобби зазвучал крайне выразительно, — это не та фотография, которая была при покойном и которую я вложил ему обратно в карман...

Они переглянулись.

— В таком случае... — начала Франки.

— Либо при нем были две фотографии...

- Что маловероятно...
- Либо...
- ...тот человек... как его? — сказала Франки.
- Бассингтон-ффренч, — сказал Бобби.
- Наверняка!

Глава 8

Загадка фотографии

Они продолжали пристально смотреть друг на друга, стараясь осмыслить новые обстоятельства.

— Больше некому, — сказал Бобби. — Только у него и была такая возможность.

— Разве что в карманах погибшего было две фотографии, мы уже это обсуждали.

— И сошлись на том, что такое маловероятно. Будь там две фотографии, его попытались бы опознать с помощью обеих, а не одной.

— Ну это уточнить не сложно, — сказала Франки. — Можно выяснить в полиции. Пока предположим, что там была всего одна фотография, та, которую ты видел и вложил обратно в его карман. Когда ты уходил, фотография была у него в кармане, а когда приехала полиция, ее там не было. Выходит, взять ее и подложить вместо нее другую мог только этот самый Бассингтон-ффренч. Как он выглядел, Бобби?

Бобби сдвинул брови, стараясь припомнить.

— Неприметный такой человек. Голос приятный. Явно джентльмен. А вообще я как-то не приглядывался. Он сказал, что он нездешний... и вроде подыскивает дом.

— Это тоже легко проверить, — сказала Франки. — «Уилер и Оуэн» — единственные здесь агенты по аренде и продаже недвижимости. — Она вдруг вздрогнула. — Бобби, тебе не пришло в голову, что, если Причарда столкнули... это наверняка сделал Бассингтон-ффренч..

— Очень жаль, — сказал Бобби. — Он мне показался таким славным. Но знаешь, Франки, то, что Причарда действительно столкнули, нужно еще доказать.

— Да я убеждена.

— Ты с самого начала была убеждена.

— С самого начала — нет. Мне просто хотелось, чтобы так было, так ведь гораздо интересней. Но теперь, сам видишь, все действительно сходится. Твое неожиданное появление нарушило планы убийцы. К тому же ты обнаружил фотографию, и в результате возникает необходимость тебя убрать.

— Нет, тут что-то не так.

— Почему не так? Бассингтон-ффренч, как только ты ушел, тут же подменяет фотографию. Ну и получается, что ты единственный, кто ее видел.

Но Бобби продолжал мотать головой.

— Нет-нет, что-то здесь не так. Предположим, что та фотография была так важна, что, как ты говоришь, меня решили «убрать». Звучит нелепо, однако готов согласиться, это возможно. Но тогда они должны были сделать это сразу. То, что я уехал в Лондон, и не видел номер

«Марчболтского еженедельника» или какой-нибудь другой газеты с этим фото, — чистая случайность, рассчитывать на это никто не стал бы. Значит, они должны были предвидеть, что я сразу заявлю: «У покойного в кармане была совсем другая фотография». Чего ради было «убирать» меня после следствия, когда там все прошло так гладко?

— В этом что-то есть, — не могла не признать Франки.

— И еще одно. Я, конечно, не могу утверждать категорически, но тем не менее готов поклясться, что, когда я засовывал фотографию обратно, Бассингтон-ффренча там еще не было. Он появился минут через пять — десять.

— Он мог наблюдать за тобой из какого-нибудь укрытия, — возразила Франки.

— Из какого, — задумчиво произнес Бобби. — Там есть только одно место, откуда нас можно было увидеть — там с одной стороны утес вздымается, отступает, а с другой почти уходит из-под ног, так что увидеть меня было невозможно. Говорю, там всего одно подходящее место, и когда Бассингтон-ффренч действительно дошел до него, я его тотчас услышал. Его шаги эхо донесло вниз. Он мог быть совсем близко, но, готов поклясться, заглянуть вниз он с другой точки не мог.

— Значит, по-твоему, он не знал, что ты видел ту фотографию?

— Ну, откуда бы ему знать.

— И, значит, он мог не бояться, что ты видел, как он это совершил... я имею в виду убийство... Ну конечно же это было бы нелепо, ты не стал бы молчать. Похоже, тут что-то другое.

— Только не понимаю что.

— Видимо, им стало о чем-то известно после следствия. Сама не знаю, почему я сказала «они».

— А почему бы и не сказать? В конце концов, Кэймены должны быть как-то в этом замешаны. Вероятно, тут действовала целая шайка. По мне, иметь дело с шайкой гораздо приятнее.

— У тебя вульгарный вкус, — рассеянно сказала Франки. — Убийство, совершенное в одиночку, куда более изысканно. Бобби!

— Да?

— А что этот Причард сказал... перед самой смертью? Помнишь, ты говорил мне об этом тогда на площадке для гольфа. Станный такой вопрос?

— «Почему же не Эванс?»

— Да. А что, если все дело в этом?

— Ну уж это совсем смешно.

— На первый взгляд да, а на самом деле эта фраза может означать что-то очень важное. Бобби, наверняка суть именно в этом. Ох, нет, какая же я дура... ты же не говорил про это Кэйменам.

— По правде сказать, говорил, — медленно произнес Бобби.

— Говорил?

— Да. В тот же вечер я им об этом написал. Добавив, разумеется, что это, вероятно, совсем не важно.

— И что было дальше?

— Кэймен ответил, вежливо согласившись, что в этих словах действительно нет никакого смысла, и поблагодарил за то, что я потрудились ему написать. Я почувствовал себя полным идиотом.

— А через два дня получил письмо от какой-то неизвестной фирмы, которая пыталась заманить тебя в Южную Америку, предлагая высокий заработок.

— Да.

— Ну не знаю, какие еще доказательства тебе требуются, — сказала Франки. — Сперва они пробуют тебя отправить подальше отсюда, ты отвечаешь отказом, тогда они принимаются за тобой следить и, улучив момент, подсыпают тебе в бутылку с пивом изрядную дозу морфия.

— Значит, Кэймены и вправду в этом замешаны?

— Разумеется, замешаны!

— Да, если твои домыслы верны, несомненно, замешаны, — задумчиво повторил Бобби. — Тогда значит так: покойного «Икс» намеренно сталкивают со скалы — сталкивает, по-видимому, БФ (прошу прощения, но такие уж инициалы)^[32]. При этом им важно, чтобы «Икс» не был опознан, и тогда ему в карман кладут фотографию миссис К., а фотографию прекрасной незнакомки забирают. Интересно, кто она такая.

— Не отвлекайся, — сурово сказала Франки.

— Миссис К. ждет, чтобы фотография появилась в газете, и тогда приезжает, изображая убитую горем сестру, и признает в покойном своего брата, вернувшегося из дальних стран.

— А ты не допускаешь, что он и вправду мог быть ее братом?

— Ни в коем случае! Понимаешь, меня это с самого начала озадачивало. Кэймены люди совсем другого круга. А тот человек — как бы это сказать... — в общем, был настоящий сагиб^[33], хотя, конечно, так обычно называют какого-нибудь дряхлого отставника, вернувшегося наконец из Индии в родные пенаты.

— И таких родственников, как Кэймены, у сагибов, по-твоему, не бывает?

— Никоим образом.

— И как раз в тот момент, когда Кэймены решили, что все обошлось — тело опознано, вердикт о смерти в результате несчастного случая вынесен, в общем, их план целиком удался, — объявляешься ты со своим письмом и портишь всю картину, — вслух размышляла Франки.

— «Почему же не Эванс?» — задумчиво произнес Бобби. — Просто ума не приложу, что кроется в этих его словах? Что тут могло бы кого-то насторожить?

— Ты ведь не знаешь, о чем речь. Это все равно как с кроссвордами — придумает какой-нибудь умник эдакое словечко, которое ему самому кажется просто элементарным, а ты потом ломай голову. «Почему же не Эванс?» — для Кэйменов это наверняка означает что-то очень важное, но одного они никак не могут сообразить: для тебя-то эти слова ровным счетом ничего не значат.

— Ну и дураки.

— Вот именно. А возможно, они думают, что Причард сказал что-то еще и что со временем ты и это вспомнишь, — так или иначе они хотели бы себя обезопасить, ну а без тебя им гораздо спокойнее.

— Но ведь они здорово рисковали. Не проще ли было подстроить еще один «несчастный случай»?

— Нет-нет. Это было бы слишком опрометчиво. Два несчастных случая в течение одной недели? Могли заподозрить, что между ними имеется какая-то связь, и снова принялись бы за расследование первого случая. Нет, по-моему, они действуют мудро, выбирая то, что просто и надежно.

— Ничего себе просто... ты же сама сказала, что раздобыть морфий задачка не из легких.

— Да уж. За него надо расписываться в специальных книгах. Ох! Так вот он и ключ: тот, кто это сделал, имеет свободный доступ к морфию.

— Врач, больничная сестра, аптекарь, — перечислил Бобби.

— Ну я-то скорее подумала о контрабанде.

— Ну извини, еще и контрабанда. Это уж ты чересчур. Это совсем другая специализация, — возразил Бобби.

— Кстати, им на руку было бы отсутствие мотивов. Твоя смерть совершенно никому не выгодна. Что остается думать полиции?

— Что это проделки какого-то психа, — сказал Бобби. — Впрочем, так они и думают.

— Вот видишь, как все оказалось просто.

Бобби вдруг расхохотался.

— Что тебя так развеселило?

— Да вот подумал, до чего тошно им должно быть. Столько морфия... хватило бы, чтобы убить пятерых, а то и шестерых... и нате, пожалуйста, жив курилка.

— Ирония судьбы, такое не предугадаешь, — заметила Франки.

— Спрашивается, что нам делать дальше? — деловито спросил Бобби.

— О, много чего, — мигом отозвалась Франки.

— А именно?..

— Сперва... выяснить насчет фотографии — была ли только одна фотография или их было две. И проверить, какие такие дома хотел тут купить этот Бассингтон-ффренч.

— Ну тут, вероятно, все будет тип-топ.

— Почему ты так думаешь?

— А ты поразмысли, Франки. Бассингтон-ффренч должен быть вне подозрений. С ним скорее всего все чисто — он наверняка не только не связан с покойным, но и имеет вполне достаточные основания здесь у нас околачиваться. Про то, что подыскивает дом, он мог и выдумать, но, готов спорить, какой-то предлог у него наверняка имеется. Так что, думаю, не будет и намек на «таинственного незнакомца, которого видели неподалеку от того места, где произошел несчастный случай». Уверен, что Бассингтон-ффренч — его настоящее имя и что такие субъекты — всегда вне подозрений.

— Да, — задумчиво произнесла Франки. — Вполне возможно, что ты прав. Все можно так обставить — не подкопаешься. И ничего, что

связывало бы его с Алексом Причардом. Эх, знать бы, кто на самом деле был «этот Причард».

— Ну, тогда бы другое дело.

— Итак, было очень важно, чтобы покойного не опознали... отсюда все эти кэйменовские хитрости. И все-таки они здорово рисковали.

— Ну не скажи. Миссис Кэймен тут же примчалась на опознание, помнишь? А после, даже если бы в газетах появилась его фотография (а ты сам знаешь, какие они всегда нечеткие), все просто скажут: «Ну удивительно, до чего же этот Причард похож на мистера „Икс“».

— Более того, — проницательно сказала Франки, — «Икс» скорее всего тот человек, которого не скоро хватятся. По-видимому, у него нет ни жены, ни родственников. Иначе те наверняка сразу же сообщили бы в полицию об его исчезновении.

— Молодец, Франки. Да, должно быть, он как раз собрался за границу или, может быть, только что вернулся (у него был замечательный загар... будто у бывшего охотника...) и, очень вероятно, у него нет близких, которым он сообщал бы о своем местопребывании.

— Мы с тобой вполне владеем методом дедукции, — сказала Франки. — Надеюсь, он нас не подведет.

— И я надеюсь, — сказал Бобби. — По-моему, до сих пор наши предположения были вполне разумны... принимая во внимание все чудовищное неправдоподобие случившегося.

От «чудовищного неправдоподобия» Франки небрежно отмахнулась.

— Надо решить, что делать дальше, — сказала она. — Мне кажется, нам следует действовать в трех направлениях.

— Продолжай, Шерлок^[34].

— Первое — ты. Однажды они уже покушались на твою жизнь и, возможно, попытаются снова. На сей раз мы можем, как говорится, заранее устроить засаду, а тебя использовать в качестве приманки.

— Ну уж нет, благодарю покорно, Франки, — с чувством сказал Бобби. — В тот раз мне крупно повезло, но будет ли везти в дальнейшем? А если они вместо откровенной атаки станут действовать исподтишка? Я решил теперь быть предельно осторожным. Так что вариант с приманкой отпадает.

— Я боялась, что ты так и скажешь, — вздохнула Франки. — Как говорит мой отец: не те нынче молодые люди. Их теперь не влекут испытания — нет упоения риском и опасностями. А жаль.

— Очень жаль, — согласился с ней Бобби, но в голосе его звучала твердость. — Итак, наше второе направление?

— Искать ключик к последним словам Причарда, — сказала Франки. — Возможно, покойный приехал сюда, чтобы увидеться с каким-то Эвансом. Вот бы нам найти этого Эванса...

— Как ты думаешь, сколько Эвансов^[35] в Марчболте? — перебил ее Бобби.

— Думаю, семьсот точно наберется.

— Самое меньшее! Что-нибудь предпринять можно, но едва ли мы так выйдем на след.

— Ну а если составить список всех Эвансов и нанести визит наиболее подходящим?

— И спросить их... О чем же мы их спросим?

— В том-то и загвоздка, — сказала Франки.

— Знали бы мы хоть что-то еще, кроме имени, может, твоя идея и сработала бы. Ну, а что у нас по третьему направлению?

— Третье — Бассингтон-ффренч. Здесь уже нечто реальное, за что можно ухватиться. Необычная фамилия. Спрошу отца. Он знает в нашем графстве все фамилии наперечет и кто чей родственник.

— Да, здесь мы действительно можем что-то предпринять, — сказал Бобби.

— Значит, мы все-таки начинаем действовать?

— Разумеется. Неужто ты считаешь, что я просто так позволю подсыпать в мое пиво восемь гран морфия?

— Наконец-то, Бобби, — сказала Франки.

— К тому же я должен отомстить за унижение, которое я испытал при промывании желудка.

— Хватит, — оборвала его Франки. — Опять собрался рассказывать мне про всякие зонды и прочую мерзость?

— Но где же твое женское сострадание? — с укором спросил Бобби.

Глава 9

Немного о мистере Бассингтон-ффренче

Франки не теряла времени даром. В тот же вечер она атаковала отца.

— Папа, ты знаешь каких-нибудь Бассингтон-ффренчей?

Лорд Марчингтон, увлеченно читавший политическую статью, не сразу вник в вопрос дочери.

— Французы^[36] тут почти ни при чем, а вот американцы, — сурово сказал он, — все это шутовство, и конференции... напрасная трата времени и денег...

Пока мысли лорда Марчингтона катили по привычным рельсам, Франки совершенно не прислушивалась к его сетованиям.

— Бассингтон-ффренчей, — уточнила она при первой же его «остановке».

— А что, собственно, ты хочешь о них узнать? — спросил лорд Марчингтон.

Франки не знала, что говорить, и решила сыграть на отцовской привычке всегда и со всеми спорить.

— Они родом из Йоркшира^[37], верно? — наугад вымолвила она.

— Глупости... из Гэмпшира^[38]. Есть еще, конечно, и шропширская ветвь^[39], еще ирландская. С какими ты дружишь?

— Сама в точности не знаю, — сказала Франки, делая вид, что она и в самом деле приятельствует с совершенно незнакомыми ей людьми.

— В точности не знаешь? То есть как? А следовало бы знать.

— Люди нынче все время переезжают с места на место, — сказала Франки.

— Переезжают... переезжают... все словно помешались... А вот мы интересовались такими вещами. Скажет человек, что он из гэмпширской

ветви, и сразу все становилось ясно... значит, ваша бабушка вышла замуж за моего троюродного брата. Сразу устанавливалась связь.

— Вероятно, устанавливать связь было очень приятно, — сказала Франки. — Но, право же, в наши дни нет времени на генеалогические и географические изыскания.

— Где уж вам... у вас, нынешних, ни на что нет времени, только на эти коктейли — настоящая отравка.

Лорд Марчингтон вдруг вскрикнул от боли — он нечаянно пошевелил своей подагрической ногой, которой отнюдь не шло на пользу неограниченное поглощение запасов портвейна из семейных погребов.

— Они состоятельные? — спросила Франки.

— Бассингтон-ффренчи? Не могу сказать. Знаю, что шропширской ветви приходилось тяжело — похороны за похоронами и еще куча неприятностей. Один из гэмпширской ветви женился на какой-то богатой наследнице. На американке.

— Один из них был здесь позавчера, — сказала Франки. — Кажется, хотел снять или купить дом.

— Странная затея. Ну кому может понадобится дом в этих местах?

«В том-то и вопрос», — подумала Франки.

На другой день она зашла в контору мистеров Уилера и Оуэна, агентов по сдаче внаем и продаже недвижимости.

Навстречу ей кинулся сам мистер Оуэн. Франки одарила его любезной улыбкой и опустилась в кресло.

— Чем могу служить, леди Франсез? Полагаю, вы не собираетесь продавать Замок? Ха-ха-ха! — Мистер Оуэн был в восторге от собственного остроумия.

— Я бы рада, — поддержала шутку Франки. — Но пока нет. Меня интересует другое: позавчера к вам вроде бы собирался зайти один мой приятель... некий мистер Бассингтон-ффренч. Он подыскивает дом.

— А, да, и в самом деле. Отлично помню эту фамилию. У него там после дефиса два строчных «ф».

— Совершенно верно, — сказала Франки.

— Он справлялся о небольших коттеджах. Хочет купить. Но осмотрел он не так много — на следующий день ему необходимо было вернуться в город. Впрочем, он не торопится с покупкой. После его отъезда на продажу выставили еще пару подходящих домиков, и я написал ему подробнейшее письмо, но ответа так и не получил.

— Вы писали в Лондон или... по загородному адресу? — поинтересовалась Франки.

— Сейчас посмотрим. — Мистер Оуэн позвал своего подчиненного. — Адрес мистера Бассингтон-ффренча, Фрэнк.

— Роджер Бассингтон-ффренч, эсквайр, Мерроуэй-Корт, Стейверли, Хентс, — бойко отчеканил младший конторщик.

— А-а, — сказала Франки. — Тогда это не мой мистер Бассингтон-ффренч. Должно быть, его кузен. Я еще удивилась — был здесь и даже не зашел.

— Как же... как же... — с пониманием отозвался мистер Оуэн.

— Дайте-ка соображу... он у вас был, вероятно, в среду?

— Верно. Как раз перед закрытием. А закрываемся мы в половине седьмого. Я хорошо помню его визит. Ведь как раз в тот день произошло это несчастье — человек сорвался со скалы. Так уж вышло, что мистер Бассингтон-ффренч оставался возле погибшего до прихода полиции. Он был очень подавлен, когда пришел сюда. Весьма печальная история — пора бы что-то делать с этой проклятой тропой. Скажу по правде, леди Франсез, муниципальный совет ругали на чем свет стоит. Крайне опасное место. Можно только удивляться, что такие случаи там весьма редки.

— Совершенно с вами согласна, — сказала Франки.

Выйдя из конторы, она стала обдумывать услышанное. Похоже, Бобби прав — все действия мистера Бассингтон-ффренча легко объяснимы и не вызывают и тени подозрений. Итак, он один из гэмпширских Бассингтон-ффренчей, дал свой настоящий адрес, не скрывал своей причастности к трагедии. А может, мистер Бассингтон-ффренч и в самом деле ни при чем?

В какой-то момент Франки почти в это поверила. Но потом опять усомнилась.

«Нет, — сказала она себе. — Если человек задумал купить дом, он не заявится в контору в половине седьмого и не укатит на следующий день в Лондон. Чего ради тогда было приезжать? Почему просто не написать письмо?»

Нет, решила она, у Бассингтон-ффренча, безусловно, рыльце в пушку. Ее следующий визит был в полицию.

Инспектор Уильямс был старым ее знакомым: когда-то он сумел разыскать горничную Франки, которая явилась к ней, как оказалось, с фальшивыми рекомендациями, а потом сбежала, прихватив кое-что из драгоценностей.

— Добрый день, инспектор.

— Добрый день, миледи. Надеюсь, ничего не случилось?

— Пока еще нет, но я всерьез подумываю ограбить банк, уж очень мне не хватает денег.

Инспектор громко захохотал, демонстрируя, что вполне оценил ее остроумие.

— Сказать по правде, я пришла задать несколько вопросов — из чистого любопытства.

— Вот как, леди Франсез?

— Скажите, инспектор, человек, который сорвался с утеса... Причард... или как там его...

— Причард, именно так.

— При нем ведь была только одна фотография, правда? А кто-то мне говорил, что их было три!

— Нет, одна, — сказал инспектор. — Фотография его сестры. Она приехала и опознала его.

— А ведь наплели, будто их было три!

— Ничего странного, миледи. Эти газетчики любят все преувеличивать и вообще приврать, где можно и где нельзя.

— Знаю, — сказала Франки. — Чего только про него не рассказывают. — Она немного помолчала, потом пустилась во все тяжкие. — Кто говорит, что у него в карманах нашли документы, по

которым ясно, что он большевистский агент, кто — что у него было полно наркотиков, а еще болтают, будто его карманы были набиты фальшивыми банкнотами.

Инспектор от души рассмеялся.

— Вот это неплохо придумано.

— На самом деле при нем, наверно, были лишь самые обыденные вещи?

— Да и тех совсем немного. Носовой платок без метки. Несколько монет и мелких купюр, пачка сигарет и парочка казначейских билетов прямо в кармане, не в портмоне. Никаких писем. Не будь фотографии, нам пришлось бы изрядно попотеть, чтобы установить его личность. Можно сказать, повезло.

— Вот как, — сказала Франки. Сама-то она вовсе не считала, что полиции «повезло». Она сменила тему: — Я вчера навещала мистера Джоунза, сына викария. Того самого. Которого отравили. Невероятная история!

— Да! — сказал инспектор. — История и впрямь, как вы говорите, невероятная. Никогда ни о чем подобном не слыхал. Вполне приятный молодой джентльмен, врагов у него нет, во всяком случае так мне показалось. Знаете, леди Франсез, кое-какие странноватые личности у нас тут, безусловно, имеются. Но чтобы маньяк-убийца, да с такими повадками...

— И никаких предположений?

В широко раскрытых глазах Франки светился жадный интерес.

— Я просто умираю от любопытства, — призналась она.

Инспектор прямо млел от удовольствия. Приятно дружески побеседовать с графиней. И ведь ни капли высокомерия.

— Поблизости от дома викария видели автомобиль, — сказал инспектор. — Темно-синий «тальбот». Один человек сообщил нам, что видел на Локсборн темно-синий «тальбот» под номером ГГ восемьдесят два восемьдесят два, автомобиль направлялся в сторону Святого Ботольфа.

— И что вы думаете?

— ГГ восемьдесят два восемьдесят два — номер машины ботольфского епископа.

Франки тут же прокрутила в голове вариант с епископом-убийцей, который совершает жертвоприношения, лишая жизни сыновей священников, и со вздохом от нее отказалась:

— Я думаю, епископа вы не подозреваете?

— Мы выяснили, что всю вторую половину того дня автомобиль епископа из гаража не выезжал.

— Выходит, номер был поддельный.

— Да. Этим мы, без сомнения, займемся.

Скроив восторженную мину, Франки откланялась. Она не стала расхолаживать инспектора, но про себя подумала: «В Англии должно быть немало темно-синих „тальботов“».

Возвратясь домой, она взяла в библиотеке марчболтскую адресную книгу и унесла к себе в комнату. Она просидела над ней несколько часов.

Результат ее не обрадовал.

В Марчболте оказалось четыреста восемьдесят два Эванса.

— Черт! — вырвалось у Франки.

И она принялась строить планы на будущее.

Глава 10

Подготовка автомобильной катастрофы

Неделю спустя Бобби приехал в Лондон, к Бэджеру. Он получил от Франки несколько загадочных посланий, написанных таким неразборчивым почерком, что оставалось только догадываться об их содержании. Однако в общем можно было понять, что у нее есть план и что он, Бобби, не должен ничего предпринимать, пока она не подаст знак. В жизни Бобби сие предостережение ничего не меняло. У него все равно ни на что не нашлось бы времени — невезучий Бэджер ухитрился так запутаться и запутать все дела, что Бобби пришлось призвать на помощь всю свою изобретательность, чтобы вытащить приятеля из пренеприятнейшего положения.

Однако спасая недотепу Бэджера, он и сам постоянно был начеку. История с морфием породила в нем крайнюю мнительность, он стал чрезвычайно подозрительно относиться к еде и питью и, мало того, прихватил с собой в Лондон револьвер, который страшно ему досаждал.

Но постепенно ему уже начало казаться, будто вся эта история не более как нелепый ночной кошмар. Именно тогда по улице с шумом промчался знакомый «бентли» и резко затормозил у гаража. В своем заляпанном машинным маслом комбинезоне Бобби вышел навстречу. За рулем сидела Франки, а рядом с ней — довольно угрюмый молодой человек.

— Привет, Бобби, — сказала Франки. — Это Джордж Арбетнот, врач. Он нам понадобится.

Молодые люди небрежно друг другу кивнули, Бобби при этом чуть заметно прищурился.

— Ты уверена, что без врача нам не обойтись? Мне кажется, что ты настроена чересчур пессимистично.

— Да нет, ты меня не так понял — он нам нужен для осуществления моего плана. Послушай, тут есть где поговорить?

Бобби с сомнением осмотрелся.

— Ну, разве что в моей комнате, — неуверенно предложил он.

— Отлично, — сказала Франки, выходя из машины.

Она и Джордж Арбетнот поднялись вслед за Бобби по наружной лестнице и вошли в крохотную спальню.

— Не знаю, можно ли тут где присесть, — смущенно оглядевшись, сказал Бобби.

Сесть было не на что. Единственный стул был завален, по-видимому, всей имеющейся здесь у Бобби одеждой.

— Сойдет и кровать, — сказала Франки, усаживаясь.

Джордж Арбетнот последовал ее примеру, и кровать протестующе застонала.

— Я все продумала, — сказала Франки. — Перво-наперво нам нужен автомобиль. Подойдет один из ваших.

— Иными словами, ты хочешь купить один из наших автомобилей?

— Да.

— Очень мило с твоей стороны, Франки. — Голос Бобби потеплел. — Но этого делать не надо. У меня принцип: не вводить в напрасный расход своих друзей.

— Опять ты не так понял, — сказала Франки. — Думаешь, я хочу купить специально... ну как покупают всякие жуткие платья и шляпы у друзей, которые только-только открыли свой магазин. Не хочешь, да купишь. Нет, тут совсем не то. Мне действительно нужна машина.

— А чем плох твой «бентли»?

— «Бентли» не годится.

— Ты сумасшедшая, — сказал Бобби.

— Нет, вовсе нет. «Бентли» для моей цели не подходит — мне надо разбить машину.

Бобби застонал и схватился за голову.

— Похоже, я сегодня нездоров.

Тут наконец заговорил Джордж Арбетнот. Голос у него был низкий и унылый.

— Она хочет сказать, что попадет в автомобильную катастрофу.

— А откуда ей это известно? — в полном недоумении спросил Бобби.

У Франки вырвался досадливый вздох.

— Похоже, мы начали не с того, — сказала она. — Так вот, Бобби, спокойно меня выслушай и постарайся вникнуть в то, что я скажу. Особым умом ты, конечно, не блещешь, но, если поднатужишься, все-таки сумеешь понять. — Франки перевела дух, потом неожиданно выпалила: — Я отслеживаю Бассингтон-ффренча.

— Ну-ну...

— Бассингтон-ффренч... тот самый наш Бассингтон-ффренч... живет в Мерроуэй-Корт, в деревушке Стей-верли в Гэмпшире. Мерроуэй-Корт принадлежит его брату, и наш Бассингтон-ффренч живет там у него и его жены.

— У чьей жены?

— Жены брата, разумеется. Но не в том суть. Вопрос в том, как бы мне или тебе, а лучше обоим сразу проникнуть в эту семью. Я туда ездила и все разведала. Стей-верли — очень небольшое селенье. Любой приезжий там сразу бросается в глаза. Так что туда не очень-то и сунешься. Но я разработала подробный план. Действовать будем так: леди Франсез Деруэнт по пагубной неосторожности врежется на своей машине в ограду — возле самых ворот Мерроуэй-Корта. От автомобиля останутся рожки да ножки, а леди Франсез, которая тоже пострадала, хотя и не так серьезно, как автомобиль, в тяжелом состоянии, испуганную, вносят в дом и настоятельно рекомендуют ей строжайший покой.

— Кто рекомендует?

— Джордж. Теперь тебе ясно, зачем он понадобился? Нам нельзя рисковать — местный врач может заподозрить, что со мной все в порядке. А то и того хуже — какое-нибудь официальное лицо подберет меня, бесчувственную, и отвезет в тамошнюю больницу. Нет, произойдет вот что: Джордж проедет мимо (так что потребуется два автомобиля) и, увидев, что стряслось, выскакивает и берет инициативу в свои руки. «Я врач. Освободите, пожалуйста, место (если там еще кто-то окажется). Надо

отнести ее в дом... Мерроуэй-Корт? Подойдет. Мне необходимо как следует ее осмотреть». Меня тащат в лучшую свободную комнату, Бассингтон-френчи либо сочувствуют, либо ожесточенно сопротивляются, но так или иначе за Джорджем, само собой, последнее слово. Итак, Джордж осматривает меня и дает заключение: все не так серьезно, как ему показалось. Переломов нет, но он не исключает сотрясения мозга. Два-три дня леди ни в коем случае нельзя трогать, а потом ее можно будет перевезти в Лондон. Джордж уезжает, а мне предстоит втереться к ним в доверие.

— А когда вступаю я?

— Ты не вступаешь.

— Но послушай...

— Дорогой мой мальчик, не забывай, что Бассингтон-френч тебя знает. А про меня ему равным счетом ничего не известно. И я в более выгодном положении: я не просто никому не ведомая молодая женщина, которая непонятно с какой целью попросила приюта, я дочь графа и, стало быть, личность достойная. Ну а Джордж и вправду врач — так что никто ничего не заподозрит.

— Верно, вроде бы все тип-топ, — огорченно согласился Бобби.

— Мне кажется, план разработан на редкость хорошо, — с гордостью произнесла Франки.

— А на мою долю вообще ничего не остается? — спросил Бобби.

Он все еще чувствовал себя обиженным, будто собака, у которой неожиданно отобрали кость. Ведь это не кто-нибудь, а именно он обнаружил жертву преступления, а теперь его пытаются отстранить.

— Конечно, остается, милый. Ты отращиваешь усы.

— Усы? Ты это серьезно?

— Абсолютно. Сколько это займет времени?

— Недели две-три.

— Господи! Не представляла, что это такая долгая история. А как-нибудь побыстрее ты не можешь?

— Нет. А почему нельзя воспользоваться фальшивыми?

— У них всегда такой неестественный вид... то они закручиваются, то отклеиваются или от них несет театральным клеем. Ох минутку. Ведь существуют такие, которые делают из натуральной щетины и которые ничем не отличишь от настоящих. Любой театральный парикмахер или тот, кто делает парики, снабдит тебя усами.

— Да, и тут же подумает, что я скрываюсь от правосудия.

— Не важно, что он подумает.

— Ну хорошо, обзаведусь усами, а что дальше?

— Надеваешь ливрею шофера и на моем «бентли» катишь в Стейверли.

— А, понятно.

Лицо Бобби просветлело.

— Понимаешь, я вот что подумала, — сказала Франки. — На шофера редко кто обращает внимание. Да и вообще Бассингтон-френч видел тебя всего ничего, и при этом был, вероятно, взволнован — боялся, что вдруг ему помешают подменить фотографию. До тебя ли ему было! Кто ты для него? Молодой болван, не умеющий играть в гольф. Это тебе не Кэймены,

которые для того только и заявили, чтобы прощупать тебя и выяснить, что ты за фрукт. Я думаю, что в шоферской ливрее Бассингтон-френч не узнает тебя и без усов. Разве что мельком подумает, что ты кого-то ему напоминаешь. А уж с усами тебе и вовсе нечего бояться. Ну, как тебе мой план?

Бобби быстро все прокрутил в голове.

— По правде говоря, Франки, мне кажется, он очень неплох, — великодушно признал он.

— В таком случае пошли покупать автомобили, — оживилась Франки. — Послушай, Джордж, кажется, сломал твою кровать.

— Не важно, — радушно отозвался Бобби. — Она уже свое отслужила.

Они спустились в гараж, где неврастенического склада молодой человек, у которого почти отсутствовал подбородок, встретил их приятной улыбкой и невнятным «гм, гм, гм!». Общее впечатление слегка портили глаза, которые определенно не желали смотреть в одном направлении.

— Привет, Бэджер, — сказал Бобби. — Ты, наверно, помнишь Франки?

Бэджер явно не помнил, но опять дружелюбно пробубнил свое «гм, гм, гм!».

— Когда я видела вас в последний раз, вы угодили головой прямо в грязь, и нам пришлось вытаскивать вас оттуда за ноги.

— Неужели? — сказал Бэджер. — А, это, должно быть, в Уэльсе.

— Совершенно верно, — подтвердила Франки. — В Уэльсе.

— Я всегда был никудышный наездник, — сказал Бэджер. — И сейчас такой же, — скорбно прибавил он.

— Франки хочет купить автомобиль, — сказал Бобби.

— Два автомобиля, — сказала Франки. — Джорджу тоже нужен автомобиль. Свой он разбил.

— Мы можем дать ему напрокат, — предложил Бобби.

— Что ж, пойдем посмотрим, что у нас есть, — сказал Бэджер.

— Вид у них шикарный, — сказала Франки, едва не щурясь от ярко-красной и кричаще-зеленой расцветки.

— Вид-то у них что надо, — загадочно произнес Бобби.

— Для по... по... держанного «крайсlera»^[40] он в за... за... замечательно хорошем состоянии, — сказал Бэджер.

— Нет, только не этот, — сказал Бобби. — Ведь автомобиль должен будет продержаться по меньшей мере сорок миль.

Бэджер с упреком глянул на партнера.

— У этого «стандарда» лучшие дни далеко позади, — в задумчивости пробормотал Бобби. — Но, по-моему, на нем ты как раз туда доедешь. «Эссекс» для такой цели чересчур хорош. Прежде чем развалиться, он пройдет никак не меньше двухсот миль.

— Хорошо, — сказала Франки. — Я беру «стандарт».

Бэджер отвел своего партнера в сторону.

— Что т-т-ты думаешь насчет цены? — негромко спросил он. — Нех., хочу уж слишком надувать твоих друзей. Де-де-десять фунтов?

— Десять фунтов прекрасно, — сказала Франки, вмешавшись в их разговор. — Я заплачу наличными.

— Да кто ж она такая? — громким шепотом спросил Бэджер.

Бобби ответил тоже шепотом.

— П-п-первый раз вижу ти-ти-тулованную особу, к-к-которая может заплатить наличными, — с уважением произнес Бэджер.

С Франки и ее спутником Бобби прошел к «бентли».

— Когда это произойдет? — требовательно спросил он.

— Чем скорее, тем лучше, — сказала Франки. — Мы хотели бы завтра после полудня.

— Послушай, а мне нельзя там оказаться? Если пожелаешь, я нацеплю бороду.

— Ни в коем случае, — сказала Франки. — Борода может все погубить, возьмет да и отклеится в самый неподходящий момент. Но ты вполне можешь стать мотоциклистом... в эдаком шлеме и в защитных очках. Как, по-вашему, Джордж?

Джордж Арбетнот подал голос во второй раз.

— Прекрасно, — сказал он. Потом добавил еще более унылым голосом: — Чем больше народу, тем веселей.

Глава 11

Авария

Встреча участников пресловутой автомобильной ката строфы была назначена в миле от Стейверли, там, где дорога на Стейверли ответвляется от главного шоссе, ведущего в Эндоуэр.

Все трое добрались в целости и сохранности, хотя принадлежащий Франки «стандарт» на каждом подъеме обнаруживал очевидные признаки старческой немощи.

Встретиться решено было в час дня.

— Чтобы никто вдруг нам не помешал, — сказала Франки, когда они договаривались о времени. — Конечно, по этой дороге и так редко кто ездит, а уж в обеденное время мы и подавно будем там одни.

Они проехали полмили по сельской дороге, и наконец Франки показала место, где все должно будет произойти.

— По-моему, лучше и быть не может, — сказала она. — Вон там, видите, у подножия холма, где дорога круто сворачивает, каменную стену. Это и есть ограда Мерроуэй-Корта. Если мы разгоним автомобиль и пустим его просто вниз с холма, он неизбежно врежется в ограду и произойдет нечто ужасное.

— Надо думать, — согласился Бобби. — Но кто-то из нас должен встать на углу — не ровен час кто-нибудь выскочит из-за поворота.

— Верно, — поддержала его Франки. — Совершенно ни к чему вмешивать в эту историю кого-то еще, да к тому же еще и искалечить его на всю жизнь. Мало ли на свете случайностей. Пусть Джордж проедет туда и развернется — будто едет с противоположной стороны. А когда он махнет носовым платком, это будет означать, что дорога свободна.

— Ты сегодня жутко бледная, Франки, — встревоженно сказал Бобби. — С тобой все в порядке?

— Это грим, — объяснила Франки. — Я подготовилась к аварии. Ты же не хочешь, чтобы по моему цветущему виду все поняли, что я совершенно здорова.

— До чего все-таки женщины изобретательны, — с одобрением сказал Бобби. — Ты сейчас точь-в-точь как больная мартышка.

— А ты... ты просто грубиян, — сказала Франки. — Ладно, я пойду разведу, что там у ворот Мерроуэй-Корта. Они как раз с нашей стороны выступа. К счастью, там нет сторожки. Значит, когда Джордж махнет платком, а я махну своим — жми на газ.

— Я буду стоять на подножке и направлять автомобиль, пока он не наберет скорость, тогда и соскочу.

— Смотри не расшибись, — сказала Франки.

— Да уж постараюсь. Дело бы весьма осложнилось, если вместо поддельной катастрофы случится настоящая.

— Ну, отправляйтесь, Джордж, — сказала Франки.

Джордж кивнул, вскочил во второй автомобиль и медленно двинулся вниз с холма. Бобби и Франки смотрели ему вслед.

— Ты... ты будь поосторожней, слышишь, Франки? — неожиданно хриплым голосом проговорил Бобби. — В общем, не наделай глупостей.

— За меня не беспокойся. Я буду действовать очень обдуманно. Кстати, по-моему, лучше мне не писать прямо тебе. Я напишу Джорджу, или моей горничной, или еще кому-нибудь, а уж они передадут.

— Кстати, Джордж едва ли добьется успеха в своей профессии.

— Это почему же?

— Похоже, ему недостает общительности и обходительности.

— Надеюсь, со временем он исправит эти недостатки, — сказала Франки. — Что ж, мне, пожалуй, пора. Когда мне понадобится мой «бентли», я дам тебе знать.

— А я немедленно займусь усами. Пока, Франки.

Они глянули друг на друга, потом Франки кивнула и стала спускаться вниз с холма.

Джордж там внизу тем временем развернул автомобиль и задним ходом обогнул выступ ограды.

Франки, на миг исчезнув из виду, вновь появилась на дороге и взмахнула носовым платком, почти сразу после того, как замахали платком на повороте.

Бобби включил третью скорость, потом, стоя на подножке, отпустил тормоз. Сначала автомобиль двинулся как бы нехотя. Однако спуск был достаточно крутой. Мотор заработал. Автомобиль набрал скорость. Бобби крутанул до отказа руль и поспешно спрыгнул...

Автомобиль понесся вниз и с силой врезался в ограду. И так, все в порядке — катастрофа удалась.

Бобби увидел, как Франки стремительно кинулась к груде обломков и плюхнулась в ее середину. Джордж выехал из-за поворота и остановил свой автомобиль.

Бобби со вздохом вскочил на мотоцикл и поехал в сторону Лондона.

На месте происшествия атмосфера была напряженная.

— Может, мне покатайся по земле, чтобы одежда запылилась? — спросила Франки.

— Не помешает, — одобрил Джордж. — Дайте-ка сюда вашу шляпу.

Он взял шляпу и сделал в ней чудовищную вмятину.

Франки огорченно вскрикнула.

— Это от удара, — объяснил Джордж. — А теперь замрите. Мне кажется, я слышал велосипедный звонок.

И он не ошибся: в эту самую минуту из-за угла, посвистывая, показался парнишка лет семнадцати. Он тотчас остановился, восторженно глядя на зрелище, открывшееся его взору.

— Ух ты! — воскликнул он. — Вроде автомобильная катастрофа?

— Нет, — с насмешкой ответил Джордж. — Молодая леди нарочно наехала на стену.

Парнишка, естественно, воспринял его слова как иронию, не подозревая, что ему сказали истинную правду.

— Сдается мне, плохо дело, а? Померла? — с удовольствием предположил он.

— Нет еще, — сказал Джордж. — Ее надо немедленно куда-нибудь отнести. Я врач. А что за этой стеной?

— Мерроуэй-Корт. Принадлежит мистеру Бассингтон-ффренчу, его милости мировому судье^[41].

— Надо ее немедленно туда отнести, — решительно сказал Джордж. — Вы вот что, отставьте-ка в сторону велосипед и помогите мне.

С превеликой охотой парнишка прислонил велосипед к ограде и принялся помогать Джорджу. Они подняли Франки и понесли ее по подъездной аллее к приятному на вид старомодному особняку.

Их приближение не осталось незамеченным — навстречу вышел пожилой лакей.

— Произошла автомобильная катастрофа, — отрывисто произнес Джордж. — Есть тут комната, куда можно внести эту леди? Ее необходимо немедленно осмотреть.

Лакей, заметно взволнованный, повернул обратно в холл. Джордж и парнишка проследовали за ним, неся обмякшее тело Франки. Лакей скрылся в комнате слева, оттуда почти сразу же вышла дама. Она была лет тридцати — высокая, рыжеволосая, с ясными голубыми глазами.

Она тотчас принялась отдавать распоряжения.

— На первом этаже есть свободная спальня, — сказала она. — Вам нетрудно ее туда внести? Надо позвонить врачу?

— Я тоже врач, — объяснил Джордж. — Я как раз ехал мимо — при мне все и случилось.

— О, какая необыкновенная удача. Пройдите, пожалуйста, сюда.

Хозяйка дома провела их в милую, довольно уютную спальню с окнами в сад.

— Она сильно пострадала? — спросила миссис Бассингтон-ффренч.

— Пока ничего не могу сказать.

Миссис Бассингтон-ффренч поняла намек и вышла из комнаты. Парнишка последовал за ней и принялся описывать автомобильную катастрофу — словно сам при сем присутствовал.

— Так прямоком и врезалась в каменную ограду. Машина — вдребезги. А она лежит на земле, не шелохнется, а шляпа просто всмятку. Этот джентльмен... он мимо ехал в своем автомобиле...

Он продолжал разглагольствовать — пока от него не отделались монетой в полкроны^[42].

Франки, пользуясь моментом, шепталась с Джорджем.

— Джордж, милый, это не повредит вашей карьере? Вас не лишат диплома или чего-нибудь в этом роде?

— Возможно, — уныло отозвался Джордж. — То есть если это когда-нибудь выплывет наружу.

— Не беспокойтесь, Джордж, не выплывет. Я вас не подведу, — сказала Франки. И искренне прибавила: — Вы отлично справились. В жизни не видела вас таким разговорчивым.

Джордж со вздохом посмотрел на часы.

— На осмотр отведу еще три минуты, — сказал он.

— А как быть с автомобилем?

— Договорюсь с каким-нибудь гаражом, чтобы его забрали.

— Прекрасно.

Джордж все поглядывал на часы. Наконец с явным облегчением сказал:

— Пора.

— Джордж, — сказала Франки. — Вы сущий ангел. Только я не знаю, чего ради вы это делали.

— Я и сам не знаю, — сказал Джордж. — Очень глупо было ввязываться. — Он кивнул Франки. — Пока. Не скучайте.

— Там видно будет, — сказала Франки, сразу вспомнив невозмутимый и маловыразительный голос — с едва уловимым американским выговором.

Джордж отправился на поиски обладательницы этого голоса. Оказалось, она ждет его в гостиной.

— Что ж, — коротко подытожил он. — К счастью, все не так уж плохо. Легкое сотрясение, и оно уже проходит. Но день-другой ей следует побыть здесь, никуда не трогаться. — И с важным видом прибавил: — Это, кажется, леди Франсез Деруэнт.

— Что вы говорите! — оживилась миссис Бассингтон-ффренч. — Тогда я хорошо знакома с ее кузенами... Дрейкоттсами.

— Не знаю, быть может, ее присутствие крайне вас стеснит. Но если бы она могла побыть у вас день-другой... — Джордж замолчал.

— Ну, разумеется. Все будет в порядке, доктор...?

— Арбетнот. Кстати, я поеду мимо гаража, так что могу позаботиться об автомобиле.

— Буду вам очень благодарна, мистер Арбетнот. Какое счастье, что вы как раз ехали мимо. Я полагаю, завтра ее должен посетить местный врач — на всякий случай.

— Едва ли это необходимо, — сказал Джордж. — Главное сейчас не тревожить ее.

— Но мне так будет спокойнее. И надо сообщить ее семье.

— Я сообщу, — сказал Джордж. — А что касается лечения... Э-э-э... видите ли, как я понял, она последовательница «Христианской науки»^[43] и категорически не желает иметь дело с докторами. Мое присутствие особого удовольствия ей не доставило.

— О, Господи! — только и сказала миссис Бассингтон-ффренч.

— Но с ней все будет в порядке, — успокоил ее Джордж. — Уверю вас.

— Вы действительно так полагаете, доктор Арбетнот... — с легким сомнением сказала миссис Бассингтон-ффренч.

— Совершенно в этом уверен, — сказал Джордж. — До свиданья. О, Господи, я забыл в спальне один свой прибор.

Он быстрым шагом прошел в спальню, метнулся к постели.

— Франки, вы последовательница «Христианской науки», — торопливо прошептал он. — Не забудьте.

— Но почему?

— Пришлось так сказать. Это был единственный выход.

— Ладно, — сказала Франки. — Не забуду.

Глава 12

В стане врага

«Что ж, вот я и в стане врага, — подумала Франки. — Теперь все зависит от меня самой».

Послышался стук в дверь, и вошла миссис Бассингтон-ффренч.

Франки чуть приподнялась с подушек.

— Мне страшно неловко, — сказала она слабым голосом. — Столько из-за меня беспокойства...

— Пустяки, — сказала миссис Бассингтон-ффренч. Франки вновь услышала этот приятный, невозмутимый голос, едва заметный американский выговор и вспомнила: ведь отец говорил, что один из гэмпширских Бассингтон-ффренчей женился на богатой американке. — Доктор Арбетнот говорит, что вам нужен абсолютный покой, и через пару дней вы совсем оправитесь.

Франки понимала, что тут бы ей следовало возразить или ужаснуться пережитому кошмару, но боялась попасть впросак.

— По-моему, он славный, — сказала она. — Он был очень добр.

— Да, на редкость толковый молодой человек, — сказала миссис Бассингтон-ффренч. — Очень удачно, что он как раз тут проезжал.

— Да, не правда ли? Но на самом деле я, конечно, не нуждалась в его помощи.

— Вам вредно разговаривать, — продолжала хозяйка дома, — Я пришлю горничную. Она принесет вам все необходимое и уложит вас в постель.

— Вы так добры.

— Ну что вы.

Она вышла, и Франки вдруг сделалось неловко.

«Славная она, — подумалось ей. — И такая доверчивая». Франки вдруг почувствовала, что ведет себя далеко не лучшим образом по отношению к хозяйке дома. До этой минуты она только и представляла, как безжалостный Бассингтон-ффренч сталкивает с утеса свою ничего не подозревающую жертву. Второстепенные же участники драмы ее совершенно не интересовали.

«Что ж, — решила Франки, — придется пройти и через это. Но лучше бы она не была такой славной».

Всю вторую половину дня и вечер Франки проскучала, лежа в своей затемненной комнате. Миссис Бассингтон-ффренч заглянула пару раз, чтобы справиться, как она себя чувствует, но тут же уходила.

Однако наутро Франки уже отдернула шторы и выразила желание побыть в чьем-нибудь обществе. Хозяйка дома немного с ней посидела. Выяснилось, что у них много общих знакомых и друзей, и к концу дня они стали почти подругами. Франки все больше терзали угрызения совести.

Миссис Бассингтон-ффренч несколько раз поминала своего мужа и маленького сына Томми. Похоже, она была женщина без затей, глубоко любящая свою семью. Однако Франки почему-то вообразила, что она не очень-то счастлива. Время от времени в ее взгляде сквозила тревога, что никак не вязалось с душой, пребывающей в мире с самой собой.

На третий день Франки поднялась с постели и была представлена хозяину дома.

Это был крупный мужчина с тяжелой челюстью и добрым, но каким-то отсутствующим взглядом. Немало времени он, кажется, проводил, запершись у себя в кабинете. И все же Франки подумалось, что он очень любит жену, хотя почти совсем не интересуется домашними делами.

Семилетний Томми был здоровый, шаловливый малыш. Сильвия Бассингтон-ффренч явно души в нем не чаяла.

— У вас здесь так славно, — со вздохом сказала Франки.

Она лежала в шезлонге в саду.

— Не знаю, из-за ушиба ли или из-за чего-то еще, но у меня совсем нет желания двигаться. Лежала бы тут и лежала.

— Ну и лежите себе на здоровье, — сказала Сильвия Бассингтон-ффренч своим спокойным, отстраненным тоном. — Нет, правда, я говорю это не из вежливости. Не спешите возвращаться в город. Знаете, ваше общество доставляет мне такое удовольствие, — продолжала она. — Вы такая живая. С вами мне гораздо веселей.

«Значит, ей невесело», — промелькнуло у Франки в голове.

И ей тут же стало очень стыдно.

— Я чувствую, мы действительно подружились, — продолжала миссис Бассингтон-ффренч.

Франки стало еще неуютней.

Она поступает подло... подло... подло. Надо с этим кончать! Вот вернется в город...

Меж тем хозяйка дома продолжала:

— Вам не будет у нас так уж скучно. Завтра возвращается мой шурин. Он наверняка вам понравится. Роджер всем нравится.

— Он тут живет?

— Время от времени. Ему не сидится на месте. Он себя называет паршивой овцой в семье, и, пожалуй, это отчасти верно. Он никогда не задерживается подолгу на одной работе... в сущности, я не думаю, что он когда-нибудь занимался настоящим делом. Но иные люди так уж созданы... особенно отпрыски древних фамилий. Обычно они необыкновенно обаятельны. Роджер удивительно симпатичный человек. Не знаю, что бы я делала без него этим летом, когда хворал Томми.

— А что такое было с Томми?

— Он очень неудачно упал с качелей. Их, видно, подвязали к гнилому суку, и он не выдержал. Роджер ходил убитый — он сам раскачивал малыша. И, понимаете, раскачивал сильно — дети это любят. Поначалу мы испугались, что поврежден позвоночник, но все обошлось — оказалось, просто небольшой ушиб, и сейчас Томми совершенно здоров.

— Это сразу по нему видно, — с улыбкой сказала Франки, до которой издали доносились воинственные кличи.

— Вы правы. Похоже, он совсем уже оправился. Я так рада. Ему, бедняжке, везет на несчастные случаи. Прошлой зимой он чуть не утонул.

— В самом деле? — изумилась Франки.

Она уже не помышляла о возвращении в Лондон. Чувство вины поутихло.

Несчастные случаи!

Уж не специалист ли этот их Роджер по несчастным случаям.

— Если вы и правда не против, я с удовольствием еще немного у вас погощу. А ваш муж не будет возражать, что я так надолго к вам вторглась?

— Генри? — Лицо миссис Бассингтон-ффренч приняло какое-то непонятное выражение. — Нет, Генри возражать не станет. Генри никогда не возражает... теперь.

Франки с интересом на нее посмотрела.

«Будь мы лучше знакомы, она бы мне что-то рассказала, — подумала Франки. — В этом семействе наверняка происходит много странного».

Генри Бассингтон-ффренч присоединился к ним во время чая, и Франки хорошо его разглядела. В нем, безусловно, была какая-то странность. Вроде бы вполне определенный и очень распространенный типаж — полнокровный, любящий спорт, простодушный сельский джентльмен. Однако человек такого склада не должен бы все время нервно подергиваться... ему явно было не по себе: он сидел с отсутствующим видом, и, казалось, до него невозможно было достучаться... если же к нему обращались, говорил с горечью и сарказмом. Но так было за чаем. Позднее, за обедом, его было просто не узнать — острил, смеялся, рассказывал разные истории — был просто блестящ, по-своему, конечно. Даже чересчур блестящ, решила Франки. Оживление было каким-то неестественным и явно не вязалось с его характером.

«Какие у него странные глаза, — подумалось ей. — Этот его взгляд даже слегка пугает».

Но ведь Генри Бассингтон-ффренча она ни в чем не подозревала? В тот роковой день в Марчболте был не он, а его брат.

Франки с большим нетерпением ожидала встречи с его братом. Ведь, по их с Бобби мнению, он и есть убийца Причарда. То есть ей предстояло лицом к лицу встретиться с преступником.

Она вдруг заволновалась.

Но, полно, как он может догадаться?

Как ему может прийти в голову, что она интересуется его столь благополучно завершившимся преступлением?

«У страха глаза велики», — сказала она себе.

Роджер Бассингтон-ффренч приехал на другой день, незадолго до чая.

Франки увиделась с ним уже за столом. Предполагалось, что перед чаем она еще, так сказать, отдыхает.

Когда она вышла на лужайку, где был сервирован чай. Сильвия сказала с улыбкой:

— А вот и наша больная. Знакомьтесь. Мой шурин — леди Франсез Деруэнт.

Франки увидела высокого сухощавого молодого человека лет тридцати с небольшим, у которого были удивительно милые глаза. Она поняла, конечно, что имел в виду Бобби, говоря, будто тому пристало бы носить монокль и усы щеточкой, сама же она прежде всего заметила густую синеву его глаз. Они пожали друг другу руки.

— Мне уже рассказали, как вы пытались проломить ограду парка, — сказал он.

— Признаюсь, шофер я никудышный. К тому же я была за рулем жуткой развалины. Мой собственный автомобиль в ремонте, и я купила подержанный.

— Из-под обломков автомобиля леди Франсез вытащил весьма привлекательный молодой доктор, — сказала Сильвия.

— Да, довольно приятный, — согласилась Франки.

В эту минуту прибежал Томми и с радостными воплями кинулся к дяде.

— Заводной паровозик привез? Ты сказал, что привезешь. Ты сказал, привезешь.

— Ох, Томми! Выпрашивать подарки не годится! — сказала Сильвия.

— Все правильно, Сильвия. Я ведь обещал. Паровозик прибыл, старина, а как же. — Он мимоходом глянул на невестку. — Генри к чаю выйдет?

— Не думаю. — Голос у нее сразу стал напряженным. — По-моему, он сегодня не слишком хорошо себя чувствует. — И вдруг у нее вырвалось: — Ох, Роджер, как я рада, что ты вернулся!

На миг он положил руку ей на плечо.

— Все будет в порядке, дружок.

После чая Роджер гонял с племянником паровозик.

Франки за ними наблюдала, она была в растерянности.

Нет, не мог он никого столкнуть... Не мог этот прелестный молодой человек быть хладнокровным убийцей.

Но тогда... тогда они с Бобби с самого начала ошибались. То есть ошибались в этой части своих рассуждений.

Нет, Причарда столкнул с утеса конечно же не Бассингтон-ффренч.

Тогда кто же?

Франки по-прежнему не сомневалась, что Причарда столкнули. Кто же это сделал? И кто подсыпал морфий в пиво?

При мысли о морфии до нее вдруг дошло, почему у Генри Бассингтон-ффренча такие странные глаза — зрачки будто булабочные головки.

Неужели Генри Бассингтон-ффренч наркоман?

Глава 13

Алан Карстейрс

Как ни странно, она получила подтверждение своей догадки уже на другой день, и не от кого-нибудь, а от Роджера.

Они сыграли партию в теннис, а потом сидели, потягивая холодное виски с содовой.

Они болтали обо всем подряд, и Франки все больше понимала, насколько привлекательны люди, повидавшие весь белый свет, подобно Роджеру Бассингтон-ффренчу. Как тут было не подумать, что «паршивая овца» в их семье весьма выгодно отличается от своего мрачного, премудрого брата. Пока мысли эти мелькали у нее в голове, оба молчали. Нарушил паузу Роджер — на сей раз его тон был очень серьезным:

— Леди Франсез, с вашего разрешения, я позволю себе своего рода чудачество. Мы с вами знакомы меньше суток, и тем не менее я хочу спросить у вас совета.

— Совета? — поразилась Франки.

— Да, никак не могу решить, что делать.

Он умолк. Потом подался вперед и принялся раскачивать зажатую между колен ракетку, лоб его слегка наморщился. Вид у Роджера был встревоженный и огорченный.

— Речь пойдет о моем брате, леди Франсез.

— Да?

— Он употребляет наркотики. Я уверен.

— Что заставляет вас так думать? — спросила Франки.

— Все. Его вид. Эти невероятные смены настроений. А какие у него глаза, вы заметили? Зрачки точно булабочные головки.

— Заметила, — призналась Франки. — А что он, по-вашему, употребляет?

— Морфий или какую-нибудь разновидность опиума.

— И давно это началось?

— По-моему, с полгода назад. Помню, он очень жаловался на бессонницу. Не знаю, когда он впервые попробовал это зелье, но, должно быть, вскоре после того.

— А как же он его достает? — спросила практичная Франки.

— Вероятно, получает по почте. Вы заметили, в иные дни он очень нервозен и особенно во время чаепития?

— Да, заметила.

— Подозреваю, что к этому времени, то бишь к пяти, у него кончается весь запас и он ждет новой дозы. Потом, после шести, когда приходит почта, он скрывается в кабинете и к обеду является совсем в другом настроении.

— Да. — Франки тоже заметила, с какой неестественной живостью он иногда вел беседу за обедом.

— Но откуда же он получает морфий? — спросила она.

— А вот этого я не знаю. Ни один достойный уважения врач не дал бы ему этой отравы. Мне кажется, в Лондоне есть немало мест, где за большие деньги это вполне можно достать.

Франки задумчиво кивнула.

Она вспоминала, как сказала Бобби что-то насчет контрабанды наркотиков, а он ответил, что нельзя все валить в одну кучу — и убийство и наркотики. И вот вам, пожалуйста, — как бы дико это тогда ни звучало, она и тут оказалась права.

И что самое поразительное — именно тот, кого они больше всех подозревали, заставил ее снова вспомнить о версии с наркотиком. Франки окончательно уверовала в невиновность Роджера Бассингтон-ффренча.

Да, но как быть с фотографией? Ее ведь подменили... Значит, одна улика против Роджера все же имеется. То, что он приятный человек, еще ничего не значит. Говорят, что убийцы подчас бывают очень даже обаятельными!

Она поспешила выкинуть из головы эти мысли и напрямую его спросила:

— А почему вы мне все это рассказываете?

— Потому что не знаю, как быть с Сильвией, — просто ответил он.

— Вы думаете, она не знает?

— Конечно, не знает... Я должен ей сказать?

— Это так трудно...

— Невероятно трудно. Вот я и подумал, что, может... вы мне поможете... Вы очень полюбились Сильвии, она мне сама сказала. Из ее знакомых ей никто особенно не нравится, а вы сразу пришлись по душе. Как же мне быть, леди Франсез? Сказать — значит взвалить ей на плечи тяжкое бремя.

— Если бы она знала, она могла бы как-то на него повлиять, — предположила Франки.

— Едва ли. Если уж человек пристрастился к наркотикам, на него никто не может повлиять, даже самые близкие и дорогие.

— Не слишком ли вы пессимистичны?

— Но это правда. Разумеется, выход найти можно. Если бы только Генри согласился полечиться... тут у нас совсем неподалеку есть подходящее место. Там практикует некий доктор Николсон.

— Но ведь ваш брат, наверно, ни за что не согласится?

— Как знать. Таких людей иной раз одолевают чудовищные угрызения совести, и когда они в подобном настроении, то готовы согласиться на что угодно, лишь бы вылечиться, и гораздо легче поддаются воздействию. Мне кажется, в этом смысле на Генри проще было бы повлиять, если бы он был уверен, что Сильвия ничего не знает, и опасался бы, что в любой момент она может догадаться. Если бы лечение оказалось успешным (разумеется, в диагнозе было бы указано что-нибудь вроде «нервного истощения»), Сильвии ничего и не надо было бы знать.

— Для лечения ему пришлось бы уехать из дому?

— Заведение, которое я имею в виду, находится примерно в трех милях отсюда, на другом краю селения. А доктор Николсон, по-моему, человек весьма умный. И, по счастью, он нравится Генри. Тсс, Сильвия идет.

— Ну, как игра? Удалась? — подойдя к ним, спросила миссис Бассингтон-ффренч.

— Три сета, — ответила Франки. — И все в пользу Роджера.

— Вы отлично играете, — сказал Роджер.

— А я никудышная теннисистка — чересчур ленивая, — сказала Сильвия. — Надо как-нибудь пригласить Николсонов. Миссис Николсон обожает теннис. — И, заметив, что Роджер и Франки загадочно переглянулись, спросила: — Что-то не так?

— Да нет... просто я как раз говорил леди Франсез про Николсонов.

— Лучше зовите ее просто Франки, как я, — сказала Сильвия. — Правда, удивительно? Стоит заговорить о ком-нибудь или о чем-нибудь, и, оказывается, как раз об этом только что говорил кто-то еще.

— Они англичане? — спросила Франки.

— Он сам из Канады. А она, мне кажется, англичанка, но я не уверена. Очаровательное создание... просто прелесть, особенно глаза — большие, задумчивые. Почему-то мне кажется, она не очень-то счастлива. Обстановка там, должно быть, гнетущая.

— У него ведь нечто вроде санатория?

— Да... для страдающих нервными заболеваниями и для пристрастившихся к наркотикам. Он, по-моему, весьма преуспевает. И... вообще... человек он, конечно, незаурядный.

— Он вам нравится?

— Нет, — резко ответила Сильвия, — не нравится. — И, помолчав, горячо прибавила: — Совсем не нравится.

Чуть позже она показала Франки стоящую на фортепиано фотографию обворожительной большеглазой женщины.

— Это Мойра Николсон. Правда, хороша? Один человек, который как-то приехал сюда с нашими друзьями, был совершенно сражен этой фотографией. По-моему, он просто жаждал, чтобы его представили ей.

Сильвия рассмеялась.

— Я приглашу их завтра к нам на обед. Мне интересно, что вы о нем скажете.

— О нем?

— Да. Я уже говорила вам, что недолюбливаю его, хотя внешность у него вполне привлекательная.

Что-то в ее тоне заставило Франки быстро на нее взглянуть, но Сильвия Бассингтон-ффренч уже отвернулась и вынимала из вазы увядшие цветы.

«Надо собраться с мыслями, — сказала себе Франки, переодеваясь вечером к обеду. — И пора уже провести кое-какие эксперименты», — прибавила она решительно и принялась расчесывать свои густые темные волосы.

Так кто же этот Роджер Бассингтон-ффренч? Негодяй, каким они с Бобби его считали, или нет?

Они с Бобби решили, что тот, кто пытался убрать его с дороги, должен был иметь доступ к морфию. И Роджер его имел. Ведь если его брат получает морфий по почте, Роджеру ничего не стоило изъять один пакет.

«Не забыть, — написала Франки на листке. — Первое. Узнать, где был Роджер 16-го — день, когда отравили Бобби».

Она уже представляла, как это сделать.

«Второе, — написала она. — Вынуть фотографию покойного и проследить, какова будет реакция каждого, если она вообще будет. Очень важный момент: признается ли Р. Б-ф. у что был тогда в Марчболте».

Второй пункт был довольно рискован — ведь это значило бы открыть карты. С другой стороны, трагедия произошла рядом с ее домом, и как бы невзначай упомянуть о ней было бы вполне естественно.

Франки скомкала листок со своими заметками и сожгла.

За обедом ей удалось легко и естественно справиться с первым пунктом.

— Знаете, я никак не могу отделаться от ощущения, что мы уже где-то встречались, — призналась она Роджеру. — К тому же совсем недавно. Кстати, а это не могло произойти на приеме у леди Шейн? Прием был шестнадцатого, в отеле «Кларидж»^[44].

— Только не шестнадцатого, — тут же вмешалась Сильвия. — В тот день Роджер был здесь. Я хорошо помню. У нас в этот день был детский праздник, не знаю, что бы я без Роджера делала.

Она бросила на шурину благодарный взгляд, и он в ответ улыбнулся.

— Нет, по-моему, мы с вами нигде не встречались, — задумчиво ответил он и прибавил: — Если бы встречались, я бы наверняка помнил.

Как мило он сказал...

С первым пунктом покончено, подумала Франки. В день, когда Бобби отравили, Роджера Бассингтон-ффренча в Уэльсе не было.

Со вторым пунктом Франки чуть погодя тоже сумела справиться довольно успешно. Она завела разговор о загородном житье-бытье и соответственно о неперенной сельской скуке, когда любая местная новость — это целое событие.

— А кстати. В прошлом месяце у нас там один человек упал с утеса, — сказала она. — Мы все были просто потрясены. Страшно заинтригованная, я даже пошла на дознание, но, оказалось, это довольно скучно.

— Это произошло в некоем Марчболте? — вдруг спросила Сильвия.

Франки кивнула:

— Замок Деруэнт всего в десяти милях от Марчболта, — пояснила она.

— Роджер, это, должно быть, тот самый человек! — воскликнула Сильвия.

Франки вопросительно на него посмотрела.

— Представьте, я как раз там был, сразу после его гибели, — сказал Роджер. — Я оставался у его тела, пока не приехала полиция.

— А я думала, это выпало на долю одного из сыновей викария, — сказала Франки.

— Ему нужно было уйти, чтобы играть на органе или еще на чем-то... так что я его сменил.

— Просто поразительно, — сказала Франки. — Я и вправду слышала, что там был кто-то еще, но кто именно, не знала. Так это были вы?

«Поразительно! До чего же мир тесен», — читалось теперь на всех лицах. Франки поздравила себя с первой удачей.

— Возможно, там вы меня и видели... в Марчболте? — предположил Роджер.

— Нет, во время этих печальных событий меня, как назло, там и не было, — сказала Франки. — Я приехала из Лондона только несколько дней спустя. А на дознании вы были?

— Нет, на следующий же день после этого несчастья я возвратился в Лондон.

— Роджер ведь надумал купить у вас там дом, — сказала Сильвия. — Вот такая странная прихоть.

— Не прихоть, а глупая блажь, — сказал Генри Бассингтон-ффренч.

— Ну почему же, — добродушно возразил Роджер.

— Но, Роджер, вы же сами прекрасно знаете — как только вы купите дом, вас снова потянет путешествовать, и вы опять отправитесь за границу.

— Но рано или поздно я осяду на одном месте, Сильвия.

— Когда надумаете, лучше осядьте поближе к нам, — сказала Сильвия. — Зачем вам уезжать в Уэльс.

Роджер рассмеялся. Потом повернулся к Франки:

— Ничего больше не выяснилось? Не самоубийство ли это или... мало ли что...

— Ох, нет, все оказалось до обидного просто, ведь потом приехали какие-то отвратные родственники и опознали его. Похоже, он отправился в пеший поход, только и всего. По правде сказать, очень все это грустно. Такой красивый человек. В газетах была его фотография. Вы не видели?

— Я как будто видела, — неуверенно ответила Сильвия. — Но точно не помню.

— У меня наверху есть вырезка из нашей местной газеты.

Франки обуревало нетерпение. Она кинулась наверх и вернулась с газетной вырезкой. Она протянула ее Сильвии. Роджер тут же подошел и заглянул Сильвии через плечо.

— Правда, красивый? — совсем как школьница, задиристо спросила Франки.

— Да, несомненно, — ответила Сильвия. — Между прочим, очень похож на того человека... Алана Карстейрса, вам не кажется, Роджер? Ну да, я тогда сразу это сказала.

— Здесь он действительно вылитый Алан Карстейрс, — согласился Роджер. — На самом же деле сходство гораздо меньшее.

— По газетной фотографии вообще судить трудно, — сказала Сильвия, возвращая вырезку.

Франки согласилась, что да, трудно.

И они заговорили о другом.

Франки легла спать, полная сомнений. Похоже, все вели себя совершенно естественно. Роджерова затея с поисками дома ни для кого не была тайной.

Только одно ей и удалось узнать — имя. Алан Карстейрс.

Глава 14

Доктор Николсон

Наутро Франки приступила к Сильвии с расспросами.

Начала она с небрежной реплики:

— Как звали того человека, которого вы упомянули вчера вечером? Алан Карстейрс, так, кажется? Я точно знаю, что слышала это имя.

— Надо полагать. По-моему, он своего рода знаменитость. Он канадец... естествоиспытатель, заядлый охотник и путешественник — любил ездить по всяким глухим местам. Я, в сущности, его не знаю. Наши друзья Ривингтоны как-то привезли его к нам на званый завтрак. Мне он показался очень привлекательным — крупный, загорелый, с красивыми синими глазами.

— Теперь понятно, почему я слышала о нем раньше.

— По-моему, в Англии он прежде не бывал. В прошлом году он отправился в путешествие по Африке с миллионером Джоном Сэвиджем — с тем самым, который думал, что у него рак, и покончил с собой. Карстейрс изъездил весь свет. Был в Восточной Африке, в Южной Америке... по-моему, буквально повсюду.

— Похоже, очень привлекательный человек, настоящий искатель приключений, — сказала Франки.

— О да. На редкость привлекательный.

— Так странно... это его поразительное сходство с тем человеком, — сказала Франки, — который упал со скалы в Марчболте.

— Может, у каждого есть двойник?

Они стали вспоминать известные им случаи с двойниками, конечно же поминутно упоминая Адольфа Бека^[45] и чуть меньше «Лионского почтового»^[46]. Возвращаться к разговору об Алане Карстейрсе Франки себе не позволила. Проявлять к нему слишком большой интерес было бы чересчур опрометчиво.

Однако она чувствовала, что мало-помалу продвигается в своем расследовании. Жертвой трагедии в Марчболте был конечно же Алан Карстейрс. Он подходил по всем статьям. В Англии у него не было ни друзей, ни родных, и какое-то время его исчезновения никто бы и не заметил. Да и вообще, если человек часто уезжает — то в Восточную Африку, то в Южную Америку, — вряд ли его сразу хватятся. А что толку, что Сильвия Бассингтон-ффренч заметила его сходство с мужчиной на газетном фото? Она ведь и мысли не допускала, что убили как раз именно его.

Занятная вещь психология, подумала Франки. Нам как-то не приходит в голову, что те, о ком пишут в газете, вполне могут оказаться нашими знакомыми.

Итак, Алан Карстейрс. Следующий шаг — побольше о нем узнать. С Бассингтон-ффренчами он, кажется, был почти незнаком. Его визит был совершенно случайным. Его привезли друзья. Как там их фамилия? Ривингтоны. Надо запомнить — еще пригодится.

Да, тут, несомненно, можно было кое-что разузнать. Но лучше не торопиться. Расспрашивать об Алане Карстейрсе надо чрезвычайно осторожно.

«Не хочу, чтобы меня отравили или стукнули по голове, — поморщившись, подумала Франки. — Они же практически ни за что готовы были отправить Бобби на тот свет...»

Мысли ее вдруг почему-то перенеслись к той загадочной фразе, с которой все и началось.

Эванс! Кто такой Эванс? Какова его роль в этой истории?

Шайка торговцев наркотиками, решила Франки. Возможно, кто-то из родных Карстейрса стал их жертвой, и он решил свести с ними счеты. Возможно, для того и приехал в Англию. Быть может, Эванс из этой шайки? Но решил с этим покончить и поселился в Уэльсе? Карстейрс предложил ему деньги, чтобы Эванс выдал ему остальных членов шайки. Эванс согласился, и Карстейрс приехал, чтобы с ним увидеться, а кто-то его выследил и убрал...

И этот кто-то — Роджер Бассингтон-ффренч? Нет, очень сомнительно. По мнению Франки, контрабандисты, торгующие наркотиками, выглядели скорее как Кэймены.

А как же все-таки та фотография? Если бы только было какое-то объяснение относительно той фотографии...

Вечером к обеду ждали доктора Николсона с женой.

Когда Франки почти завершила свой туалет, она услышала, что к парадному подъезду подкатил автомобиль. Она глянула в окно.

Из темно-синего «тальбота» как раз выходил высокий мужчина.

Франки задумалась...

Карстейрс был канадец. Доктор Николсон — канадец. И у доктора Николсона темно-синий «тальбот».

Делать на этом основании какие-то выводы, разумеется, нелепо, но... но не наводят ли эти совпадения на размышления?

Доктор Николсон был крупный мужчина и, судя по его повадкам, был человеком крайне властным. Речь у него была неспешная, говорил он

немного, но как-то так, что каждое слово звучало внушительно. Он носил сильные очки, и за ними задумчиво поблескивали бледно-голубые, почти бесцветные глаза.

Жена его была тоненьким созданием лет двадцати семи, хорошенькая, даже красивая. Франки показалось, что она слегка нервничает и поэтому, словно стараясь это скрыть, болтает без умолку.

— Я слышал, вы попали в автомобильную катастрофу, леди Франсез, — сказал доктор Николсон, заняв предназначенное ему рядом с ней место за столом.

Франки рассказала об аварии. И с удивлением заметила, что почему-то очень нервничает. Доктор держался просто и явно проявлял к ней интерес. Почему же у нее такое чувство, будто она репетирует, как будет защищаться от обвинения, которое на самом деле никто ей не предъявлял? Разве есть хоть малейшее основание опасаться, что доктор может ей не поверить?

— Скверная история, — сказал он, когда она закончила свой рассказ, пожалуй, куда более подробный, чем требовалось. — Но вы как будто вполне оправились.

— Мы не находим, что она вполне оправилась. Мы ее пока не отпускаем, — сказала Сильвия.

Взгляд доктора устремился на Сильвию. Едва заметная улыбка появилась было у него на губах и тотчас исчезла.

— Я бы не отпускал ее как можно дольше, — серьезно сказал он.

Франки сидела между хозяином дома и доктором. Генри Бассингтон-френчу было явно не по себе. Руки у него подергивались, он почти ничего не ел и не принимал участия в разговоре. Миссис Николсон, сидящей напротив него, приходилось с ним нелегко, и она с явным облегчением повернулась к Роджеру. Разговаривала она с ним как-то бессвязно: Франки заметила, что ее взгляд то и дело устремлялся на мужа.

Доктор Николсон говорил о сельской жизни.

— Вы знаете, что такое культура, леди Франсез?

— Вы имеете в виду начитанность и эрудицию? — озадаченно спросила Франки.

— Нет-нет. Я имел в виду бактерии. Они, как известно, развиваются в специально приготовленной сыворотке. Загородная жизнь, леди Франсез, отчасти с ней схожа. Тут много досуга, много пространства и определенная свобода в образе жизни — подходящие, так сказать, условия для развития.

— Вы хотите сказать, для развития дурных наклонностей? — снова озадаченно спросила Франки.

— Все зависит от того, какие бактерии культивируются.

«Нелепый разговор, — подумала Франки, — и совершенно необязательно трястись от страха... только почему-то не получается».

И она сказала с вызовом:

— Ну, во мне-то уж точно развиваются всевозможные пороки.

Доктор Николсон взглянул на нее с прежней невозмутимостью и сказал:

— О нет, не думаю, леди Франсез. По-моему, вы никогда не будете способны переступить закон и существующие правила.

Он, кажется, слегка подчеркнул слово «закон»?

Миссис Николсон вдруг бросила:

— Мой муж очень гордится тем, что умеет распознавать характер человека.

Доктор Николсон легонько кивнул.

— Совершенно верно, Мойра. Меня интересуют мелочи. — Он снова повернулся к Франки: — О вашем несчастном случае я, видите ли, уже наслышан. Меня весьма заинтриговала одна подробность.

— Да? — отозвалась Франки — у нее вдруг отчаянно заколотилось сердце.

— Проезжий доктор... тот, кто принес вас сюда.

— Да?

— Он, должно быть, любопытная личность... ведь прежде, чем прийти вам на помощь, он развернул свой автомобиль.

— Я вас не понимаю.

— Разумеется, не понимаете. Вы были без сознания. Но юный Риивз, посыльный, ехал на велосипеде из Стей-верли, и его не обгоняла ни одна машина. Однако, когда он завернул за угол, он увидел разбитый автомобиль и автомобиль доктора, направленный в ту же сторону, куда ехал он сам, — в сторону Лондона. Вам понятно? Доктор ехал не со стороны Стейверли, значит, он приехал с другой стороны, спустился с холма. Но в таком случае его автомобиль должен бы быть развернут в сторону Стейверли. А он был развернут в сторону Лондона. Выходит, он где-то там развернулся.

— Может, он уже приехал из Стейверли — еще до катастрофы, — сказала Франки.

— В таком случае, когда вы спускались с холма, его автомобиль должен был бы быть там. Он был там?

Бледно-голубые глаза пристально смотрели на нее из-за толстых стекол.

— Не помню, — ответила Франки. — Думаю, что нет.

— Ты прямо как детектив, Джаспер, — сказала миссис Николсон. — И все из-за какого-то пустяка.

— Говорю же — меня интересуют мелочи, — сказал доктор Николсон. Он повернулся к хозяйке дома, и Франки перевела дух.

Почему он так настойчиво ее расспрашивает? Откуда он узнал все эти подробности автомобильной катастрофы? «Меня интересуют мелочи», — сказал он. И только-то?

Франки вспомнился темно-синий «тальбот» с закрытым кузовом и еще одно — что Карстейрс был канадец. Похоже, доктор Николсон — зловещая фигура.

После обеда она его избегала и держалась поближе к мягкой и хрупкой миссис Николсон. Франки заметила, что та по-прежнему не отрывает глаз от мужа. Что же это, недоумевала Франки, любовь или страх?

Николсон все свое внимание направил на Сильвию, а где-то в половине одиннадцатого он обменялся взглядом с женой, и оба тотчас встали и откланялись.

— Ну, что скажете о нашем докторе Николсоне? — поинтересовался Роджер, когда они ушли. — Сильная личность, вы не находите?

— Скажу то же, что и Сильвия, — ответила Франки. — Как-то не очень он мне нравится. Она мне больше понравилась.

— Хорошенькая, но, пожалуй, дурочка, — сказал Роджер. — То ли боготворит его, то ли до смерти боится... не разберешь.

— Вот я тоже хотела бы это понять, — согласилась Франки.

— Я его не люблю, — сказала Сильвия, — но, должна признать, в нем чувствуется огромная... огромная сила. Ему, по-видимому, действительно удается излечивать людей, пристрастившихся к наркотикам. Тех, кого родные уже отчаялись спасти. И они идут к нему в последней надежде и выходят совершенно здоровыми.

— Да! — воскликнул вдруг Генри Бассингтон-ффренч. — Но вы знаете, что там происходит? Знаете, какие они испытывают физические страдания и душевные муки? Человек привык к наркотику, а ему его не дают... не дают... и, не получая его, человек беснуется, бьется головой о стену. Вот что он творит, этот ваш доктор, «сильная личность», он мучит... мучит людей... заставляет их терпеть адские муки, сводит с ума...

Генри весь дрожал. Затем вдруг повернулся и вышел из комнаты.

У Сильвии Бассингтон-ффренч было испуганное лицо.

— Что такое с Генри? — озадаченно спросила она. — Он как будто очень расстроен.

Франки и Роджер не смели друг на друга взглянуть.

— Он весь вечер неважно выглядел, — рискнула сказать Франки.

— Да. Я заметила. Последнее время у него очень неровное настроение. Жаль, что он бросил верховую езду. Ох, кстати, доктор Николсон пригласил на завтра Томми, но я не хочу, чтобы он там часто бывал... среди всех этих нервных больных и наркоманов.

— Не думаю, что доктор позволит Томми общаться с ними, — сказал Роджер, — Он, кажется, очень любит детей.

— Да, по-моему, он очень переживает, что у них их нет. И она, наверно, тоже. Она кажется такой печальной... и такой хрупкой.

— Она похожа на скорбящую мадонну, — сказала Франки.

— Да, это очень точно сказано.

— Раз доктор Николсон так любит детей, он, наверно, был у вас на детском празднике? — как бы вскользь спросила Франки.

— К сожалению, он тогда как раз уехал на день-два. Ему, кажется, пришлось отправиться в Лондон на какую-то конференцию.

— Понятно.

Все пошли спать. Прежде чем лечь, Франки написала Бобби.

Глава 15

Открытие

Бобби все это время томился. Вынужденное бездействие очень его раздражало. Ему противно было тихо отсиживаться в Лондоне.

Ему позвонил доктор Арбетнот и коротко, в двух-трех фразах, сообщил, что все прошло хорошо. Несколько дней спустя Бобби получил письмо от Франки, доставленное ее горничной, — оно было отправлено на адрес лондонского дома лорда Марчингтона.

С тех пор вестей от Франки не было.

— Тебе письмо! — крикнул ему Бэджер.

Бобби взволнованно подошел к нему, но, оказалось, конверт надписан рукой его отца и отправлен из Марчболта.

Однако в тот же миг он заметил складную фигурку в черном — к нему шла горничная Франки. Через пять минут он уже распечатывал врученное ею письмо.

«Дорогой Бобби, думаю, тебе уже пора появиться. Я заранее предупредила домашних, чтобы по первой же твоей просьбе тебе дали „бентли“. купи ливрею шофера — у наших шоферов она всегда темно-зеленая. Запиши ее на счет отца в „Хэрродсе“^[47]. Мелочами лучше не пренебрегать. Постарайся, чтобы усы были в лучшем виде. Они невероятно меняют любое лицо.

Приезжай и спроси меня. Привези мне какую-нибудь „записочку“ от отца. Доложишь мне, что теперь автомобиль опять в полном порядке. Здешний гараж рассчитан всего на две машины, а так как в нем сейчас стоит хозяйский „даймлер“^[48] и двухместный автомобиль Роджера Бассингтон-ффренча, места там, к счастью, нет, и ты остановишься в Стейверли.

Когда будешь там, разузнай о здешней жизни все, что сможешь... особенно о некоем докторе Николсоне, у которого здесь лечебница для наркоманов. С ним связано несколько подозрительных обстоятельств — у него темно-синий „тальбот“ с закрытым кузовом, он уезжал из дому шестнадцатого, когда тебе в пиво подсыпали морфий, и еще же он слишком интересовался подробностями моей автомобильной катастрофы.

Мне кажется, я установила личность покойного!!!

Au revoir, мой коллега-сыщик.

Привет от сумевшей так удачно получить сотрясение мозга. Франки.

P. S. Это письмо я отправлю сама».

Настроение у Бобби резко поднялось.

Сбросив комбинезон и объявив Бэджеру о своем немедленном отъезде, он собрался уже выходить, но тут вспомнил, что не прочел еще письмо отца. Он вскрыл конверт без особой радости, ибо викарий писал не столько по желанию, сколько по обязанности, и все его письма были пропитаны духом христианского долготерпения, что приводило Бобби в глубочайшее уныние. Викарий добросовестно сообщал обо всех марчболтских новостях, рассказывал о своих неприятностях с органистом и сетовал на не подобающую христианину дерзость одного из церковных старост^[49]. Поведал он и о необходимости заново переплести псалтыри. Викарий также очень надеялся, что Бобби упорно трудится и старается преуспеть, и оставался его всегда любящим отцом.

Был в письме и постскриптум:

P.S. «Кстати, кто-то заходил и спрашивал твой лондонский адрес. Меня в это время не было дома, а своей карточки он не оставил. По словам миссис Робертс, это был высокий и несколько сутулый джентльмен в пенсне.

Он, кажется, был очень огорчен, что не застал тебя, и очень хотел бы снова попытаться с тобою встретиться».

Высокий, сутулый мужчина в пенсне. Бобби порылся в памяти, пытаясь найти среди своих знакомых кого-нибудь, кто подходил бы под это описание, но не нашел.

Неожиданно в душу его закралось подозрение. Уж не предвестник ли это нового покушения на его жизнь? Уж не пытаются ли его выследить эти таинственные враги... или враг?

Бобби погрузился в мрачные размышления, видимо, эти типы только теперь узнали, что он уехал из отцовского дома. А миссис Робертс, ни о чем не подозревая, дала им его новый адрес.

Весьма вероятно, что они уже не спускают глаз с его теперешнего дома. Ясно, что за ним будут следить, а при нынешних обстоятельствах это ему совершенно ни к чему.

— Бэджер, — позвал Бобби.

— Я здесь, старина.

— Поди сюда.

Следующие пять минут и Бобби, и его другу пришлось очень нелегко. Однако минут через десять Бэджер уже мог повторить инструкции Бобби без запинок.

Убедившись, что тот все знает назубок, Бобби сел в двухместный «фиат» выпуска 1902 года и стремительно покатил по улице. Он поставил «фиат» на площади Сент-Джеймс^[50] и оттуда напрямик направился в свой клуб. Там он позвонил в два-три места, и через несколько часов ему доставили кое-какие пакеты. А около половины третьего на площади Сент-Джеймс появился шофер в темно-зеленой ливрее и быстро прошел к большому «бентли», который полчаса назад поставили там на стоянку. Диспетчер кивнул ему — джентльмен, который оставил «бентли», предупредил, слегка заикаясь, что немного погодя автомобиль заберет его шофер.

Бобби сел за руль и умело выехал со стоянки. Брошенный «фиат» все стоял, терпеливо дожидаясь владельца. Несмотря на весьма неприятные ощущения в области верхней губы, поездка начинала радовать. Он направился на север, а не на юг, и в скором времени мощный автомобиль уже мчал его по главной северной магистрали.

То была всего лишь еще одна предосторожность. Бобби почти не сомневался, что никто его не преследует. Немного погодя он свернул налево и окольными путями направился в Гэмпшир.

«Бентли» заурчал на подъездной аллее Мерроуэй-Корта как раз после чая. За рулем сидел учтивый, чопорный шофер.

— Привет, — небрежно сказала Франки. — Вот и автомобиль.

Она вышла из дверей. Рядом с ней были Сильвия и Роджер.

— Автомобиль в порядке, Хоукинс?

Шофер поднес руку к фуражке.

— Да, миледи. Стал как новенький.

— Что ж, прекрасно.

Шофер протянул ей записку.

— От его светлости, миледи.

Франки взяла ее.

— Вы остановитесь... в этом... в «Гербе рыболова» в Стейверли, Хоукинс. Если мне понадобится автомобиль, я утром позвоню.

— Слушаюсь, миледи.

Бобби подал автомобиль назад, развернулся и поехал по подъездной аллее прочь от дома.

— Прошу прощения, что у нас тут нет места, — сказала Сильвия. — У вас замечательный автомобиль.

— Из него можно выжать изрядную скорость, — сказал Роджер.

— Я выжимаю, — призналась Франки.

Взглянув на лицо Роджера, она с удовлетворением заметила, что шофер никого ему не напомнил. Впрочем, ничего удивительного. Она бы и сама не узнала Бобби, если бы прежде видела его лишь мельком. Усики выглядели совершенно натурально и в сочетании со столь несвойственной ему сдержанностью сделали его просто неузнаваемым, тем более в этой ливрее.

Даже голос другой — совсем не походил на его собственный. Похоже, ее приятель куда талантливей, чем она полагала.

Меж тем Бобби благополучно расположился в «Гербе рыболова».

Теперь ему предстояло довершить образ Эдварда Хоукинса, шофера леди Франсез Деруэнт.

Бобби не очень-то представлял, как обычно ведут себя личные шоферы, но чувствовал, что некоторая надменность не повредит. Он постарался ощутить себя человеком, который «почище всяких там», и стал вживаться в роль. Молоденькие гостиничные горничные смотрели на него с восхищением, что заметно его приободряло. Он очень скоро понял, что с тех пор, как произошла автомобильная катастрофа, в Стейверли только о ней и говорят. Бобби улыбнулся хозяину гостиницы, добродушному толстячку по имени Томас Эскью, и милостиво предоставил ему возможность выложить все, что он знал.

— Молодой Риивз — он как раз проезжал мимо на велосипеде и все, стало быть, видал, — сообщил мистер Эскью.

Лживость этого юнца обрадовала Бобби. Пресловутая автомобильная катастрофа была теперь подтверждена очевидцем.

— Он уж решил, ему конец, да, — продолжал мистер Эскью. — Катит вниз с холма автомобиль прямиком на него... а вместо того врезался в ограду. Чудо, что молодая леди осталась жива.

— Ее светлость у нас живучая.

— А что, такое с ней уже приключалось?

— Говорю, везет ей, — сказал Бобби. — Но можете мне поверить, мистер Эскью, когда ее светлость отбирает у меня руль, а иной раз такое случается... да, я уж не сомневаюсь, пришел мой последний час.

Несколько человек, слушавшие этот разговор, глубокомысленно покачали головами, уверяя, что они, мол, так и подумали.

— Очень у вас тут мило, мистер Эскью, — со снисходительной любезностью сказал Бобби. — Очень мило и уютно.

Мистер Эскью рассыпался в благодарностях.

— Мерроуэй-Корт — единственное в здешних местах большое поместье?

— Ну, есть еще Грэндж, мистер Хоукинс. Не сказать, конечно, что это настоящее поместье, поскольку никакая семья там не живет. Дом этот много годков стоял пустой, пока его не купил этот американский доктор.

— Американский доктор?

— Ну, да... Николсоном зовут. И, сказать по чести, мистер Хоукинс, чудные дела там творятся.

Тут вмешалась буфетчица, заявив, что, мол, при встрече с мистером Николсоном ее бросает в дрожь, ей-богу.

— Чудные дела, мистер Эскью? — сказал Бобби. — А что ж за дела-то?

Мистер Эскью загадочно покачал головой.

— Он таких там держит, кто не хочет там быть. Родственники их туда упрятали. А уж какие там стоны, да вопли, да крики, вы не поверите, мистер Хоукинс.

— А полиция куда смотрит?

— Да там, понимаете, все вроде как положено. У кого нервы больные, у кого голова. В общем, полоумные, которые не совсем еще спятили. Сам джентльмен-то — доктор, а значит, все, так сказать, в порядке...

Тут хозяин гостиницы припал к оловянной кружке, а потом, оторвавшись от нее, с превеликим недоверием покачал головой.

— Да что говорить, знали бы мы, какие дела творятся в таких заведениях... — хмуро и многозначительно произнес Бобби.

И тоже склонился к оловянной кружке.

Буфетчице не терпелось сказать свое слово.

— А я что говорю, мистер Хоукинс. Там что творится? Да однажды ночью одна молоденькая бедняжка сбежала... в ночной рубашке... и доктор и несколько сестер давай ее искать. «Ох, не позволяйте им засадить меня обратно!» Вот что она кричала, сердечная. Жалко-то как ее было. И про то кричала, что богатая она и что ее туда родственники упрятали. Но ее поймали, а как же. И доктор этот объяснил, мол, у нее мания преследования... вот он как это назвал. Вроде ей кажется, будто все против нее. А только я все удивлялась... да уж. Я все удивлялась...

— А, да что тут говорить, — сказал мистер Эскью.

Кто-то из присутствующих заметил, что такого рода заведения — дело темное. И кто-то поддакнул — истинно так.

Наконец все разошлись, и Бобби объявил, что хочет перед сном прогуляться.

Он знал, что Грэндж находится на противоположной от Мерроуэй-Корта стороне селения, и туда-то и направил свои стопы. Услышанное сегодня вечером заслуживало внимания. Правда, нужно принять в расчет, что в сельской местности обычно предубеждены против чужаков, особенно когда они другого племени. Если Николсон лечит там наркоманов, оттуда конечно же могут доноситься странные звуки — стоны и даже крики. И вызваны они могут быть отнюдь не какими-нибудь зловещими причинами... и все же история сбежавшей девушки оставила в душе Бобби неприятный осадок.

А что, если Грэндж и вправду такое заведение, где людей держат насильно? А некоторое количество действительно больных служат лишь прикрытием...

В этот момент Бобби подошел к высокой ограде с железными воротами. Приблизившись, он потянул их на себя. Они оказались заперты. Ну, а почему, собственно, они должны быть открыты?

И однако, ему стало не по себе. Очень уж этот дом походил на тюрьму.

Бобби прошел чуть дальше, прикидывая на глаз высоту стены. Смог бы он через нее перелезть? Ограда была гладкая, высокая, без единой выбоины, за которую можно было бы ухватиться. Бобби покачал головой. И вдруг увидел калитку. Без особой надежды толкнул. И, как ни странно, она поддалась. Калитка была не заперта.

«Малость недоглядели», — с усмешкой подумал Бобби.

Он проскользнул в калитку и тихонько прикрыл ее.

Он очутился на обсаженной кустами дорожке. Пошел по ней, она сильно петляла — ему даже вспомнилась дорожка из «Алисы в Стране чудес»^[51].

И вдруг совершенно неожиданно дорожка круто повернула и вывела его на открытое пространство прямо перед домом. Светила луна, и все вокруг было хорошо освещено. Не успев остановиться, Бобби оказался на свету.

В ту же минуту из-за угла дома вышла какая-то женщина. Она ступала совсем неслышно, напряженно оглядываясь по сторонам, точно загнанное животное, — во всяком случае, так показалось Бобби. Вдруг она резко остановилась, покачиваясь, словно вот-вот упадет.

Бобби кинулся к ней и успел поддержать. Губы у нее были совсем белые — он в жизни не видел, чтобы на лице человека был написан такой отчаянный страх.

— Все в порядке, — прошептал он, стараясь ее успокоить. — Все в полном порядке.

Это была совсем молоденькая девушка. Она чуть слышно постанывала, веки ее были полуопущены.

— Мне так страшно, — пробормотала она. — Мне ужасно страшно.

— Но в чем дело? — спросил Бобби.

В ответ она лишь покачала головой и едва слышно повторила:

— Мне так страшно. Так безмерно страшно.

Вдруг до ее ушей словно донесся какой-то звук. Она резко отпрянула от Бобби.

— Уходите. Немедленно уходите.

— Я хочу вам помочь, — сказал Бобби.

— Правда? — Она пристально смотрела на него странным, пронзительным, глубоко взволновавшим его взглядом — будто пыталась заглянуть в самую его душу. Потом покачала головой. — Никто не может мне помочь.

— Я могу, — сказал Бобби. — Я попробую. Но что вас так пугает?

Девушка помотала головой.

— Не сейчас. Ох, скорей... они идут! Если вы сейчас не уйдете, вы не сумеете мне помочь. Уходите!

Бобби подчинился.

Шепнув ей: «Я в „Гербе рыбакова“», — он кинулся назад по дорожке. Напоследок он увидел, как она решительно взмахнула рукой, призывая его поторопиться.

Впереди на дорожке слышались шаги. Кто-то шел от калитки ему навстречу. Бобби нырнул в кусты, растущие вдоль дорожки.

Он не ошибся. По дорожке действительно шел мужчина. Он прошел совсем рядом, но было так темно, что Бобби не разглядел его лица.

Едва тот прошел, Бобби опять двинулся дальше, к калитке. Он чувствовал, что этой ночью уже ничего больше не сможет сделать.

Но в мыслях у него все равно царил сумбур.

Ибо девушку он узнал... вне всяких сомнений, узнал.

Это она была на той, так загадочно исчезнувшей фотографии.

Глава 16

Бобби в роли поверенного

— Мистер Хоукинс?

— Да, — отозвался Бобби слегка приглушенным голосом, так как во рту у него был большой кусок яичницы с беконом.

— Вас к телефону.

Бобби поспешно глотнул кофе, утер губы и встал. Телефон находился в темном коридорчике. Он взял трубку.

— Алло. — То был голос Франки.

— Привет, Франки, — неосторожно выпалил Бобби.

— Говорит леди Франсез Деруэнт. — Голос звучал холодно. — Это Хоукинс?

— Да, миледи.

— Автомобиль подадите к десяти утра — отвезете меня в Лондон.

— Слушаюсь, ваша светлость.

Бобби положил трубку.

Когда полагается говорить «миледи», а когда «ваша светлость»? Серьезный вопрос. Не мешало бы это знать. Вот на таких мелочах настоящему шоферу или лакею ничего не стоит меня раскусить.

На другом конце провода Франки повесила трубку и повернулась к Роджеру Бассингтон-френчу.

— Такая досада — придется сегодня ехать в Лондон, — небрежно бросила она. — Что поделаешь — отец волнуется.

— Но вечером вы вернетесь? — спросил Роджер.

— Да, конечно!

— Я было подумал попросить вас прихватить и меня, — вдруг добавил он.

Франки замешкалась лишь на миг.

— Ну конечно же, — с готовностью сказала она.

— Но по зрелом размышлении решил, что, пожалуй, ехать, не стоит, — продолжал Роджер. — Генри сегодня странный, как никогда. Как-то не люблю я оставлять с ним Сильвию одну.

— Знаю, — сказала Франки.

— Вы сами поведете автомобиль? — мимоходом спросил Роджер, когда они шли от телефона.

— Да, но возьму с собой Хоукинса. Мне еще нужно сделать кое-какие покупки, а когда сама за рулем, это не очень удобно, автомобиль ведь не везде можно поставить.

— Да, конечно.

Больше Роджер ничего не сказал, но, когда подъехал автомобиль, за рулем которого сидел весьма чопорный и необыкновенно почтительный Бобби, он вышел к дверям проводить Франки.

— До свиданья, — сказала она.

При данных обстоятельствах она постеснялась протянуть ему руку, но Роджер сам взял ее ладонь и не сразу выпустил.

— Вы действительно вернетесь? — со странной настойчивостью спросил он.

Франки рассмеялась.

- Разумеется. Прощаемся лишь до сегодняшнего вечера.
- Постарайтесь обойтись без катастроф.
- Если хотите, я усажу за руль Хоукинса.

Она впорхнула на сиденье рядом с Бобби, который поднес руку к фуражке. Автомобиль покотил по подъездной аллее, а Роджер все стоял на пороге, глядя ему вслед.

— Как по-твоему, Роджер мог бы в меня влюбиться? — спросила Франки.

— А он влюбился?

— Да кто ж его знает.

— Я думаю, эти симптомы тебе отлично известны, — сказал Бобби, но говорил он как-то рассеянно.

Франки кинула на него быстрый взгляд.

— Бобби, что-то случилось? — спросила она.

— Да, случилось. Франки, я нашел ту девушку с фотографии.

— С той самой фотографии... о которой ты все время говорил? С той самой, что была в кармане у того человека?

— Да.

— Да что ты! Я тоже хотела кое-что тебе рассказать, но по сравнению с твоим открытием это все чепуха. Где ты ее нашел?

— В лечебнице доктора Николсона.

— А как?

Бобби точно и подробно описал события прошлой ночи. Франки слушала затаив дыхание.

— Значит, мы на верном пути, — сказала она. — И во всем этом замешан доктор Николсон. Я боюсь этого человека.

— Какой он из себя?

— Ох, он большой, сильный... и все время за тобой наблюдает. Очень пристально, из-за очков. И такое чувство, будто он все про тебя знает.

— Когда ты с ним познакомилась?

— Он был приглашен на обед.

Франки описала, как все было на этом обеде и как доктор Николсон упорно выпрашивал у нее все подробности «аварии».

— Она определенно вызвала у него подозрения, — закончила Франки.

— А действительно: зачем ему понадобились подробности? — удивился Бобби. — Как по-твоему, что за всем этим стоит?

— Понимаешь, мне начинает казаться, что я зря тогда отвергла твою идею насчет того, что тут орудует целая шайка торговцев наркотиками.

— Во главе с доктором Николсоном?

— Да. И эта его лечебница — неплохое прикрытие для подобного рода делишек. При этом какую-то часть наркотиков он может держать у себя на вполне законных основаниях. И делать вид, будто лечит наркоманов, а в действительности снабжать их этим зельем.

— Вполне вероятно, — согласился Бобби.

— Я еще не рассказала тебе про Генри Бассингтон-ффренча.

Бобби внимательно слушал ее рассказ о странностях в поведении хозяина дома.

— И его жена ни о чем не подозревает?

— Безусловно, нет.

— Что она из себя представляет? Умна?

— В сущности, я об этом не задумывалась. Да нет, пожалуй, не очень. Однако ей не откажешь в практичности и известной проницательности. Искренний, приятный человек.

— А наш Бассингтон-ффренч?

— Вот в отношении него у меня много сомнений, — задумчиво сказала Франки. — Как ты думаешь, Бобби, возможно ли, что тут мы оказались совершенно не правы?

— Глупости, — ответил Бобби. — Мы ведь хорошенько все обдумали и вычислили, что он-то и есть главный злодей.

— Из-за фотографии?

— Из-за фотографии. Фотографию больше некому было подменить.

— Знаю, — сказала Франки. — Но это единственное, что против него.

— Этого вполне достаточно.

— Конечно. И все-таки...

— Что и все-таки?

— Не знаю, но у меня такое странное чувство, что он невиновен... что к этой истории он вообще не имеет отношения.

Бобби холодно на нее посмотрел.

— Как ты сказала? Кто в кого влюбился — он в тебя или ты в него? — вежливо осведомился Бобби.

Франки вспыхнула.

— Что за нелепость, Бобби. Я просто подумала, вдруг тут какое-нибудь вполне безобидное объяснение, вот и все.

— Никаких вдруг. Тем более теперь, когда поблизости мы нашли ту самую девушку. Похоже, это решает дело. Если бы мы имели хотя бы отдаленное представление о том, кто же был покойный...

— Но я имею представление, и даже не отдаленное. Я написала тебе об этом. Я почти уверена, что убитый был некто по имени Алан Карстейрс.

И Франки опять принялась рассказывать.

— Знаешь, мы действительно делаем успехи, — сказал Бобби. — Теперь надо бы хоть приблизительно воссоздать картину преступления. Давай разложим по полочкам все имеющиеся у нас факты и посмотрим, что получится.

Бобби на миг замолчал, и, словно в полном согласии с ним, автомобиль сбавил скорость. Потом Бобби опять нажал на акселератор и одновременно заговорил:

— Итак, допустим, что ты права и это действительно Алан Карстейрс. Он в самом деле весьма подходящая личность — в постоянных разъездах по всему миру, в Англии у него почти не было друзей и знакомых, то есть если бы он исчез, вряд ли бы кто-то стал его разыскивать. Пока все так. Алан Карстейрс приезжает в Стей-верли с этими... как, ты сказала, их фамилия?..

— Ривингтоны. Это один из возможных каналов получения информации. Я думаю, нам следует им воспользоваться.

— Непременно. Итак, Карстейрс приезжает в Стей-верли с Ривингтонами. Как по-твоему, нет ли в этом какого-то умысла?

— Ты хочешь сказать, что он мог специально устроить, чтобы они привезли его сюда?

— Вот именно. Или все-таки это чистая случайность, что его привезли сюда Ривингтоны. А на ту девушку он потом набрел тоже случайно — как я. Но, я думаю, он уже был с ней знаком, иначе откуда у него ее фотография.

— Есть и другой вариант: он напал на след Николсона и его сообщников, — задумчиво сказала Франки.

— И воспользовался Ривингтонами, чтобы его появление в здешних местах выглядело естественным?

— Вполне вероятно, — сказала Франки. — Он, возможно, разыскивал эту шайку.

— Или эту девушку?

— Эту девушку?

— Ну да. Ее могли увезти насильно. Вот он и приехал в Англию — чтобы ее найти.

— Но если поиски привели его в Стейверли, зачем тогда он уехал в Уэльс?

— Ясно, что мы еще очень многого не знаем, — сказал Бобби.

— Эванс, — задумчиво сказала Франки. — Эванс... вот о ком нам совсем ничего не известно. Эта часть загадки должна иметь отношение к Уэльсу.

Они помолчали. Франки вдруг решила посмотреть, где они едут.

— Дорогой мой, мы уже в Пэтни-хилл^[52]. А кажется будто прошло всего пять минут. Куда мы едем и что будем делать?

— Это тебе решать. Я даже не знаю, зачем мы прикатили в Лондон.

— Да ни за чем. Поездка лишь предлог, чтобы оттуда убраться. Там не поговоришь. Ведь нельзя же было допустить, чтобы кто-нибудь увидел, как я веду какие-то разговоры со своим шофером. Потому я и просила тебя привезти вроде бы письмо от отца — это предлог для поездки в Лондон. Хотела хоть по дороге с тобой поговорить, да и это чуть не сорвалось. Из-за Бассингтон-ффренча, он тоже хотел поехать.

— Тогда бы, конечно, какие уж разговоры.

— Ничего, что-нибудь придумали бы. Высадили бы его там, где ему нужно, а потом поехали бы к нам на Брук-стрит^[53]. По-моему, нам и сейчас следует так поступить. За твоим гаражом могут следить.

Бобби не возражал и сказал, что его кто-то разыскивал в Марчболте.

— Значит, действительно нам лучше поехать в наш лондонский дом, — сказала Франки. — Там только моя горничная и несколько сторожей.

Они поехали на Брук-стрит. Франки позвонила, и ей отворили дверь. Бобби остался в автомобиле. Немного погодя Франки сама открыла дверь и знаком его позвала. Они поднялись по лестнице в большую гостиную, подняли жалюзи на нескольких окнах и сняли чехол с одного из диванов.

— Ой, я забыла сказать еще одно, — спохватилась Франки. — Шестнадцатого, в день, когда тебя отравили, Бассингтон-ффренч был в Стейверли, но Николсон уезжал — говорил, что на конференцию в Лондон. И автомобиль у него — темно-синий «тальбот».

— И у него есть доступ к морфию, — сказал Бобби.

Они многозначительно переглянулись.

— Я полагаю, это еще не улика, но уж очень все одно к одному, — сказал Бобби.

Франки сняла со столика телефонный справочник.

— Что ты хочешь делать?

— Найти фамилию Ривингтон.

Она быстро листала страницы.

— Э. Ривингтон и сыновья, строители. Б. Э. С. Ривингтон, хирург-стоматолог. Д. Ривингтон, револьверы. Пожалуй, нет. Мисс Флоренс Ривингтон. Полковник Х. Ривингтон, кавалер ордена «За боевые заслуги»^[54] — вот этот, пожалуй, может подойти — Тайт-стрит, Челси^[55].

Франки продолжала:

— Вот М. Р. Ривингтон, Онслоу-сквер. Этот тоже годится. И вот еще Уильям Ривингтон в Хэмпстеде^[56]. Мне кажется, самые вероятные — с Онслоу-сквер и с Тайт-стрит. С Ривингтонами надо увидеться без промедления.

— Да, наверное. Но что мы им скажем? Придумай что-нибудь правдоподобное, Франки. Я в таких делах пас.

Франки задумалась.

— По-моему, пойти нужно тебе, — сказала она. — Рискнешь выступить в роли младшего партнера адвокатской фирмы?

— Ладно, роль довольно сносная, — сказал Бобби. — Я боялся, ты придумаешь для меня что-нибудь куда похуже. Но все равно это будет не очень убедительно.

— То есть?

— Поверенные никогда не приходят сами, верно? Обычно они пишут письма или, тоже в письме, приглашают посетить свою контору.

— Фирма, которую я имею в виду, необычная, — сказала Франки. — Погоди минутку.

Она вышла из комнаты и вернулась с визитной карточкой.

— «Мистер Фредерик Спрэг», — сказала она, протягивая Бобби визитную карточку. — Ты молодой компаньон фирмы «Спрэг, Спрэг, Дженкинсон и Спрэг» с Блумсбери-сквер^[57].

— Ты эту фирму придумала?

— Разумеется, нет. Они поверенные отца.

— А вдруг меня изобличат в присвоении чужого имени?

— Не волнуйся. Никакого молодого Спрэга на самом деле не существует. Единственному живому Спрэгу чуть не сто лет, да к тому же он пляшет под мою дудку. А если что-нибудь получится не так, я все улажу. Он сноб, каких мало... обожает лордов и герцогов, как бы мало денег они ему ни приносили.

— А как насчет одежды? Позвонить Бэджеру, чтобы он что-нибудь мне принес?

Франки явно была смущена.

— Бобби, я не хочу сказать ничего плохого о твоей одежде или лишний раз напоминать тебе о твоих денежных затруднениях, нет, конечно... Но ты уверен, что твой костюм подойдет? По-моему, лучше нам совершить набег на отцовский гардероб. Его вещи будут тебе впору.

Четверть часа спустя Бобби, в визитке и чрезвычайно элегантных полосатых брюках, которые сидели на нем совсем неплохо, стоял перед высоким трюмо и внимательно себя оглядывал.

— Твой отец знает толк в одежде, — любезно заметил он. — При поддержке всемогущей Савил-роу^[58] я ощущаю невероятный прилив уверенности.

— По-моему, усы можно оставить, — сказала Франки.

— Тем более что они крепко держатся, — сказал Бобби. — Приладить усы — это настоящее искусство, второпях такого не сделаешь.

— Тогда точно их оставляем. Правда, поверенному больше пристало быть чисто выбритым.

— Хорошо хоть усы, а не борода, — сказал Бобби. — Да, кстати, Франки, как ты думаешь, твой отец может одолжить мне на время какую-нибудь шляпу?

Глава 17

Рассказывает миссис Ривингтон

— А что, если мистер М. Р. Ривингтон с Онслоу-сквер и сам поверенный? — сказал Бобби, остановившись в дверях. — Вот это был бы удар.

— Знаешь, тогда лучше сначала попытай счастья у полковника с Тайт-стрит, — сказала Франки. — Он наверняка ничего не знает ни про каких поверенных.

Послушавшись, Бобби взял такси до Тайт-стрит. Полковника Ривингтона дома не оказалось! Зато была миссис Ривингтон. Через щеголеватую горничную Бобби передал карточку, на которой загодя написал: «От господ „Спрэг, Спрэг, Дженкинсон и Спрэг“. Весьма срочно».

Эта карточка и костюм лорда Марчингтона произвели должное впечатление на горничную. Ей и в голову не пришло, что Бобби заявился, чтобы продать какие-нибудь миниатюры или навязать страховой полис. Его ввели в роскошно обставленную гостиную, и вскоре туда пришла миссис Ривингтон, роскошно одетая и подкрашенная.

— Прошу извинить за беспокойство, миссис Ривингтон, — сказал Бобби. — Но дело довольно срочное и мы хотели избежать проволочек, неизбежных при переписке.

Чтобы какой-нибудь поверенный хотел избежать проволочек... Это было так неправдоподобно, что Бобби вдруг испугался, как бы миссис Ривингтон не заподозрила обмана.

Но ум миссис Ривингтон определенно уступал ее красоте, и ей можно было наплести все что угодно.

— Ах, пожалуйста, присаживайтесь! — сказала она. — Мне как раз только что звонили из вашей конторы, что вы сюда едете.

Бобби мысленно поаплодировал Франки за этот штрих, завершающий их блестящую выдумку.

Он сел и постарался принять вид истинного правоведа.

— Я по поводу нашего клиента, мистера Алана Карстейрса, — сказал он.

— Вот как?

— Он, возможно, поминал, что мы представляем его интересы.

— Поминал? Да, как будто поминал, — сказала миссис Ривингтон, широко распахнув огромные голубые глаза. Она была явно из тех женщин, которые легко поддаются внушению. — Ну как же, я о вас знаю. Вы представляли интересы Долли Мэлтрейверс, когда она застрелила этого ужасающего портного, верно? Вам, наверно, известны все подробности?

Она посмотрела на него с откровенным любопытством. Бобби подумал, что у нее, пожалуй, нетрудно будет все вывести.

— Нам известно многое, о чем в суде вы никогда не услышите, — улыбнувшись, сказал Бобби.

— Да уж наверно. — Миссис Ривингтон посмотрела на него с завистью. — Скажите, она правда... я хочу сказать, она была одета, как говорила та женщина?

— Показания были очень противоречивы, — с серьезным видом ответил Бобби, многозначительно прищутив глаз.

— А, понятно, — в восторге прошептала миссис Ривингтон.

— Что до мистера Карстейрса, он уехал из Англии совершенно неожиданно, вы это, вероятно, знаете? — сказал Бобби, чувствуя, что уже добился ее расположения и теперь можно продолжить расспросы.

Миссис Ривингтон помотала головой.

— Он уехал из Англии? Вот не знала. Мы довольно давно не виделись.

— Он вам не говорил, долго ли он собирался тут пробить?

— Сказал, что недели две, а возможно, дольше — полгода-год.

— А где он жил?

— В «Савойе».

— И когда же вы его видели в последний раз?

— Недели три назад или, может быть, месяц. Точно не помню.

— Однажды он, кажется, ездил с вами в Стейверли?

— Совершенно верно! По-моему, тогда я и видела его в последний раз.

Он позвонил и спросил, когда можно с нами увидеться. Он только что приехал в Лондон, и Хьюберт очень огорчился — на другой день мы уезжали в Шотландию, и еще нам предстоял обед в Стейверли и ужин в ресторане с ужасно неприятными людьми, от которых мы никак не могли отделаться, а Хьюберту очень хотелось повидать Карстейрса, тот ему очень нравится, и тогда я сказала: «Дорогой, давай возьмем его с собой к Бассингтон-ффренчам. Они не станут возражать». Так мы и сделали. И они, естественно, не возражали.

Ей надо было перевести дух, и она замолчала.

— Он вам не говорил, что привело его в Англию? — спросил Бобби.

— Нет. А разве у него были на то какие-то причины? Ох, да, знаю. Мы думали, его приезд связан с этим миллионером, с его другом, жизнь которого так трагически оборвалась. Какой-то врач сказал ему, что у него рак, к он покончил с собой. Этот врач поступил жестоко, вы не находите? Такие вещи недопустимы. И ведь доктора так часто ошибаются. Наш доктор на днях сказал, что у моей дочурки корь, а оказалось, у нее что-то вроде потницы^[59]. Я сказала Хьюберту, что придется поменять врача.

Не задерживаясь мыслью на том, что миссис Ривингтон меняла врачей, будто библиотечные книги, Бобби опять принялся ее расспрашивать.

— Мистер Карстейрс был знаком с Бассингтон-ффренчами?

— Ох, нет! Но, по-моему, они ему понравились. Правда, на обратном пути он был совсем на себя не похож — такой угрюмый. Наверно, что-то из того, что там было сказано, его огорчило. Он, видите ли, канадец, и мне часто кажется, что канадцы так обидчивы.

— А что именно его огорчило, вы не знаете?

— Понятия не имею. Бывает, люди огорчаются из-за сущих пустяков, ведь правда?

— Он там не совершал прогулки по окрестностям? — спросил Бобби.

— Да нет же! Что за странная идея! — Она посмотрела на Бобби с изумлением.

Тогда Бобби попробовал выяснить другое.

— Там были еще гости? Он познакомился с кем-нибудь из соседей?

— Нет, никого, кроме нас и их. Но как странно, что вы спросили насчет прогулок...

— Да? — нетерпеливо подхватил Бобби, едва она на миг замолчала.

— Ведь знаете, он без конца расспрашивал об одном семействе, которое живет там поблизости.

— Вы не помните их фамилию?

— Нет, не помню. Не сказать, чтоб это была какая-нибудь особенно интересная личность... какой-то доктор.

— Доктор Николсон?

— Мне кажется, именно эта фамилия. Мистер Карстейрс очень интересовался и самим доктором, и его женой, и когда они туда приехали... словом — всем. Это так было странно, ведь он их совсем не знает, и обычно любопытство ему совсем не было свойственно. Но, может, он просто поддерживал беседу и не мог ничего придумать... Иной раз такое случается.

Бобби согласился, что да, случается, и спросил, как возник разговор о Николсонах, но этого миссис Ривингтон сказать не могла. Она выходила с Генри Бассингтон-френчем в сад, а когда вернулась, остальные уже говорили о Николсонах.

До сих пор все шло как по маслу, Бобби выпрашивал миссис Ривингтон, не прибегая ни к каким уловкам, но тут она вдруг проявила любопытство.

— Но что вы, собственно, хотите узнать о мистере Карстейрсе? — спросила она.

— В сущности, я хотел узнать его адрес, — ответил Бобби. — Как вам известно, мы представляем его интересы, и мы только что получили немаловажную телеграмму из Нью-Йорка... там, знаете ли, как раз сейчас довольно серьезные колебания курса доллара...

Миссис Ривингтон в знак понимания сокрушенно кивнула.

— Так что мы хотели с ним связаться, получить от него распоряжения... а он не оставил нам свой адрес, — быстро продолжал Бобби. — А так как он поминал, что дружен с вами, я подумал, что у вас могут быть от него какие-нибудь известия.

— Да, конечно, — сказала миссис Ривингтон, вполне удовлетворенная объяснением. — Какая жалость. Но о своих поездках и намерениях он обычно говорит довольно неопределенно.

— Да-да, вы правы, — сказал, вставая, Бобби. — Что ж, прошу прощения, что отнял у вас столько времени.

— Ну что вы, — сказала миссис Ривингтон. — И к тому же так интересно было узнать, что, как вы сказали, Долли Мэлтрейверс действительно это сделала.

— Я ничего подобного не говорил, — сказал Бобби.

— Конечно, — адвокаты ведь так осторожны, разве нет? — сказала миссис Ривингтон и тихонько засмеялась эдаким кудахтающим смехом.

Итак, все в порядке, думал Бобби, шагая по Тайт-стрит. Похоже, я навсегда лишил Долли как-ее-там доброго имени, но, позволю себе заметить, она того вполне заслуживает, а эта очаровательная дуреха никогда даже не задумается, почему я просто не позвонил и не спросил адрес Карстейрса, раз он был так уж мне нужен.

Когда Бобби вернулся на Брук-стрит, они с Франки все тщательно обсудили.

— Похоже, у Бассингтон-ффренчей он и вправду оказался по чистой случайности, — задумчиво проговорила Франки.

— Несомненно. Но когда он был там, какое-то мимолетное замечание, очевидно, вызвало его интерес к Николсонам.

— Стало быть, нити этой загадочной истории ведут к Николсону, а не к Бассингтон-ффренчам?

Бобби посмотрел на нее.

— Все выгораживаешь своего героя? — холодно спросил он.

— Дорогой мой, я просто обращаю твое внимание на то, что напрашивается само собой. Карстейрс заволновался, когда упомянули о Николсоне и его лечебнице. К Бассингтон-ффренчам он попал по чистой случайности. Ты должен с этим согласиться.

— Как будто так.

— Почему «как будто»?

— Да потому, что тут есть и другой вариант. Карстейрс мог каким-то образом узнать, что Ривингтоны собираются на обед к Бассингтон-ффренчам. Скажем, мог услышать какую-нибудь случайную фразу в ресторане «Савой». Тогда он звонит Ривингтонам и говорит, что непременно хочет с ними увидеться, — и все происходит именно так, как ему нужно. У них все дни строго расписаны, и они предлагают ему поехать с ними — их друзья не станут возражать, а сами они очень хотят его видеть. Такой поворот возможен, Франки.

— Вероятно, возможен. Но, по-моему, это уж слишком сложный путь.

— Не более сложный, чем твоя автомобильная катастрофа, — сказал Бобби.

— Моя автомобильная катастрофа была решительным и прямым путем, — холодно возразила Франки.

Бобби снял одежду лорда Марчингтона и аккуратно повесил все на прежнее место. Потом вновь облачился в шоферскую ливрею, и скоро они уже ехали назад, в Стей-верли.

— Если Роджер в меня влюбился, он будет рад, что я так быстро вернулась, — с наигранной скромностью сказала Франки. — Он подумает, будто я по нему соскучилась.

— Сдается мне, ты и вправду по нему соскучилась, — сказал Бобби. — Я слышал, что опасные преступники на редкость привлекательны.

— Ну и пусть, я все равно не могу поверить, что он преступник.

— Ты уже это говорила.

— Но я чувствую.

— Не забывай о той фотографии.

— Будь она неладна, эта твоя фотография! — сказала Франки.

Бобби свернул на подъездную аллею. Франки выскочила и, не оглянувшись, вошла в дом. Бобби поехал прочь.

Дом, казалось, был погружен в глубокую тишину. Франки взглянула на часы. Была половина третьего.

«Они ожидают меня не раньше, чем через несколько часов, — подумала она. — Интересно, куда все запропалились?»

Она отворила дверь библиотеки и... замерла на пороге.

Доктор Николсон сидел на диване и держал в своих руках руки Сильвии. Сильвия вскочила и направилась к Франки.

— Он мне рассказал, — с трудом вымолвила она.

Голос плохо ее слушался. Она приложила к лицу ладони, словно желая его спрятать.

— Это так ужасно, — с рыданием вырвалось у нее, и, проскользнув мимо Франки, она выбежала из комнаты.

Доктор Николсон тоже успел подняться с дивана. Франки сделала шаг-другой в его сторону. И встретила его, как всегда, внимательный взгляд.

— Бедняжка, — вкрадчиво сказал он. — Для нее это большой удар.

Уголки губ у него подергивались. На какой-то миг Франки показалось, будто он посмеивается. А потом вдруг осознала, что им владеет совсем иное чувство.

Он был в ярости. Он пытался скрыть ее за маской вкрадчивой учтивости, но Франки ощущала эту ярость, которую скрыть было невозможно, разве что не дать ей воли.

Какое-то мгновение оба молчали.

— Миссис Бассингтон-френч должна была узнать правду, это к лучшему, — сказал доктор. — Я хочу, чтобы она уговорила мужа довериться мне.

— Боюсь, я вам помешала, — кротко сказала Франки. И смущенно добавила: — Я вернулась раньше, чем предполагала.

Глава 18

Девушка с фотографии

По приезду в гостиницу Бобби сообщили, что кто-то его дожидается.

— Какая-то леди. Вы ее найдете в маленькой гостиной мистера Эскью.

Слегка озадаченный, Бобби направился в гостиную. Он просто не мог представить, как Франки ухитрилась оказаться в «Гербе рыболова» раньше него, разве что прилетела на крыльях, а что к нему мог прийти кто-то, кроме Франки, у него и в мыслях не было.

Он отворил дверь небольшой комнаты, что служила мистеру Эскью его личной гостиной. На стуле вытянулась в струнку тоненькая фигурка в черном — девушка с той самой фотографии.

Бобби так был поражен, что на несколько мгновений лишился дара речи. Поначалу он даже не заметил, что девушка отчаянно взволнована. Ее маленькие ручки дрожали и судорожно сжимали и разжимали подлокотник кресла. От волнения она не могла никак заговорить, но ее большие глаза о чем-то испуганно молили.

— Так это вы? — наконец вымолвил Бобби. Он затворил за собой дверь и подошел к столу.

Девушка все молчала, не сводя с него больших испуганных глаз. Наконец она заговорила... хриплым шепотом:

— Вы сказали... вы сказали... что можете мне помочь. Наверное, мне не следовало приходить...

Тут Бобби ее перебил — к нему сразу вернулись и речь, и уверенность в себе.

— Не следовало приходить? Глупости. Очень хорошо, что пришли. Конечно же непременно надо было прийти. И я все сделаю... все возможное... чтобы вам помочь. Не бойтесь. Теперь вы в безопасности.

Девушка чуть зарделась. И резко спросила:

— Кто вы? Вы... вы ведь не шофер. То есть вы можете быть и шофером, но нет, в действительности вы не шофер.

Несмотря на ее сбивчивые слова, Бобби отлично понял, что она имела в виду.

— В наши дни за какую только работу не возьмешься, — сказал он. — Я прежде служил на флоте. По правде говоря, я и в самом деле не совсем шофер, но теперь это уже не важно. Так или иначе, уверяю вас, вы можете мне довериться, и... и расскажите мне все.

Девушка зарделась еще больше.

— Вы, наверно, думаете, я сумасшедшая, — пробормотала она. — Да, да, что я совсем сумасшедшая.

— Ну что вы...

— Конечно... явиться сюда вот так. Но я была испугана... невероятно испугана... — Голос опять изменил ей. Глаза расширились, словно она увидела что-то ужасное.

Бобби крепко сжал ее руку.

— Послушайте, — сказал он. — Все в порядке. Все образуется. Теперь вы в безопасности... рядом с вами... друг. Теперь с вами ничего не случится.

Он ощутил ответное пожатие ее пальцев.

— Когда прошлой ночью вы возникли в свете луны, это было... это было, как сон, сулящий спасение. Я не знала, кто вы и откуда взялись, но

у меня появилась надежда, и я решила прийти сюда и разыскать вас... и рассказать вам, — понизив голос, торопливо проговорила она.

— И правильно сделали, — сказал Бобби, стараясь ее ободрить. — Расскажите. Расскажите все.

Она вдруг выдернула у него руку.

— Если я расскажу, вы подумаете, что я ненормальная... что от пребывания там, с теми, с другими, я сошла с ума.

— Нет, не подумаю. Правда, не подумаю.

— Подумаете. Это звучит словно бред сумасшедшего.

— Но я же знаю, что это не бред сумасшедшего. Ну рассказывайте, пожалуйста.

Она чуть отодвинулась от него и напряженно выпрямилась, глядя прямо перед собой.

— Я боюсь, что меня хотят убить, — сказала она. — Вот и все.

Голос был бесстрастный, хриплый. Она явно сдерживала себя, но руки у нее дрожали.

— Убить?

— Да. Это звучит словно бред сумасшедшего, верно? Словно... как они это называют?.. Мания преследования.

— Нет, — сказал Бобби. — Ваши слова вовсе не похожи на бред сумасшедшего... вы просто испуганы. Расскажите мне, кто хочет вас убить и почему?

Она долго молчала, сжимая и разжимая руки. Потом чуть слышно пробормотала:

— Мой муж.

— Ваш муж? — В голове у Бобби вихрем закружились мысли. — Кто вы? — отрывисто спросил он.

Пришла ее очередь удивиться.

— Вы разве не знаете?

— Не имею ни малейшего представления.

— Я Мойра Николсон, — сказала она. — Мой муж доктор Николсон.

— Значит, вы не пациентка?

— Пациентка? О нет! — Ее лицо вдруг омрачилось. — Вам, должно быть, кажется, что я разговариваю как тамошняя пациентка.

— Нет-нет, я совсем не то имел в виду. — Бобби пытался ее разубедить. — У меня совсем не то было на уме. Я просто удивился, что вы замужем... и... вот. Прошу вас, продолжайте... итак, муж хочет вас убить?

— Я знаю, это звучит дико. Но это не бред... это не бред! Я читаю это в его взгляде, когда он на меня смотрит. И происходят странные вещи... несчастные случаи.

— Несчастные случаи? — резко спросил Бобби.

— Да. Ох, я знаю, вы, наверное, думаете, что я просто мнительная, как какая-то истеричка.

— Ничего подобного, — заверил ее Бобби. — Не думаю я ничего такого. Продолжайте. Вы остановились на несчастных случаях.

— Просто несчастные случаи. Он сидел в автомобиле и дал задний ход, не заметив, что я там стою... я успела отскочить в сторону... а в другой раз какое-то зелье, которое оказалось не в той бутылке... ох, да всякие

нелепости... всякое такое, что другим показалось бы обыкновенной случайностью, но это не было случайностью, это было специально подстроено. Я-то знаю. И меня это изматывает... я все время настороже... все время стараюсь спасти свою жизнь.

Она судорожно глотнула.

— Почему ваш муж хочет от вас избавиться? — спросил Бобби.

Он, собственно, не ждал от нее определенного ответа, но ответ последовал незамедлительно:

— Потому что он хочет жениться на Сильвии Бассингтон-ффренч.

— Что? Но ведь она уже замужем.

— Знаю. Но он принимает меры.

— Что вы хотите этим сказать?

— В точности не знаю. Но знаю, что он пытается залучить мистера Бассингтон-ффренча в Грэндж в качестве пациента.

— И что потом?

— Не знаю, но, наверно, что-нибудь случится. — Она вздрогнула. — У него есть какая-то власть над мистером Бассингтон-ффренчем. А с чем это связано, я не знаю.

— Бассингтон-ффренч употребляет морфий, — сказал Бобби.

— Да что вы? Наверно, это ему Джаспер дает.

— Морфий приходит по почте.

— Возможно, Джаспер не стал бы передавать его из рук в руки... он очень хитер. Мистер Бассингтон-ффренч может и не знать, что это от Джаспера... но я уверена, что от него. А потом Джаспер залучит его к себе в Грэндж и будет делать вид, что лечит его... а уж когда мистер Бассингтон-ффренч там окажется...

Она замолчала, и ее всю передернуло.

— В Грэндже много чего случается, — сказала она. — Всякие странности. Люди приезжают туда в надежде, что им станет лучше... а лучше им не становится... им становится хуже.

Она говорила, а Бобби сознавал, что он соприкоснулся с незнакомым ему порочным миром. Им овладел ужас сродни тому, в котором так давно жила Мойра Николсон.

— Вы говорите, ваш муж хочет жениться на миссис Бассингтон-ффренч? — резко сказал он.

Мойра кивнула.

— Он по ней с ума сходит.

— А она?

— Я не знаю, — тихо ответила Мойра. — Никак не могу решить. С виду она как будто любит мужа и сынишку, спокойна и удовлетворена жизнью. Она кажется такой бесхитростной. Но иной раз я почти готова поверить, что она вовсе не так бесхитростна, как кажется. Иной раз я даже думаю, что, может быть, она совсем не та, какой нам всем представляется... может быть, она играет некую роль, и играет ее хорошо... Но, право, это, наверно, глупости... все мое дурацкое воображение... Когда живешь в таком месте, как Грэндж, в голове все путается, и тебе начинает казаться невесть что.

— А что вы скажете о его брате Роджере? — спросил Бобби.

— Я мало что о нем знаю. По-моему, он милый, но из тех людей, кого ничего не стоит провести. Я знаю, Джаспер вводит его в заблуждение. Джаспер исподволь ему внушает, чтобы он убедил мистера Бассингтон-френча отправиться в Грэндж. А тот наверняка думает, будто это его собственная идея. — Она вдруг наклонилась вперед и ухватила Бобби за рукав. — Не дайте мистеру Бассингтон-френчу лечь в Грэндж, — взмолилась она. — Как только он там окажется, случится что-нибудь ужасное. Наверняка случится.

Бобби молчал, переваривая поразивший его рассказ.

— Как давно вы замужем за Николсоном? — наконец спросил он.

— Год с небольшим... — Она вздрогнула.

— Вы никогда не думали о том, чтобы уйти от него?

— Да разве я могу? Мне некуда идти. У меня нет денег. Что бы я рассказала тому, кто вздумал бы меня приютить? Фантастическую историю, что мой муж хотел меня убить? Кто бы мне поверил?

— Вот я вам верю, — сказал Бобби и снова умолк, обдумывая, как действовать дальше. Потом заговорил снова.

— Послушайте, — без обиняков начал он, — я хочу спросить вас напрямик. Вы знали человека по имени Алан Карстейрс?

Он увидел, что она покраснела.

— Почему вы меня об этом спрашиваете?

— Потому что мне очень важно это знать. Я полагаю, что вы знали Алана Карстейрса и даже подарили ему свою фотографию.

Она опустила глаза, не сказав ни слова. Потом подняла голову и посмотрела ему прямо в лицо.

— Да, вы совершенно правы, — призналась она.

— Вы были знакомы с ним еще до замужества?

— Да.

— А после, когда вы были уже замужем, он не приезжал, чтобы с вами увидеться?

— Да, однажды, — чуть поколебавшись, ответила она.

— Примерно месяц назад, верно?

— Да. По-моему, это было примерно месяц назад.

— Он знал, что вы тут живете?

— Не знаю, откуда он узнал... я ему не говорила. С тех пор, как я вышла замуж, я даже ни разу ему не написала.

— Но он разузнал, где вы, и приехал, чтобы с вами увидеться. Ваш муж об этом знает?

— Нет.

— По-вашему, не знает. Но мог и узнать?

— Наверное, но он ни разу ничего не сказал.

— Вы беседовали с Карстейрсом о муже? Говорили ему о ваших страхах, о том, что боитесь за свою жизнь?

Она покачала головой.

— Тогда я еще не начала его подозревать.

— Но вы были несчастливы?

— Да.

— И сказали об этом Карстейрсу?

- Нет. Я старалась и виду не подать, что мой брак оказался неудачным.
- Но он все равно мог догадаться, — мягко сказал Бобби.
- Наверно, мог, — еле слышно согласилась она.
- Вы не думаете... не знаю, как бы это лучше выразить... но вы не

думаете, что он что-нибудь знал о вашем муже... что он подозревал, например, что эта лечебница не совсем то, чем кажется?

Стараясь найти ответ, она нахмурила брови.

— Вполне возможно, — сказала она наконец. — Он задал мне несколько довольно своеобразных вопросов... но... нет. Не думаю, чтоб он мог действительно что-то об этом знать.

Бобби опять умолк, потом продолжил расспросы.

— Как вы думаете, ваш муж ревнивый?

— Да, очень. — Она была удивлена вопросом.

— И вас бы стал ревновать?

— Вы хотите сказать, несмотря на то, что не любит меня? Да, стал бы. Я же его собственность, понимаете? Он странный человек... очень странный.

Она вздрогнула.

Потом вдруг спросила:

— А вы с полицией каким-нибудь образом не связаны?

— Я? О нет!

— Я все думала, почему вы в форме. Я хочу сказать...

Бобби посмотрел на свою ливрею.

— Это довольно длинная история, — сказал он.

— Вы ведь шофер леди Деруэнт, да? Мне здешний хозяин сказал.

Позавчера я познакомилась с ней на обеде.

— Знаю. — Бобби помолчал. — Нам надо с ней связаться, — сказал он. — Мне это сделать трудновато. Вы не могли бы ей позвонить и сказать, что хотели бы с ней поговорить и еще попросить ее встретиться с вами — только не в доме Бассингтон-ффренчей.

— Наверно, могла бы... — подумав, сказала она.

— У вас моя просьба, должно быть, вызывает недоумение. Но потом я все объясню. Нам надо связаться с Франки как можно скорее. Это очень важно.

— Хорошо, — сказала Мойра, вставая.

Уже взявшись за ручку двери, она приостановилась.

— Алан, Алан Карстейрс, — сказала она. — Вы вроде говорили, что его видели?

— Я его видел, — медленно произнес Бобби. — Но уже довольно давно.

И с ужасом подумал: «Ну конечно... она не знает, что его нет в живых...»

— Позвоните леди Франсез. Потом я вам все расскажу.

Глава 19

Совет трех

Мойра вернулась через несколько минут.

— Я с ней говорила, — сказала она. — Попросила ее встретиться со мной в маленькой беседке у реки. Ей моя просьба, должно быть, показалась странной, но она пообещала прийти.

— Хорошо, — сказал Бобби. — А где находится эта беседка?

Мойра подробно объяснила и рассказала, как дойти.

— Прекрасно, — сказал Бобби. — Вы идите первая, а я следом.

На том они и порешили. А Бобби решил до ухода перекинуться парой слов с мистером Эскью.

— Странная она, эта леди, миссис Николсон, — небрежно заметил Бобби. — Я одно время служил у ее дядюшки, он у нее родом из Канады.

Бобби понимал, что приход Мойры может возбудить сплетни, а это было ему совсем ни к чему, тем более что они могли докатиться и до доктора Николсона.

— А, вот оно что, — отозвался мистер Эскью. — А я было удивился.

— Да, она меня узнала и пришла поинтересоваться, чем я нынче занимаюсь. Приятная такая леди и любезная.

— И впрямь очень любезная. Вряд ли ей сладко живется в этом Грэндже.

— Я бы себе такого не пожелал, — согласился Бобби.

Почувствовав, что цели своей он достиг, Бобби вышел и с безразличным видом побрел в сторону беседки.

Он успешно добрался до условного места и застал там поджидавшую его Мойру. Франки еще не появлялась.

Мойра посмотрела на него вопрошающе, и Бобби понял, что ему предстоит довольно трудная задача — попытаться ей все объяснить.

— Мне придется так много вам рассказать, — начал Бобби и смущенно замолчал.

— Да?

— Прежде всего я вовсе не шофер, хотя работаю в гараже в Лондоне, — заговорил он. — И мое имя не Хоукинс, а Джоунз... Бобби Джоунз. Я родом из Марчболта, из Уэльса.

Мойра слушала внимательно, но упоминание Марчболта явно никак в ней не отозвалось. Бобби стиснул зубы и храбро начал с главного.

— Послушайте, боюсь, я вынужден нанести вам удар. Ваш друг... Алан Карстейрс... он, понимаете... вы должны знать... он мертв.

Бобби ощутил, как она вздрогнула, и тактично отвел глаза от ее лица. Она, кажется, сильно потрясена? Уж не была ли она... будь оно все неладно... не была ли она влюблена в Карстейрса?

Она некоторое время молчала, потом задумчиво произнесла:

— Вот почему он так больше и не появился. А я-то все недоумевала.

Бобби украдкой на нее посмотрел. И у него отлегло от сердца. Она была печальна, задумчива... но и только.

— Расскажите мне, — сказала Мойра.

Бобби подчинился.

— Он упал со скалы в Марчболте... там, где я живу. Так случилось, что нашли его мы с доктором... — Бобби чуть помедлил, потом продолжал: — У него в кармане была ваша фотография.

— В самом деле? — По лицу Мойры скользнула нежная, с тенью печали улыбка. — Милый Алан, он был такой преданный.

Чуть погодя она спросила:

— Когда все это случилось?

— С месяц назад, а если точно — третьего октября.

— Должно быть, как раз после того, как он побывал здесь.

— Да. Он вам не говорил, что собирается в Уэльс?

Она покачала головой.

— Вы, случаем, не знаете кого-нибудь по фамилии Эванс? — спросил Бобби.

— Эванс? — Мойра наморщила лоб, стараясь вспомнить. — Нет, мне кажется, нет. Фамилия, конечно, распространенная... но нет, никого не припомню. Кто он такой?

— Как раз этого мы и не знаем. А, привет! Вот и Франки.

Франки торопливо шагала по дорожке. При виде сидящих рядом и увлеченных беседой Бобби и миссис Николсон на ее лице отразились противоречивые чувства.

— Привет; Франки, как хорошо, что ты пришла, — сказал Бобби. — Нам предстоит держать великий совет. Начнем с того, что миссис Николсон — оригинал той фотографии.

— А-а! — безучастно промолвила Франки.

Она взглянула на Мойру и вдруг рассмеялась.

— Дорогой мой, теперь я понимаю, почему тебя так потряс вид миссис Кэймен! — сказала она Бобби.

— Вот именно.

Какой же он был дурак. Как можно было хотя бы на минуту представить, чтобы Мойра Николсон могла превратиться в Амелию Кэймен, сколько бы ни минуло лет.

— Господи, какой же я был дурак! — воскликнул он.

У Мойры был очень озадаченный вид.

— Столько всего придется вам рассказать, я не очень представляю, как это сделать, — начал Бобби.

Он описал Кэйменов, и как они опознали покойного.

— Но я не понимаю, — озадаченно сказала Мойра. — Кто же на самом деле был тот человек — ее брат или Алан Карстейрс?

— Вот тут-то они и сделали свое грязное дело, — объяснил Бобби.

— А потом Бобби отравили, — продолжала Франки.

— Восемь гран морфия. — Бобби приготовился пуститься в воспоминания.

— Не увлекайся, — предостерегла его Франки. — Ты способен говорить об этом часами, а другим, право же, скучно. Позволь, лучше я объясню.

Она перевела дух.

— Понимаете, после дознания они пришли к Бобби, чтобы спросить, не сказал ли что-нибудь перед смертью ее брат (якобы брат), а Бобби сказал: «Нет». Но потом он вспомнил, что тот сказал что-то о человеке по фамилии Эванс, и написал им об этом, а несколько дней спустя получил письмо с предложением работы в Перу или где-то там еще, а потом, когда он отказался, кто-то подсыпал ему чудовищную дозу морфия...

— Восемь гран, — сказал Бобби.

— ...в его пиво, но то ли потому, что у него какой-то особенный организм, то ли еще почему, только он остался жив. И вот после истории с морфием до нас дошло, что Причарда... или, вернее, Карстейрса... видимо, столкнули с утеса.

— Но почему? — спросила Мойра.

— Разве непонятно? Но это ведь очевидно. Наверное, я просто не очень вразумительно все объяснила. В общем, мы решили, что Карстейрса столкнули и что это сделал Роджер Бассингтон-ффренч.

— Роджер Бассингтон-ффренч? — спросила Мойра совершенно ошеломленная.

— Мы пришли к такому выводу. Понимаете, он там был, рядом с покойным, а ваша фотография исчезла, и, получается, кроме него, ее некому было взять.

— Понимаю, — задумчиво произнесла Мойра.

— А потом меня как раз здесь угораздило врезаться на автомобиле в ограду, — продолжала Франки. — Поразительное совпадение, правда? — Она кинула на Бобби суровый, предостерегающий взгляд. — А уж отсюда я позвонила Бобби и попросила его приехать под видом моего шофера, чтобы мы вместе могли разобраться, что к чему.

— Ну вот, теперь вы все знаете, — сказал Бобби, покорно приняв единственное отступление от истины, которое из осторожности позволила себе Франки. — А прошлой ночью я зашел на территорию Грэнджа и встретил девушку с исчезнувшей фотографии, это был завершающий штрих.

— По-моему, вы сразу меня узнали, — чуть улыбнувшись, сказала Мойра.

— Еще бы, — согласился Бобби. — Как я мог не узнать ту девушку с фотографии, я бы где угодно ее узнал.

Безо всякой видимой причины Мойра покраснела.

Потом вдруг ее осенило, и она внимательно посмотрела сначала на Бобби, затем на Франки.

— Вы говорите мне правду? — спросила она. — Это действительно правда, вы попали сюда... случайно? Или вы приехали, потому что... потому что... — голос у нее задрожал, она не смогла с ним совладать, — потому что заподозрили моего мужа?

Бобби и Франки переглянулись. Потом Бобби сказал:

— Даю вам честное слово, пока мы сюда не приехали, мы и слыхом не слыхали о вашем муже.

— Ох, понимаю. — Она обернулась к Франки. — Извините, леди Франсез, но помните, как в тот вечер, когда мы обедали у Бассингтон-ффренчей, Джаспер донимал вас... все расспрашивал о вашей аварии. Я никак не могла понять, зачем ему это. Но теперь мне кажется, он мог заподозрить, что авария была просто подстроена.

— Что ж, если вы хотите знать все, так и было, — призналась Франки. — Уф, сразу полегчало! Мы действительно все это подстроили. Но к вашему мужу это не имело никакого отношения. Затеяли же мы это только для того, чтобы... как это обычно говорится?.. Раздобыть сведения о Роджере Бассингтон-ффренче.

— О Роджере? — Мойра наморщила лоб и недоуменно улыбнулась. — По-моему, это нелепо, — сказала она.

— Однако же факты остаются фактами, — сказал Бобби.

— Роджер... ох, нет. — Она покачала головой. — У него есть свои ела... он большой сумасброд. Он может влезть в долги или оказаться

замешанным в скандале... но столкнуть кого-нибудь со скалы... нет, это невозможно.

— Знаете, мне почему-то тоже так кажется, — сказала Франки.

— Но фотографию-то, должно быть, взял он, — упрямо стоял на своем Бобби. — Вот послушайте, миссис Николсон, изложу вам факты.

И он обстоятельно и точно обо всем рассказал. Мойра понимающе кивнула.

— Мне ясно, что вас настораживает. Действительно, все очень странно. — И немного помедлив, вдруг сказала: — А почему бы вам не спросить его самого?

Глава 20

Совет двух

В первое мгновение Бобби и Франки были просто ошеломлены этой простотой и смелостью.

— Это невозможно... — пробормотал Бобби.

И Франки тут же его перебила:

— Это никуда не годится.

И тут же оба замолчали — предложение Мойры уже не казалось таким уж дерзким.

— Видите ли, я вас, конечно, прекрасно понимаю, — с жаром сказала Мойра. — Действительно, получается, что фотографию должен был взять Роджер, но, чтобы он столкнул Алана... в это я не верю. Чего ради? Он, в сущности, и не знал Алана. Только здесь и увидел — один раз на завтраке. Им решительно нечего было делить.

— Тогда кто же его все-таки столкнул? — спросила Франки.

По лицу Мойры промелькнула тень.

— Не знаю, — смущенно призналась она.

— Послушайте, — сказал Бобби. — Вы не против, если я расскажу Франки то, что вы рассказали мне. О ваших страхах.

Мойра отвернулась.

— Как хотите. Но это так отдает мелодрамой и... истерикой. Сейчас мне и самой не верится, что это правда.

И действительно, сейчас, когда их окружал спокойный английский ландшафт, все ее вроде бы очевидные доказательства зловещих замыслов Николсона казались попросту нелепыми.

Мойра резко встала.

— Это и вправду было ужасно глупо с моей стороны, — сказала она, губы у нее дрожали. — Пожалуйста, не придавайте этому всему значения, мистер Джоунз. Это просто нервы. А сейчас мне надо идти. До свидания.

Она стремительно пошла прочь. Бобби вскочил, кинулся было за ней, но Франки решительно его остановила.

— Не идиотничай, предоставь это мне.

Она бросилась догонять Мойру. Минут через пять она вернулась.

— Ну что? — с тревогой спросил Бобби.

— Все в порядке. Я ее успокоила. Ей, конечно, было очень неловко слышать, как кому-то рассказывают о ее тайных страхах. Я добились у нее обещания, что в скором времени мы встретимся все втроем еще раз. Ну а теперь, когда ее здесь нет, расскажи-ка все по порядку.

Франки внимательно выслушала его рассказ. Потом сказала:

— Ее опасения подтверждаются двумя фактами. Едва вернувшись, я наткнулась на Николсона, который сжимал обе руки Сильвии... как же он на меня посмотрел... пронзил взглядом! Если бы взглядом можно было убить, он бы наверняка меня прикончил.

— А какой второй? — спросил Бобби.

— Ну это просто некое упоминание. Сильвия сказала, что фото Мойры произвело огромное впечатление на знакомого их друзей. Можешь не сомневаться, это был Карстейрс. Он узнал Мойру, миссис Бассингтон-ффренч сказала ему, что это фотография некой миссис Николсон, — так ему удалось узнать, где она находится. Но чего я не могу понять, так это с какого боку тут Николсон. Зачем бы ему понадобилось избавляться от Алана Карстейрса?

— По-твоему, это был он, а не Бассингтон-ффренч? Но вряд ли они могли оба оказаться в Марчболте в один и тот же день.

— А вдруг? Но если это сделал Николсон, то зачем ему это? Не понимаю... Уж не выслеживал ли его Карстейрс? Как главаря шайки торговцев наркотиками? Или причина в твоей новой приятельнице — в миссис Николсон?

— И то и другое, — предположил Бобби. — Николсон мог знать, что Карстейрс разговаривал с его женой, и испугался, что она каким-то образом выдала его.

— Что ж, может, оно и так, — сказала Франки. — Но прежде всего надо разобраться с Роджером Бассингтон-ффренчем. Единственная улика против него — пропажа фотографии. Если бы он рассеял наши сомнения...

— Ты собираешься спросить его напрямую? Разумно ли это, Франки? А если убийца все-таки он, мы же раскроем ему все карты.

— Ну не совсем... я знаю, что надо сделать. В конце концов пока что он был со мной предельно откровенен и честен. Мы усматриваем в его поведении какую-то сверххитрость, а может, ничего такого и в помине нет, обыкновенное простодушие? Может, он сумеет объяснить историю с фотографией... ну а я уж буду начеку — замечу малейшую заминку, оговорку или жест — короче, все, что может его выдать. Если же он сумеет все объяснить, нам следует взять его в союзники — он был бы весьма полезен.

— Что ты имеешь в виду, Франки?

— Дорогой мой, возможно, конечно, что миссис Николсон — просто впечатлительная натура, потому ей и мерещатся всякие ужасы. Но ведь не исключено, что ее опасения не напрасны... что ее муж хочет от нее избавиться и жениться на Сильвии. Неужели ты не понимаешь, что в таком случае Генри Бассингтон-ффренчу тоже грозит смертельная опасность? Мы никак не можем допустить, чтобы его отправили в Грэндж. А ведь сейчас Роджер Бассингтон-ффренч полностью доверяет Николсону.

— Молодец, Франки, — только и сказал Бобби. — Действуй.

Франки встала, но, прежде чем уйти, сказала:

— Правда, странно? Такое ощущение, что мы действующие лица какого-то романа. Причем сейчас кульминационный момент. Ощущение потрясающее — оказаться в водовороте чьих-то страстей.

— Понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал Бобби. — В этом есть что-то жуткое. Я скорее назвал бы это спектаклем, а не романом. Мы будто ворвались на сцену в середине второго акта, причем для нас роли не написаны. Однако приходится делать вид, что мы тоже что-то играем, и это тем более трудно, что мы понятия не имеем, что происходило в первом акте.

Франки энергично закивала.

— Я даже не очень уверена, что это второй акт, по-моему, уже третий. Чтобы понять, что было вначале, наверняка надо проделать длинный путь... И лучше бы нам поторопиться. Так как, сдается мне, финал спектакля близок.

— И занавес опустится над горой трупов, — сказал Бобби. — А ведь подумать только — на эту сцену нас привела самая обыкновенная реплика из четырех слов, лишенная для нас какого бы то ни было смысла.

— «Почему же не Эванс?» Правда, странно, Бобби, что хотя мы уже до многого докопались и в нашем спектакле все больше и больше действующих лиц, мы ни на шаг не приблизились к таинственному Эвансу.

— Насчет Эванса у меня есть свои соображения. У меня такое ощущение, что Эванс на самом деле никакой роли не играет. И хотя он и явился, так сказать, отправной точкой, сам по себе он, возможно, ничего не значит. Как в том рассказе Уэллса^[60], в котором принц возвел то ли прекраснейший дворец, то ли храм, точно не помню, вокруг усыпальницы своей возлюбленной. А когда дворец был закончен, ему показалось, что одна деталь нарушает гармонию. И принц приказал: «Уберите это отсюда». А деталью была как раз сама усыпальница.

— Временами мне кажется, что никакого Эванса вообще не существует, — сказала Франки.

И, простившись кивком со своим «шофером», направилась к дому Бассингтон-ффренчей.

Глава 21

Роджер отвечает на вопрос

Франки улыбнулась удача — неподалеку от дома она встретила Роджера.

— Привет, — сказал он. — Что-то вы рано вернулись из Лондона.

— Не было настроения там торчать, — сказала Франки.

— В дом уже заходили? — спросил Роджер. Лицо его омрачилось. — Представляете, Николсон рассказал Сильвии о бедолаге Генри. Бедняжка, тяжело ей это далось. Похоже, ничего подобного у нее и в мыслях не было.

— Я знаю, — сказала Франки. — Они оба были в библиотеке, когда я туда зашла. Она была... очень расстроена.

— Послушайте, Франки, — сказал Роджер. — Совершенно необходимо убедить Генри лечь в клинику. Все не так уж безнадежно. Морфий он принимает не так давно... И у него есть стимул — Сильвия, Томми, его дом. Необходимо, чтобы он понял — после лечения он будет вполне нормальным человеком. Только Николсон сумеет ему помочь. На днях он со мной беседовал. Он добивается поразительных результатов, даже в тех случаях, когда люди годами находились под властью проклятого зелья. Если бы только Генри согласился лечь в Грэндж...

Франки не дала ему закончить.

— Послушайте, я хочу вас кое о чем спросить, — сказала она. — Задать вам один вопрос. Надеюсь, вы не сочтете, будто я сую нос не в свое дело.

— О чем речь? — заинтересованно спросил Роджер.

— Скажите, это вы взяли фотографию из кармана того человека... который упал со скалы в Марчболте?

Франки пристально вглядывалась в лицо Роджера. То, что она увидела, вполне ее удовлетворило.

Легкая досада, некоторое смущение — ни испуга, ни прочих уличавших бы его чувств.

— Ну скажите на милость, как это вы догадались? — спросил он. — Вам сказала Мойра?.. Но ведь она не знает.

— Значит, это все же вы взяли фотографию?

— Боюсь, что так.

— А почему?

Роджер, кажется, опять смутился.

— Ну представьте мое положение. Меня попросили до приезда полиции побыть с этим несчастным. Смотрю, у него из кармана что-то торчит. И что же, оказывается, это фотография женщины, которую я знаю, — вот такое совпадение... причем замужней женщины... и, как я полагаю, не очень счастливой в браке. Что ей грозит? Дознание. Скандальная известность. Возможно, имя ее будут склонять во всех газетах. Я действовал по наитию. Я вытащил фотографию и порвал. Вероятно, я не должен был этого делать, но Мойра Николсон милейшее существо, и мне не хотелось, чтобы она оказалась в неприятном положении.

Франки облегченно вздохнула.

— Значит, вот оно что, — сказала она. — Знали бы вы...

— Знал что? — озадаченно спросил Роджер.

— Нет, сейчас я не смогу вам рассказать, — ответила Франки. — Возможно, позднее. Все довольно запутанно. Я понимаю, почему вы взяли фотографию, но что вам помешало сказать, что вы узнали покойного? Разве вам не следовало сказать полиции, кто он?

— Узнал покойного? — сказал Роджер. Он был явно растерян. — Как я мог его узнать? Я не был с ним знаком.

— Но вы же познакомились с ним здесь... примерно за неделю до того.

— Дорогая моя, вы что, с ума сошли?

— Алан Карстейрс... вас же познакомили с ним.

— А, конечно. Человек, который приезжал сюда с Ривингтонами. Но покойный был не Алан Карстейрс.

— Нет, Алан Карстейрс!

Они уставились друг на друга, потом Франки сказала с вновь вспыхнувшим подозрением:

— Вы не могли его не узнать.

— Я не видел его лица, — сказал Роджер.

— Как так?

— Не видел. Оно было прикрыто носовым платком.

Франки уставилась на него. И вдруг вспомнила, что, когда Бобби впервые рассказывал об этой трагедии, он помянул, что прикрыл лицо покойного носовым платком.

— И вам даже не пришло в голову посмотреть на него? — продолжала Франки.

— Нет. С какой стати?

«Если бы я обнаружила в кармане покойного фотографию своего знакомого, я бы непременно посмотрела на его лицо, — подумала Франки. — До чего же мужчины очаровательно нелюбопытны!»

— Бедняжка, — сказала она. — Мне ужасно ее жаль.

— Вы о ком... о Мойре Николсон? Почему вам ее так жаль?

— Потому что она живет в постоянном страхе, — задумчиво проговорила Франки.

— Действительно, у нее всегда такой вид, будто до смерти кого-то боится. Но кого?

— Своего мужа.

— Да, вот уж кого я не пожелал бы иметь своим врагом, — признался Роджер.

— Она уверена, что он пытается ее убить, — выпалила Франки.

— О, Господи! — Роджер посмотрел на нее с недоверием.

— Присядьте, — сказала Франки. — Мне многое надо вам рассказать. Я могу доказать, что доктор Николсон — опасный преступник.

— Преступник?

В голосе Роджера слышалось откровенное сомнение.

— Выслушайте меня, а тогда скажете.

Франки кратко и точно изложила ему все, что произошло с того дня, когда Бобби и доктор Томас обнаружили тело незнакомца. Она утаила лишь то, что авария не была настоящей, но при этом дала понять, что задержалась в Мерроуэй-Корт только из-за страстного желания докопаться до сути этой загадочной истории.

Она не могла пожаловаться на отсутствие интереса у своего слушателя. Ее рассказ определенно произвел на Роджера впечатление.

— Неужели это правда? — спросил он. — Что этого человека, Джоунза, пытались отравить, и все остальное — тоже?

— Истинная правда.

— Простите мне мою недоверчивость, но, согласитесь, все это необходимо еще как-то переварить.

Некоторое время он что-то с хмурым видом обдумывал.

— А знаете, — сказал он наконец. — Как ни диковинно все это звучит, ваша догадка, по-моему, верна. Этого человека, Алекса Причарда, или Алана Карстейрса, должно быть, и в самом деле убили. Иначе кто бы стал покушаться на жизнь Джоунза? Ну а можно ли считать ключом ко всей истории эту загадочную фразу — «Почему же не Эванс» — вопрос спорный и не столь уж важный. Вы ведь все равно не знаете, кто такой этот Эванс. Будем исходить из того, что убийца или убийцы полагали, будто Джоунз знает что-то — независимо от того, отдает он себе в этом отчет или нет, — что может представлять для них опасность. И соответственно они пытались его устранить и, возможно, попытаются снова, если нападут на его след.

Пока, по-моему, все логично... но вот почему вы решили, что преступник Николсон, я так толком не понял.

— Он прямо-таки зловещая личность, и у него темно-синий «тальбот», и в день, когда Бобби подсыпали морфий, Николсон куда-то отсюда уезжал.

— Ваши улики не очень-то убедительны.

— Есть еще многое другое, о чем миссис Николсон рассказала Бобби.

Франки пересказала все Роджеру, и опять окружавший их мирный английский ландшафт лишил это повествование какой бы то ни было убедительности — все страхи миссис Николсон казались нелепыми и надуманными.

Роджер пожал плечами.

— Она считает, что это Николсон снабжает Генри порошком... но ведь это только предположение, у нее нет ни единого доказательства. По ее мнению, он хочет залучить Генри в Грэндж в качестве пациента... что ж, для врача это вполне естественное желание. Любой врач хочет иметь как можно больше пациентов. По ее мнению, он влюблен в Сильвию. Ну, на этот счет я, разумеется, ничего не могу сказать...

— Раз она говорит, значит, так оно и есть, — перебила его Франки. — Подобные вещи всякая жена обычно сразу чувствует.

— Однако даже если согласиться, что так оно и есть, сей факт еще не означает, что ее муж опасный преступник. Сплошь и рядом в чужих жен влюбляются вполне законопослушные граждане.

— А эта ее уверенность в том, что он хочет ее убить, — настаивала Франки.

Роджер посмотрел на нее насмешливо.

— Неужто вы принимаете это всерьез?

— Так или иначе, она в это верит.

Роджер кивнул и зажег сигарету.

— Вопрос в том, насколько серьезно следует относиться к ее уверениям, — сказал он. — Жутковатое место этот Грэндж, полон странных субъектов. Жизнь там может довести до нервного срыва любую женщину, тем более если речь идет о натуре робкой и впечатлительной.

— Значит, вы считаете, что она это придумала?

— Этого я не говорю. Возможно, она совершенно искренне верит, будто муж пытается ее убить... но вот существуют ли основания для такой уверенности? Мне кажется, вряд ли.

С удивительной ясностью Франки вспомнились слова Мойры: «Это просто нервы». И почему-то уже одно то, что Мойра так сказала, убеждало Франки, что нервы тут ни при чем. Но она не представляла, как можно было бы объяснить это Роджеру.

Тем временем Роджер продолжал:

— Заметьте, если бы вы могли доказать, что в тот роковой день Николсон был в Марчболте, это было бы совсем другое дело, или если бы мы обнаружили что-то связывающее его с Карстейрсом... Но, по-моему, вы упускаете из виду тех, кто действительно вызывает подозрения.

— Кто же это?

— Как их... как вы их назвали... Хэймены?

— Кэймены.

— Вот-вот. Уж они-то наверняка в этом замешаны. Во-первых, ложное опознание. Потом их настойчивые попытки узнать, не сказал ли бедняга что-нибудь перед смертью. И, я думаю, логично предположить (что вы и сделали), что приглашение на службу в Буэнос-Айрес либо исходит от них, либо ими организовано.

— Разумеется, не может не раздражать, когда за тобой кто-то так упорно охотится, потому что ты что-то такое знаешь... и при этом понятия не имеешь, что именно ты знаешь, — сказала Франки. — Досадно вляпаться в такую историю из-за какой-то там фразы.

— Да, здесь они допустили ошибку, — решительно сказал Роджер, — и им потребуется немало времени, чтобы это исправить.

— Ох! — воскликнула Франки. — Я ведь забыла вам сказать. Понимаете, я всегда думала, что фотография Мойры Николсон была подменена фотографией миссис Кэймен.

— Смею вас уверить, я никогда не хранил на груди портрет миссис Кэймен, — решительно заявил Роджер. — Судя по вашим словам, она отвратительнейшее создание.

— Ну почему же, она совсем не лишена привлекательности, — заметила Франки. — Довольно грубой и вызывающей привлекательности, но кому-то она даже покажется соблазнительной. Но дело не в этом — у Карстейрса вполне могла быть ее фотография.

Роджер кивнул.

— И по-вашему...

— По-моему, одна означала любовь, а другую он носил с собой по каким-то особым соображениям! Для чего-то она ему была нужна. Возможно, он хотел, чтобы кто-нибудь ее опознал. Итак, что получается? Кто-то, возможно, сам Кэймен, следует за Карстейрсом и, воспользовавшись туманом, подкрадывается к нему сзади и толкает в спину. Карстейрс, вскрикнув от испуга, летит вниз. Кэймен со всех ног удирает — боясь случайных свидетелей. Вероятно, он не знает, что у Алана Карстейрса с собой эта фотография. Что происходит дальше? Фотография опубликована...

— Кэймены в ужасе, — приходит на помощь Роджер.

— Именно. Что делать? Не долго думая, они кидаются в очередную авантюру. Кто знает Карстейрса в лицо? В здешних краях скорее всего никто. Миссис Кэймен является к следователю и, проливая крокодиловы слезы, узнает в покойном брата. К тому же они подготовили небольшой фокус — отправляют посылки с вещами в подтверждение того, что он отправился в поход.

— Задумано неплохо. — В голосе Роджера послышалось одобрение.

— Действительно, неплохо, — согласилась Франки. — И вы совершенно правы. Надо нам заняться поисками Кэйменов. Ума не приложу, почему мы не сделали этого раньше.

По правде сказать, Франки слукавила, причина была ей отлично известна — дело было в том, что они выслеживали самого Роджера. Но она не могла быть столь бестактной, не могла ему в этом признаться. По крайней мере пока.

— Как нам быть с миссис Николсон? — вдруг спросила она.

— Что значит — как с ней быть?

— Да ведь бедняжка отчаянно испугана. Право же, Роджер, вы какой-то бездушный.

— Да нет же, но меня всегда раздражают люди, которые палец о палец не ударят, чтобы хоть как-то себе помочь.

— Ох, Роджер, но будьте же справедливы. Что она может? У нее нет ни денег, ни пристанища.

— Окажись вы на ее месте, Франки, вы нашли бы выход, — неожиданно заявил Роджер.

— Ох! — Франки даже опешила.

— Да, я уверен в этом. Если бы вы знали, что кто-то хочет вас убить, вы не стали бы покорно этого дожидаться. Вы бы сбежали и уж как-нибудь заработали бы себе на жизнь, в крайнем случае сами убили бы своего преследователя. Вы бы действовали.

Франки попыталась представить, как она бы действовала.

— Да, я попыталась бы что-то предпринять, — задумчиво сказала она.

— Просто у вас есть сила воли, а у нее нет, — твердо сказал Роджер.

Франки восприняла это как комплимент. В сущности, Мойра Николсон была не из тех женщин, которыми она восхищалась, к тому же ее слегка раздражало, что Бобби так с нею носится. Он обожает таких вот несчастненьких, подумала она. К тому же она помнила, какие чувства он испытывал от фотографии Мойры в самом начале этой истории.

Ну, да ладно, подумала Франки, во всяком случае, у Роджера вкус иной, ему уж точно не нравятся подобные рохли. Правда, и сама Мойра явно не слишком высокого мнения о Роджере. Она считает его слабаком. Считает, что он не смог бы кого бы то ни было отправить на тот свет. Может, конечно, он и слабак, но это не мешает ему быть довольно обаятельным. Она сразу это почувствовала — едва оказалась в Мерроуэй-Корт.

— Стоит вам захотеть, Франки, и вы сможете сделать с мужчиной все что вам угодно... — негромко сказал Роджер.

Франки от неожиданности отчаянно смутилась и поспешила переменить тему.

— Вернемся к вашему брату, — сказала она. — Вы все еще думаете, что ему следует отправиться в Грэндж?

Глава 22

Еще одна жертва

— Нет, не думаю, — ответил Роджер. — В конце концов, существует множество других мест, где его могут вылечить. Загвоздка в том, чтобы уговорить Генри.

— По-вашему, это будет трудно? — спросила Франки.

— Боюсь, что так. Вы ведь слышали, что он сказал вчера вечером. Правда, можно подождать очередного приступа раскаяния — тогда, глядишь, и получится. Привет... а вот и Сильвия.

Миссис Бассингтон-френч огляделась по сторонам и, заметив Роджера и Франки, пошла через лужайку прямо к ним.

Было очевидно, что она ужасно встревожена и что нервы ее на пределе.

— Роджер, а я вас повсюду ищу, — заговорила она. Заметив, что Франки собралась уходить, чтобы оставить их вдвоем, Сильвия сказала: — Нет, дорогая, останьтесь. Что толку скрывать? Да и вообще, я думаю, вам и так все известно. Вы ведь подозревали это почти с самого начала, верно?

Франки кивнула.

— А я была слепа... слепа, — с горечью сказала Сильвия. — Вы оба видели то, о чем я даже и не догадывалась. Только удивлялась, почему Генри так ко всем нам переменялся. Меня это безмерно огорчало, но об истинной причине этих перемен я и не подозревала.

Она замолчала, потом опять заговорила, но уже несколько в другом тоне.

— Как только доктор Николсон открыл мне глаза, я пошла прямо к Генри. Я только что от него. — Она замолчала, стараясь подавить рыдание.

— Роджер... все будет в порядке. Он согласился. Он завтра же отправится в Грэндж и вверит себя доктору Николсону.

— Нет... — одновременно вырвалось у Роджера и Франки. Сильвия посмотрела на них с удивлением.

— Понимаете, Сильвия, я хорошенько все продумал и в конце концов пришел к убеждению, что для Генри Грэндж вряд ли подойдет, — смущенно проговорил Роджер.

— Вы думаете, он сможет справиться с этим сам? — с сомнением спросила Сильвия.

— Нет, не думаю. Но есть другие места... места... не так... пу, не в такой близости от дома. Его пребывание здесь, в этих краях, было бы несомненной ошибкой.

— Я тоже так считаю, — пришла ему на помощь Франки.

— О нет, я не согласна, — сказала Сильвия. — Я не вынесу, если он куда-то уедет. И доктор Николсон был так добр и чуток. Я буду спокойна за Генри, если он будет у него.

— Мне казалось, Николсон вам не по душе, Сильвия, — сказал Роджер.

— Я изменила о нем мнение, — просто сказала Сильвия. — Сегодня днем он был так добр, так полон сочувствия. От моего глупого предубеждения не осталось и следа.

Воцарилось напряженное молчание — ни Роджер, ни Сильвия толком не знали, о чем еще говорить.

— Бедный Генри, — наконец сказала Сильвия. — Он просто раздавлен. Он в отчаянии оттого, что я теперь узнала. Но он согласен ради меня и Томми бороться с этим ужасным пристрастием, правда, он говорит, что я даже представить себе не могу, что это такое. Наверно, он знает, что говорит, хотя доктор Николсон очень подробно мне все объяснил. Это становится своего рода манией... человек целиком не подвластен и не отвечает за свои поступки... так он сказал. Ох, Роджер, это так ужасно. Но доктор Николсон был невероятно добр. Я верю ему.

— Все равно, по-моему, было бы лучше... — начал Роджер.

— Я вас не понимаю, Роджер, — возмутилась Сильвия. — Всего полчаса назад вы только и говорили о том, чтобы Генри отправился в Грэндж.

— Понимаете... я... с тех пор у меня было время еще раз все обдумать... Сильвия опять не дала ему договорить.

— Как бы то ни было, я решила. Генри отправится именно в Грэндж. Франки и Роджер молчали, выражая таким образом свое несогласие с ней. Потом Роджер нарушил затянувшуюся паузу:

— Знаете что, я, пожалуй, позвоню Николсону. Он уже должен быть дома... Просто с ним поговорю.

Не дожидаясь ответа Сильвии, он повернулся и быстро прошел в дом. Обе женщины смотрели ему вслед.

— Не понимаю я Роджера, — в сердцах сказала Сильвия, — Минут двадцать назад он прямо-таки уговаривал меня убедить Генри отправиться в Грэндж.

По ее тону было ясно, что она рассержена.

— Все равно, — сказала Франки, — я согласна с ним. Я где-то читала, что для эффективного лечения всегда лучше радикально сменить обстановку, уехать подальше от дома.

— По-моему, это просто чепуха, — сказала Сильвия.

Франки не знала, что ей делать. Неожиданное упрямство Сильвии все осложняло. К тому же она из ярой противницы вдруг стала горячей сторонницей Николсона. Поди тут разберись, какие доводы на нее подействуют. Может, все ей рассказать? Но поверит ли в это Сильвия? Даже Роджера не очень-то убедили их подозрения относительно Николсона. Что уж тогда говорить о Сильвии, внезапно так к нему подбредшей. Еще пойдет да все ему выложит. Так что же делать?

В сгущающейся тьме совсем низко пролетел аэроплан, заполонив все пространство громким гулом мотора. Сильвия и Франки тут же на него уставились, радуясь неожиданной передышке, так как ни та, ни другая, в сущности, не знали, что же еще сказать. Франки этот эпизод дал возможность собраться с мыслями, а Сильвии — успокоиться после внезапной вспышки гнева.

Когда аэроплан скрылся и гул замер в отдалении, Сильвия резко повернулась к Франки.

— Это было так ужасно... — судорожно произнесла она. — И вы все как сговорились — хотите отослать Генри подальше от меня.

— Нет-нет, — возразила Франки. — Ничего подобного. — И, помедлив, все-таки сказала: — Просто, по моему мнению, ему требуется наилучшее лечение. А доктор Николсон, он, можно сказать, шарлатан.

— Я этому не верю, — сказала Сильвия. — По-моему, он очень хороший специалист, и как раз в таком человеке нуждается Генри.

Она с вызовом посмотрела на Франки. Франки поразились, какую власть приобрел доктор Николсон над Сильвией за столь короткое время. Ни следа от прежнего недоверия.

Франки опять растерянно молчала, не зная, что ей делать дальше. Наконец на пороге снова показался Роджер, немного вроде бы запыхавшийся.

— Николсон еще не пришел. Я просил передать, что звонил.

— Не понимаю, зачем вам так срочно понадобился доктор Николсон, — сказала Сильвия. — Ведь вы сами предложили направить Генри к нему, и уже все договорено, и Генри согласен.

— По-моему, я вправе выразить свое мнение, — мягко заметил Роджер. — Как-никак я прихожусь Генри братом.

— Но ведь вы сами это предложили, — упорствовала Сильвия.

— Просто я не все про Николсона знал.

— А теперь вдруг узнали? О, да я вам не верю!

Сильвия прикусила губу и, повернувшись, устремилась к дому.

Роджер посмотрел на Франки.

— Неловко получилось, — сказал он.

— В самом деле, очень неловко.

— Уж если Сильвия что-то решила, ее не переубедишь — упряма просто дьявольски.

— Что будем делать?

Они снова уселись на садовую скамейку и принялись обсуждать создавшееся положение. Роджер тоже считал, что все Сильвии открывать не стоит. По его мнению, лучше попытаться охладить рвение самого доктора.

— Но что же вы собираетесь ему сказать?

— А что с ним говорить, надо только хорошенько намекнуть. Во всяком случае, в одном я, безусловно, с вами согласен: в Грэндже Генри делать нечего. Мы должны этому воспрепятствовать, даже если придется откровенно высказать наши опасения.

— Но тогда мы себя выдадим, — напомнила ему Франки.

— Понимаю. Поэтому прежде надо попробовать все возможное. Черт подери эту Сильвию, ну почему она уперлась именно сейчас?

— Это лишнее свидетельство силы Николсона, — сказала Франки.

— Да. И знаете, мне теперь даже кажется, что ваши подозрения на его счет верны, хотя нет никаких доказательств... Что это?

Они оба вскочили.

— Похоже на выстрел, — сказала Франки. — В доме.

Они переглянулись и кинулись к дому. Через дверь гостиной быстро прошли в холл. Там стояла Сильвия, бледная как полотно.

— Вы слышали? — спросила она. — Это был выстрел... в кабинете Генри.

Она покачнулась, и Роджер поддержал ее. Франки подошла к кабинету и повернула дверную ручку.

— Заперто, — сказала она.

— С веранды, — сказал Роджер и, опустив Сильвию, которая была в полубморочном состоянии, на низенькое канапе^[61], кинулся назад в гостиную, Франки — за ним. Они обежали дом и остановились у стеклянной двери кабинета, выходящей на веранду. Она тоже была закрыта. Тогда они прижались лицами к стеклу и вгляделись внутрь. Солнце садилось, и света было уже мало, однако им все удалось разглядеть... Генри Бассингтон-френч грузно лежал поперек письменного стола. На виске зияла рана, револьвер валялся на полу, прямо под выронившей его рукой.

— Он застрелился, — сказала Франки. — Ужасно...

— Немного отодвиньтесь, — попросил Роджер. — Я разобью стекло.

Он обернул руку курткой и с силой ударил по раме — стекло разлетелось. Он осторожно вытащил из рамы осколки, и они с Франки вступили в комнату. В ту же минуту к ним подбежали миссис Бассингтон-ффренч и доктор Николсон.

— Вот доктор, — сказала Сильвия. — Он только что пришел. Что-нибудь... что-нибудь случилось с Генри?

И тут она увидела его, распростертого на столе, и закричала.

Роджер быстро вышел из кабинета, и доктор Николсон передал на его попечение Сильвию.

— Уведите ее, — коротко распорядился он. — И не отходите от нее. Дайте ей бренди, если она сможет выпить. И постарайтесь, чтобы она как можно меньше увидела.

С этими словами он вошел в кабинет и подошел к Франки.

— Трагическая история, — сказал он, медленно покачивая головой. — Бедняга. Значит, почувствовал, что ему не справиться. Скверно. Очень скверно.

Он склонился над телом и снова выпрямился.

— Ничего нельзя сделать. Смерть, видимо, была мгновенной. Интересно, оставил ли он какую-нибудь записку. В таких случаях обычно оставляют.

Франки подошла поближе к столу. У локтя Бассингтон-ффренча лежал листок бумаги, на котором было написано несколько слов, которые объясняли все.

«Я чувствую, это лучший выход, — писал Генри Бассингтон-ффренч. — Эта роковая привычка слишком мной завладела, мне ее уже не побороть. Решил сделать так, как будет всего лучше для Сильвии... для Сильвии и Томми. Благослови вас Бог, мои дорогие. Простите меня...»

Франки почувствовала ком в горле.

— Нам не следует ничего трогать, — сказал доктор Николсон. — Будет, разумеется, следствие. Надо позвонить в полицию.

Франки послушно направилась к двери, но там остановилась.

— Тут нет ключа, — сказала она.

— Нет? Может быть, он в кармане.

Николсон наклонился, осторожно пошарил рукой. Из кармана покойного он достал ключ и сам вставил его в замок.

Ключ действительно подошел. Теперь они вместе вышли в холл. Доктор Николсон тотчас направился к телефону.

У Франки подгибались колени — ей вдруг сделалось дурно.

Глава 23

Мойра исчезает

Примерно час спустя Франки позвонила Бобби.

— Это Хоукинс? Привет, Бобби... Слышал, что случилось? Слышал. Быстро... Нам надо где-то встретиться. Я думаю, лучше всего завтра утром. Вроде бы пойду прогуляться перед завтраком. Скажем, в восемь... на том же месте, где сегодня.

— Слушаюсь, ваша светлость, — в третий раз почтительно произнес Бобби, на случай если их разговор достигнет чьих-то любопытных ушей, и Франки повесила трубку.

На место встречи Бобби прибыл первым, но Франки не заставила себя ждать. Она была очень бледной и явно подавленной.

— Привет, Бобби. Ужасно, правда? Я так и не смогла уснуть.

— Я не слышал никаких подробностей. Знаю только, что мистер Бассингтон-ффренч застрелился. Должно быть, так оно и есть?

— Да. Сильвия с ним разговаривала — убеждала его пройти курс лечения, и он согласился. А потом, наверно, мужество ему изменило. Он заперся у себя в кабинете, написал коротенькую записку... и... застрелился. Бобби, это так ужасно. Это... это безжалостно.

— Знаю, — тихо отозвался Бобби.

Они помолчали. Потом Франки сказала.

— Мне, разумеется, надо будет сегодня же уехать.

— Да, я думаю, это необходимо. Как она... я про миссис Бассингтон-ффренч?

— Она слегла, бедняжка. Я не видела ее с тех пор, как мы... мы обнаружили его. Она, конечно, в шоке. Такое пережить.

Бобби кивнул.

— Подашь автомобиль часам к одиннадцати, хорошо? — спросила Франки.

Бобби не ответил. Франки бросила на него нетерпеливый взгляд.

— Что с тобой? У тебя совершенно отсутствующий вид.

— Извини. Сказать по правде...

— Да?

— Понимаешь, я все раздумывал. Я полагаю... ну... полагаю, там все чисто?

— Что означает твое «все чисто»?

— Это означает, вполне ли ты уверена, что он действительно покончил с собой?

— А, понимаю, — сказала Франки и погрузилась в раздумье. — Да нет, это действительно самоубийство.

— Ты вполне уверена? Вспомни, что говорила Мойра, — что Николсон хотел убрать с дороги двух человек. Так вот, одного из них уже не стало.

Франки опять задумалась и снова покачала головой.

— И все же это самоубийство, — сказала она. — Когда раздался выстрел, я была с Роджером в саду. Мы оба сразу вбежали через гостиную в холл. Дверь кабинета была заперта изнутри. Тогда мы решили войти туда через стеклянную дверь со стороны веранды. Но она тоже была заперта, и Роджеру пришлось разбить стекло. И только тогда появился Николсон.

Бобби задумался.

— Похоже, тут не к чему придраться, — согласился он. — Но Николсон появился как-то уж слишком неожиданно.

— Просто он забыл трость и вернулся за ней, а тут такое...

Нахмутив брови, Бобби что-то прикидывал в уме.

— Послушай, Франки. Предположим, Бассингтон-ффренча действительно застрелил Николсон...

— Заставив его прежде написать прощальное письмо?

— По-моему, подделать такое письмо ничего не стоит. Любое изменение почерка можно объяснить — скажем, дрожала рука и вообще...

— Да, это верно. Ну и что же дальше?

— Николсон стреляет в Бассингтон-ффренча, оставляет прощальное письмо и, заперев дверь, удирает, а через несколько минут появляется, будто только что пришел.

Франки с сожалением покачала головой.

— Идея неплохая, но... не подходит. Начать с того, что ключ был в кармане у Генри Бассингтон-ффренча...

— Кто его там обнаружил?

— Да, по правде сказать, Николсон.

— Вот видишь. Ему ничего не стоило изобразить, будто он нашел его там.

— Да, но я не сводила с него глаз. Я уверена, что ключ был в кармане.

— Тот, кто не сводит глаз с фокусника, тоже уверен, что все видит, например, как сажают в шляпу кролика! Если Николсон преступник экстра-класса, такой трюк для него просто детская забава.

— Да, возможно, но, право же, Бобби, если анализировать ситуацию в целом — никак не получается. Едва услышав выстрел, Сильвия выбежала в холл, и, если бы Николсон выходил из кабинета, она непременно должна была бы его увидеть. К тому же она нам сказала, что он шел по подъездной аллее. Она его увидела, когда мы огибали дом, пошла ему навстречу... привела к веранде. Нет, Бобби, к сожалению, у него есть алиби. И от этого никуда не денешься.

— Не доверяю я людям, у которых есть алиби, — сказал Бобби.

— Я тоже. Но я не вижу, за что тут можно было бы ухватиться.

— Увы. Мы ведь не можем не верить Сильвии.

— Не можем.

— Что ж, — вздохнул Бобби. — Стало быть, будем считать, что это самоубийство. Бедняга. Кем мы займемся теперь, Франки?

— Кэйменами. Не понимаю, как это мы до сих пор их не навестили. Ты сохранил их письмо с обратным адресом?

— Да. Адрес тот же, что они называли на дознании. Семнадцать, Сент-Леонард-гарденс, Паддингтон.

— Да это наше с тобой упущение — пренебрегли столь важным каналом. Ты со мной согласен?

— Всецело. Но теперь уже, наверное, поздно. Не сомневаюсь, что птички давно упорхнули. Сдается мне, что эти Кэймены — тертые калачи.

— Даже если они упорхнули, я попытаюсь что-нибудь о них разузнать.

— Почему «я»?

— Потому что тебе и тут не следует лезть на рожон. Надо подстраховаться, как и в случае с Роджером, когда мы думали, будто он и есть главный злодей. Исходим из того же: тебя они знают, а меня нет.

— И как ты намерена с ними познакомиться? — спросил Бобби.

— Изобразю из себя какую-нибудь даму от политики, — сказала Франки. — Стану агитировать за тори^[62]. Прихвачу с собой какие-нибудь листовки.

— Неплохо, — сказал Бобби. — Но, повторяю, я думаю, они упорхнули. Есть и еще одно, о чем следует подумать... Мойра.

— Господи, я совсем о ней забыла.

— Я это заметил, — с холодком отозвался Бобби.

— Ты прав, — задумчиво сказала Франки. — С ней надо что-то делать.

Бобби кивнул. Перед его взором возникло своеобразное, западающее в душу личико. В нем было что-то трагическое, он сразу это заметил, как только тогда, у тела погибшего Кастейрса, взглянул на ее фотографию...

— Видела бы ты ее в ту ночь, в Грэндже. Она обезумела от страха, и я очень ее понимаю. Это не нервы и не игра воображения. Николсон хочет жениться на Сильвии Бассингтон-френч, но существуют две помехи. Вернее, одной уже не существует. У меня такое чувство, что жизнь Мойры тоже висит на волоске и что всякое промедление может оказаться роковым.

Серьезность его слов отрезвила Франки.

— Ты прав, дорогой. Надо срочно действовать. Что будем делать?

— Надо уговорить ее уехать из Грэнджа... немедленно.

Франки кивнула.

— Вот что, — сказала она. — Ей надо поехать в Уэльс... в наш замок. Видит Бог, там она будет в полной безопасности.

— Если ты можешь это устроить, Франки, нет ничего лучше.

— Что ж, это довольно просто. Отец никогда не знает, кто приехал, кто уехал. Мойра ему понравится... она мало кому из мужчин может не понравиться... ведь она такая женственная. Просто удивительно, как вам, мужчинам, нравятся беспомощные женщины.

— Не думаю, что Мойра так уж беспомощна.

— Глупости. Она будто маленькая птичка — сидит и покорно ждет, когда ее проглотит змея.

— А что ей остается?

— Да мало ли что, — с сердцем сказала Франки.

— Ну, мне так не кажется. У нее нет денег, нет друзей...

— Дорогой мой, не занудствуй — ты будто выступаешь перед попечителями «Клуба друзей молодых девиц».

— Извини, — сказал Бобби. И обиженно замолчал.

— Ладно, я погорячилась, — сказала Франки, взяв себя в руки. — По-моему, надо проверить все это как можно скорее.

— По-моему, тоже. Право, Франки, это ужасно мило с твоей стороны...

— Ну, хватит, — сказала Франки, не дав ему договорить. — Я готова ей помочь, если только ты не будешь так над ней убиваться. Можно подумать, что у нее нет ни рук, ни ног, ни языка, ни даже собственных мозгов.

— Я просто не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

— Ладно, хватит об этом, — сказала Франки. — Так вот, по-моему, коль решено, не стоит медлить. Это цитата?^[63]

— Не слишком точная. Продолжайте, леди Макбет.

— Знаешь, я убеждена, что леди Макбет толкала Макбета на все эти убийства исключительно потому, что жизнь у нее была тоскливая... между прочим, жизнь именно с ним, с Макбетом, — сказала вдруг Франки, отвлекшись от предмета разговора. — Он наверняка был вполне кротким, безобидным мужем, у таких-то жены и бесятся от скуки. Но стоило ему впервые совершить убийство, он таким себя почувствовал героем... а чем

дальше, тем больше... Как компенсация за былой комплекс неполноценности.

— Тебе следует написать об этом книгу, Франки.

— У меня худо с правописанием. Итак, на чем мы остановились? Ах да, на спасении Мойры. Ты лучше подай автомобиль к половине одиннадцатого. Я заеду в Грэндж и попрошу позвать Мойру. А если при нашей встрече будет присутствовать Николсон, я напому ей о ее обещании у меня погостить. И сразу увезу.

— Отлично, Франки. Нам, действительно, надо поспешить, а то как бы не грянуло очередное несчастье.

— Значит, в половине одиннадцатого, — сказала Франки.

В Мерроуэй-Корт она вернулась в половине девятого. Завтрак только что подали, и Роджер наливал себе кофе. Он осунулся и выглядел больным.

— Доброе утро, — сказала Франки. — Я почти не спала. В конце концов около семи не выдержала и вышла прогуляться.

— Мне страшно неудобно, что вы оказались вовлечены во все эти неприятности, — сказал Роджер.

— Как Сильвия?

— На ночь ей дали успокоительное. Надеюсь, она еще спит. Бедняжка, мне ужасно ее жаль. Она, можно сказать, им одним и дышала.

— Я знаю.

Некоторое время они молчали, затем Франки сказала о своем предстоящем отъезде.

— Полагаю, вам надо ехать, — угрюмо сказал Роджер. — Дознание в пятницу. Если вы понадобится, я вам сообщу. Это как решит коронер.

Он проглотил чашку кофе, кусок тоста и пошел заниматься делами. А дел было так много. Франки очень ему сочувствовала. Она прекрасно понимала, сколько сплетен и досужего любопытства порождает всякое самоубийство. Пришел Томми, и она принялась его развлекать.

Бобби подал автомобиль в половине одиннадцатого, тут же принесли багаж Франки. Она попрощалась с Томми и оставила записку Сильвии. «Бентли» покотил прочь от дома.

До Грэнджа добрались очень быстро. Франки никогда прежде тут не бывала. Большие железные ворота и разросшийся неухоженный кустарник произвели на нее гнетущее впечатление.

— Жуткое место, — заметила она. — Неудивительно, что Мойру здесь одолевают всякие страхи.

Они подъехали к парадной двери — Бобби вышел из автомобиля и позвонил. Некоторое время никто не отзывался. Наконец дверь отворила женщина в форме сестры милосердия.

— К миссис Николсон, — сказал Бобби.

Женщина, помешкав, отступила в холл и растворила дверь пошире. Франки выскочила из автомобиля и прошла в дом. Дверь у нее за спиной закрылась с мерзким гулким лязгом. Франки заметила на двери тяжелые щеколды и засовы. Невольно ей стало страшно — словно она узница в этом зловещем доме.

«Глупости, — сказала она себе. — У дверей в автомобиле Бобби. Я приехала сюда открыто. Ничего со мной не может случиться». — И, отмахнувшись от нелепого ощущения, она прошла следом за сестрой вверх и по коридору. Та отворила дверь, и Франки вошла в маленькую гостиную, со вкусом обставленную мебелью, обитой веселым ситцем — всюду стояли вазы с цветами. Настроение у нее сразу поднялось. Что-то пробормотав, сестра ушла.

Минут через пять на пороге гостиной появился доктор Николсон.

Франки никак не смогла сдержать нервную дрожь, но скрыла ее под приветственной улыбкой и протянула Николсону руку.

— Доброе утро, — сказала она.

— Доброе утро, леди Франсез. Надеюсь, вы приехали не с дурными вестями о миссис Бассингтон-френч?

— Когда я уезжала, она еще спала.

— Бедняжка. Ее врач, разумеется, за ней приглядывает.

— О да! — воскликнула Франки и через несколько секунд добавила: — Вы, наверное, очень заняты. Я не хотела бы злоупотреблять вашим вниманием, доктор Николсон. Я ведь приехала повидать вашу жену.

— Повидать Мойру? Это очень любезно с вашей стороны.

Возможно, ей только почудилось, или бледно-голубые глаза за толстыми стеклами очков стали и вправду чуть жестче?

— Да, это очень любезно, — повторил он.

— Если она еще не встала, я посижу подожду, — сказала Франки с милой улыбкой.

— О нет, она уже поднялась, — сказал доктор Николсон.

— Прекрасно, — сказала Франки. — Хочу уговорить ее погостить у меня. Она ведь обещала мне. — И Франки опять улыбнулась.

— Вот как... это большая любезность с вашей стороны, леди Франсез... Очень большая. Не сомневаюсь, Мойра была бы очень рада.

— Была бы? — вырвалось у Франки.

Доктор Николсон улыбнулся, обнажив красивые белые зубы.

— К сожалению, моя жена утром уехала.

— Уехала? Куда? — решительно спросила Франки.

— Да просто ей захотелось сменить обстановку. Сами знаете, что такое женские причуды. Здесь место довольно мрачное, тем более для молодой женщины. Время от времени Мойра испытывает потребность немного проветриться и тут же уезжает.

— А вы знаете, куда она уехала?

— Скорее всего в Лондон. Магазины, театры, в общем, можете себе представить.

Франки казалось, она в жизни не видела такой неприятной улыбки.

— Я сегодня еду в Лондон, — небрежно сказала она. — Вы не дадите мне ее адрес?

— Обычно она останавливается в «Савойе», — сказал доктор Николсон. — Но в любом случае через день-другой она, думаю, даст о себе знать. Хотя вообще-то она не большая любительница писать, а я сторонник полной свободы в семейных отношениях. И все же смею предположить, что скорее всего вы найдете ее в «Савойе».

Он растворил дверь, и не успела Франки опомниться, как они обменялись рукопожатием, и он провел ее к парадному входу. Там стояла уже знакомая ей сестра, готовая ее выпроводить. Последнее, что слышала Франки, — был вкрадчивый и, пожалуй, чуть ироничный голос доктора Николсона:

— Это так любезно с вашей стороны, леди Франсез, пригласить к себе мою жену.

Глава 24

По следу Кэйменов

Бобби нелегко было сохранить приличествующее шоферу равнодушие, когда Франки вышла из здания одна.

— Обратно в Стейверли, Хоукинс, — сказала она, полагая, что ее слышит сестра.

Автомобиль устремился по аллее и выехал за ворота. Когда они оказались на безлюдном участке дороги, Бобби затормозил и вопросительно посмотрел на свою спутницу.

— Так что же? — спросил он.

— Мне это не нравится, Бобби, — ответила Франки, лицо у нее было непривычно бледное. — По-видимому, она уехала.

— Уехала? Сегодня утром?

— Или накануне вечером.

— Не сказав нам ни слова?

— Я этому просто не верю, Бобби. Он врал... да, наверняка.

Бобби сразу тоже побледнел.

— Слишком поздно! — простонал он. — Какие же мы идиоты! Ни в коем случае нельзя было позволять ей туда возвращаться!

— Бобби, ты ведь не думаешь, что ее... нет в живых? — нетвердым голосом почти прошептала Франки.

— Нет, — горячо отозвался Бобби, словно желая убедить в этом самого себя.

Оба удрученно умолкли, потом, чуть успокоившись, Бобби поделился с Франки своими соображениями.

— Она, вероятно, все-таки жива, ведь ему пришлось бы избавляться от тела и прочих улик. Ее смерть должна была бы выглядеть естественной и случайной. Нет, либо ее куда-то тайком увезли, либо — и это более вероятно — она все еще здесь.

— В Грэндже?

— В Грэндже.

— И что же нам делать?

Бобби немного подумал.

— Едва ли ты можешь что-то сделать, — сказал он наконец. — Лучше возвращайся в Лондон. Ты собиралась выследить Кэйменов. Вот этим и займись.

— Ох, Бобби!

— Послушай, дорогая моя, тут от тебя не будет никакого толка. Тебя тут теперь знают... и уже достаточно. Ты объявила, что уезжаешь... что ж ты теперь можешь сделать? Остаться в Мерроуэйе тебе уже нельзя. Остановиться в «Гербе рыбака» тоже нельзя. Это дало бы всем окрест

повод для сплетен. Нет, Франки, уезжай. Николсон, возможно, и подозревает, что тебе что-то известно, но полной уверенности у него нет. Так что возвращайся в Лондон, а вот я останусь.

— В «Гербе рыболова»?

— Нет, я думаю, твой шофер должен исчезнуть. Моя штаб-квартира будет теперь в Эмблдевере, это в десяти милях от этого проклятого Грэнджа, и, если Мойра еще там, я ее найду.

— Но только будь осторожен, слышишь? — взволнованно сказала Франки.

— Я буду хитер как змей.

С тяжелым сердцем Франки подчинилась. Бобби, пожалуй, был прав. Здесь от нее уже не будет никакого толка.

Бобби отвез ее в Лондон, но, когда она вошла в дом на Брук-стрит, ей вдруг стало страшно одиноко.

Однако она была не из тех, кто теряет время даром. В три часа пополудни неподалеку от Сент-Леонард-гарденз можно было увидеть модно, но скромно одетую молодую женщину в пенсне и очень серьезным выражением на лице, которая держала в руке пачку брошюр и газет.

Сент-Леонард-гарденз, Паддингтон, оказалась улицей чрезвычайно мрачных, по большей части ветхих домов. Сразу было видно, что лучшие ее времена давно миновали.

Франки, задрав голову, смотрела на номера домов. Внезапно она остановилась, лицо ее выразило досаду.

На доме номер 17 висела табличка, уведомляющая, что дом продается либо сдается внаем без мебели.

Франки немедленно рассталась и с пенсне, и с серьезным выражением лица.

Похоже, представительнице партии тори, проводящей опрос потенциальных избирателей по тому или иному вопросу, здесь делать было нечего.

На табличке были фамилии нескольких жилищных агентов. Франки выбрала двух, записала. И, полная решимости продолжить кампанию, тотчас отправилась в путь.

Сперва она обратилась в контору господ Гордона и Портера на Приид-стрит.

— Доброе утро, — сказала Франки. — Не можете ли вы мне дать адрес некоего мистера Кэймена? До недавнего времени он жил в доме номер семнадцать на Сент-Леонардс-гарденз.

— Совершенно верно, — сказал молодой человек, к которому она обратилась, — Однако совсем недолго, не так ли? Мы, видите ли, действуем от лица владельцев. Мистер Кэймен арендовал помещение на три месяца, поскольку он в любой момент мог получить должность за границей. Насколько я понимаю, он ее уже получил.

— Значит, его адресом вы не располагаете?

— Боюсь, что нет. Он с нами расплатился, и больше никаких дел у нас с ним нет.

— Но, когда он заключил с вами договор, какой-то предыдущий адрес у него должен был бы быть.

- Какая-то гостиница... по-моему, в районе Паддингтона.
- А банковские реквизиты? — высказала предположение Франки.
- Он заплатил ренту за квартал вперед и оставил в банке

распоряжение оплатить электричество и газ.

- Ох! — в отчаянии произнесла Франки.

Она увидела, что молодой человек смотрит на нее с некоторым любопытством. Жилищные агенты мастера определять, к какому слою общества принадлежит тот или иной клиент. Интерес Франки к Кэймену был для него явно неожидан.

- Он должен мне изрядную сумму, — нашла она.

На лице молодого человека тотчас отразилось возмущение. Горячо сочувствуя попавшей в беду красавице, он принялся рыться в кипах корреспонденции, он сделал все, что было в его силах, но ни нынешнего, ни предыдущего адреса мистера Кэймена найти не удалось.

Франки поблагодарила его и ушла. На улице она взяла такси и отправилась во вторую контору. Она не стала там повторять все сначала. В той конторе сдавали Кэймену дом. А в этой были заинтересованы сдать его снова, действуя по поручению владельца дома. Поэтому Франки попросила ордер на осмотр.

На сей раз в ответ на безмолвное удивление агента она объяснила, что ей необходимо дешевое помещение, чтобы устроить жилье для бездомных девушек. Агент тут же ей поверил, и Франки вышла от него с ключами от дома номер 17 по Сент-Леонард-гарденз и еще от двух домов, которые, естественно, осматривать не собиралась, а также с ордером на осмотр еще и четвертого дома.

«Повезло, — подумала Франки. — Действительно повезло, что агент не потащился ее сопровождать, наверное, они это делают, только когда речь идет о меблированных помещениях».

Когда она растворила парадную дверь дома номер 17, на нее пахнуло затхлым духом давно не проветривавшегося помещения.

Дом был малопривлекательный — дешевая отделка, стены грязные, в пузырях вздувшейся краски. Франки обошла его весь, от чердака до подвала. При отъезде дом не убрали. Повсюду валялись обрывки веревок, старые газеты, гвозди, кое-какие инструменты. И ничего, что могло бы пролить свет на личности его бывших обитателей. Она нашла лишь клочок разорванного письма.

На одном из диванов у окна лежал раскрытый железнодорожный справочник, однако никаких пометок на его открытой странице не было. Франки все же переписала все названия с этой страницы в маленькую записную книжку, — жалкий пустячок — совсем не на это она рассчитывала.

Значит, напасть на след Кэйменов ей не удалось.

Она утешилась мыслью, что этого, разумеется, и следовало ожидать. Если Кэймены и впрямь не в ладах с законом, они конечно же первым делом должны были замести следы.

Тем не менее, возвращая агентам ключи и заверяя их, будто в ближайшие дни она с ними свяжется, она определенно ощутила разочарование.

В довольно подавленном настроении она брела в сторону Гайд-парка^[64], пытаясь сообразить, что же следует предпринять дальше. Эти бесплодные размышления прервал внезапно разразившийся ливень. Такси поблизости не оказалось. Желая уберечь от дождя любимую шляпу, Франки поспешно нырнула в оказавшееся рядом метро. Она взяла билет до Пиккадили-серкус^[65] и купила в киоске несколько газет.

Войдя в вагон — в это время дня почти пустой, — она решила отвлечься наконец от этой своей неудачной вылазки. Раскрыла газету и попыталась сосредоточиться. Она пробежала глазами отдельные фразы и абзацы: сколько-то смертей на дорогах, загадочное исчезновение школьницы, прием, устроенный леди Петерхемптон в отеле «Кларидж», выздоровление сэра Милкингтона после того, как он едва не погиб на своей знаменитой яхте «Эстрадора», прежде принадлежавшей миллионеру Джону Сэвиджу. Что за несчастливое судно! Конструктор этой яхты трагически погиб, мистер Сэвидж покончил с собой, сэр Джон Милкингтон чудом избежал смерти.

Франки опустила газету и, сдвинув брови, пыталась вспомнить.

Она дважды слышала имя Джона Сэвиджа — впервые от Сильвии Бассингтон-ффренч, когда та говорила об Алане Карстейрсе, затем от Бобби, когда он пересказывал свой разговор с миссис Ривингтон. Алан Карстейрс был другом Джона Сэвиджа. У миссис Ривингтон было смутное подозрение, что приезд Карстейрса в Англию был каким-то образом связан со смертью Сэвиджа. Сэвидж... что там такое было?.. Он покончил с собой, так как думал, что у него рак.

Предположим... предположим, что Алана Карстейрса не удовлетворило то, что напечатано о смерти его друга. И он приехал, чтобы самому во всем разобраться. А еще можно предположить, что обстоятельства, предшествующие смерти Сэвиджа, и есть первый акт той драмы, участниками которой невольно стали и они с Бобби.

«Вполне возможно, — решила Франки, — вполне».

Она стала обдумывать, как проверить это ее новое предположение. Она понятия не имела, с кем Джон Сэвидж был близок и кто его родственники.

И вдруг ее осенило — завещание! Если в обстоятельствах смерти Сэвиджа было что-то подозрительное, возможно, какую-то подсказку удастся найти в его завещании.

Франки знала, что в Лондоне существует некое заведение, куда можно прийти и прочесть любое завещание, достаточно уплатить шиллинг. Но где оно находится, она вспомнить не могла.

Поезд остановился, и Франки поняла, что это станция «Британский музей»^[66]. Значит, она проскочила «Оксфорд-серкус», где намеревалась выйти, проехав две лишние станции.

Франки выскочила из вагона. А как только она вышла на улицу, ей в голову пришла замечательная идея. Через пять минут она уже была у конторы «мистеров Спрэга, Спрэга, Дженкинсона и Спрэга».

Франки приняли очень почтительно и тотчас провели в личную цитадель главы фирмы, мистера Спрэга.

Мистер Спрэг встретил ее чрезвычайно радушно. У него был глубокий, густой и звучный, внушающий доверие голос, который клиенты-

аристократы, частенько взывающие к мистеру Спрэгу, чтобы он вытащил их из какой-либо неприятности, находили на редкость успокаивающим. Ходили слухи, что он знает уйму постыдных секретов из жизни благородных семейств — как никто другой в Лондоне.

— Рад вас видеть, леди Франсез, — сказал мистер Спрэг. — Сделайте одолжение, присаживайтесь. Вот сюда. Вам удобно на этом стуле? Погода? Да, да. Дни стоят замечательные, не правда ли? Золотая осень. А как поживает лорд Марчингтон? Надеюсь, все хорошо?

Франки с подобающей вежливостью и любезностью ответила на все его вопросы.

Завершив сей ритуал, мистер Спрэг снял с носа пенсне и приобрел еще более официальный вид, располагающий, однако, к доверительной беседе.

— Итак, леди Франсез, чему я обязан удовольствием видеть вас сегодня в моей... гм... обветшавшей конторе?

«Шантажу? — вопрошали его поднятые брови, — Бесцеремонным письмам? Стремлением пресечь компрометирующие ухаживания какого-нибудь юнца? Иску, предъявленному вашей портнихой?»

Однако брови были подняты лишь самую малость — мистер Спрэг задавал свои безмолвные вопросы отнюдь не навязчиво, с той деликатностью, которая свойственна поверенному с такими, как у мистера Спрэга, опытом и доходом.

— Я хочу взглянуть на одно завещание, — сказала Франки. — И не знаю, как это сделать. Но где-то это точно можно сделать, верно? Только надо заплатить шиллинг.

— В Сомерсет-хаусе^[67], — сказал мистер Спрэг. — Но чье завещание вас интересует? Мне кажется, я мог бы сообщить вам все, что вы желаете знать о... э-э... относительно завещаний членов вашей семьи. Смею заметить, что наша фирма имеет честь обслуживать ваше семейство с очень давних пор.

— Это завещание не члена нашей семьи, — сказала Франки.

— Нет?! — воскликнул мистер Спрэг.

Франки совершенно не собиралась вдаваться в подробности. Но его гипнотическая способность вытягивать у собеседника доверительные сведения была настолько сильна, что Франки вдруг невольно произнесла:

— Я хотела посмотреть завещание мистера Сэвиджа... Джона Сэвиджа.

— В самом деле? — В голосе мистера Спрэга прозвучало нескрываемое удивление. Он не ожидал ничего подобного. — Но это так необычно... в высшей степени необычно.

В голосе мистера Спрэга прозвучала какая-то странная нотка. Франки даже изумленно на него посмотрела.

— Право, леди Франсез, — сказал мистер Спрэг. — Право, я не знаю, как быть. Не можете ли вы мне объяснить, почему вас интересует это завещание?

— Нет, боюсь, что не могу, — очень тихо, но достаточно твердо сказала Франки.

Она вдруг поняла, что неизменно благожелательный и всеведущий мистер Спрэг ведет себя совсем не так, как обычно. Он был явно чем-то встревожен.

— Я совершенно уверен, что мне следует вас предостеречь, — сказал мистер Спрэг.

— Предостеречь?

— Да. Признаки неопределенные, весьма неопределенные... но что-то, несомненно, затевается. И я не хотел бы, чтобы вы оказались замешанной в каком-то сомнительном деле.

В сущности, Франки могла бы ему сказать, что она уже более чем основательно замешана в таком деле, чего он, естественно, никоим образом бы не одобрил. Но она просто смотрела на него — внимательно и вопрошающе.

— Речь идет о довольно необычном совпадении, — сказал мистер Спрэг. И продолжал: — Несомненно, что-то затевается... несомненно. Но что именно, я сейчас сказать не вправе.

Франки смотрела все так же вопрошающе.

— Мне стало известно, что кто-то выдавал себя за меня, леди Франсез, — продолжал мистер Спрэг. Он едва сдерживал негодование. — Причем без моего ведома. Что вы на это скажете?

Однако охваченная паникой Франки не могла вымолвить ни слова.

Глава 25

Рассказывает мистер Спрэг

Наконец она, запинаясь, проговорила:

— Откуда вы узнали?

Совсем не то хотела она сказать. Через мгновение она уже готова была откусить себе язык, но слова были сказаны, и мистер Спрэг не был бы юристом, не пойми он, что это признание.

— Значит, вам об этом что-то известно, леди Франсез?

— Да, — произнесла Франки.

Некоторое время она собиралась с мыслями, затем, глубоко вздохнув, сказала:

— Это моя вина, мистер Спрэг.

— Я в недоумении.

Судя по голосу, возмущенный юрист боролся в нем с по-отечески снисходительным семейным поверенным.

— Как это случилось? — спросил он.

— Это была просто шутка, — едва слышно ответила Франки. — От... от нечего делать.

— И кому же пришла в голову мысль выдать себя за меня? — требовательно спросил мистер Спрэг.

Франки глянула на него и, быстро собравшись с мыслями, тотчас нашлась.

— Это был молодой герцог Нор... — Она не договорила. — Нет, мне не следует называть имена. Это против правил.

Она сразу почувствовала, что опасность миновала. Спрэг вряд ли простил бы подобную выходку сыну сельского vicar, но герцог — это другое дело, титулованной особе он мог простить даже и большую дерзость. К нему вернулась прежняя благожелательность.

— Ах вы, золотая молодежь... золотая молодежь, — пробормотал мистер Спрэг, погрозив ей пальцем. — Так и норовите угодить в какую-нибудь

историю. Ах, леди Франсез. Знали бы вы, какие порой неприятности может повлечь за собой совершенно безобидная шутка, которую вам вдруг вздумалось с кем-то сыграть... м-да... я понимаю, у вас было просто хорошее настроение... Но так ведь можно доиграться и до суда, мало ли какие чисто юридические осложнения могли бы возникнуть... м-да.

— Вы просто чудо, мистер Спрэг, — голосом паиньки сказала Франки. — В самом деле. Никто, кроме вас, не проявил бы такого великодушия. Мне ужасно стыдно.

— Ну, полно, полно, леди Франсез, — по-отечески мягко отозвался мистер Спрэг.

— Но мне действительно очень стыдно. Наверно, это миссис Ривингтон... А что именно она вам сказала?

— Письмо, кажется, при мне. Я распечатал его всего полчаса назад.

Мистер Спрэг протянул ей письмо, и весь его вид говорил: «Вот, вот полюбуйтесь на результат вашего легкомыслия».

«Дорогой мистер Спрэг (писала миссис Ривингтон), это, конечно, очень глупо с моей стороны, но я только теперь вспомнила то, что могло бы Вам помочь в тот Ваш визит. Алан Карстейрс упомянул, что собирается отправиться в местечко Чиппинг-Сомертон. Не знаю, может ли это Вам пригодиться.

Вы так порадовали меня своим рассказом о деле Мэлтрейверс. С уважением, искренне Ваша, Эдит Ривингтон».

— Как видите, эта шутка могла иметь самые серьезные последствия, — строго, но благожелательно сказал мистер Спрэг. — Я рассудил, что затевается что-то весьма сомнительное. Связанное либо с делом Мэлтрейверс, либо с моим клиентом мистером Карстейрсом...

Франки не дала ему договорить.

— Мистер Карстейрс был вашим клиентом? — взволнованно спросила она.

— Был. Когда с месяц назад он в последний раз приезжал в Англию, он со мной советовался. Вы знаете мистера Карстейрса, леди Франсез?

— Мне кажется, можно сказать, знаю, — ответила Франки.

— Чрезвычайно привлекательная личность, — сказал мистер Спрэг. — Он поистине принес в нашу контору дыхание... э-э... широких просторов.

— Он приходил посоветоваться с вами о завещании мистера Сэвиджа? — спросила Франки.

— А, так это вы порекомендовали ему обратиться ко мне? Он не мог вспомнить, кто именно его сюда направил.

— И что же вы ему посоветовали? — спросила Франки. — Или профессиональный долг не позволяет вам об этом рассказывать?

— В данном случае позволяет, — улыбнулся мистер Спрэг. — Я полагал, что сделать ничего нельзя... то есть ничего, если родственники мистера Сэвиджа не готовы потратить кучу денег на то, чтобы защитить дело в суде... а я полагаю, они были не готовы или даже не в состоянии это сделать. Я никогда не посоветую обращаться в суд, если нет ни малейшей надежды на успех. Судебный процесс, леди Франсез, — штука непредсказуемая. У него есть изгибы и повороты, которые человека не

искушенного в юриспруденции могут заставить врасплох. Не доводите дело до суда — вот мой девиз.

— История была прелюбопытная, — задумчиво сказала Франки.

Ощущение у нее было примерно такое, как если бы она ходила босиком по полу, усыпанному канцелярскими кнопками. В любой момент могла наступить на одну из них — и тогда все, игра окончена.

— Такие случаи не столь редки, как может показаться, — сказал мистер Спрэг.

— Случаи самоубийства? — спросила Франки.

— Нет-нет, я имел в виду злоупотребление влиянием. Мистер Сэвидж был прожженный делец, и, однако, в руках этой женщины он был податлив как воск. Уж она-то свое дело знала.

— Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали мне все по порядку, — набравшись храбрости, попросила Франки. — Мистер Карстейрс был... был так разгорячен, что я толком ничего не поняла.

— Случай был наипростейший, — сказал мистер Спрэг. — Могу ознакомить вас с фактами... они преданы гласности... так что на этот счет у меня нет никаких ни перед кем обязательств.

— Тогда расскажите мне все, — попросила Франки.

— Случилось так, что в ноябре прошлого года мистер Сэвидж возвращался в Англию из Соединенных Штатов. Человек он был, как вам известно, чрезвычайно богатый и не имел близких родственников. Во время плавания он свел знакомство с некоей дамой... э-э... миссис Темплтон. О миссис Темплтон известно лишь то, что она очень красивая женщина и имела мужа, который удобным образом держался где-то на заднем плане.

«Кэймены», — подумала Франки.

— Эти океанские круизы чреваты опасными сюрпризами, — продолжал мистер Спрэг, улыбаясь и покачивая головой. — Мистер Сэвидж явно увлекся. Он принял приглашение дамы погостить в ее скромном коттедже в Чипинг-Сомертоне. Как часто он там бывал, мне неизвестно, но одно несомненно — он все больше и больше подпадал под чары этой миссис Темплтон.

А потом произошла трагедия. Какое-то время мистера Сэвиджа беспокоило состояние его здоровья. Он боялся, что у него некая болезнь...

— Рак? — сказала Франки.

— Да, по правде сказать, именно этого он и боялся. Это стало у него навязчивой идеей. В ту пору он гостил у Темплтонов. Они убедили его поехать в Лондон и проконсультироваться у специалиста. Он так и сделал. А вот относительно всего дальнейшего у меня есть свое мнение, леди Франсез. Этот специалист — человек очень известный — признанное светило в своей области, — показал под присягой, что мистер Сэвидж не был болен раком и что он так ему и сказал. Однако тот был настолько убежден в обратном, что не смог тому поверить. Но, согласитесь, ведь все могло выглядеть несколько иначе. Не ищите в моих словах некой предубежденности, леди Франсез, просто я хорошо знаю врачей.

Очень может быть, что симптомы болезни мистера Сэвиджа довольно-таки озадачили доктора, и он с огорченным видом завел речь о каком-то

сложном и дорогостоящем лечении. Да, он уверял пациента, что никакого рака нет, но, глядя на его скорбное лицо, мистер Сэвидж решил, что дела совсем плохи. Мистер Сэвидж не мог не знать, что обычно в таких случаях врачи скрывают от пациента истинный диагноз. По мнительности своей он решил, что это тот самый случай.

В общем, в Чипинг-Сомертон мистер Сэвидж вернулся в крайнем душевном смятении, полагая, что обречен на медленную, мучительную смерть. В его семье, вероятно, уже бывали подобные страдальцы, и он решил избавить себя от грядущих мук, свидетелем коих не раз оказывался. Он послал за поверенным — весьма уважаемым, и из чрезвычайно солидной фирмы, — и тот прямо на месте составил завещание, мистер Сэвидж его подписал и передал поверенному на хранение. В тот же вечер мистер Сэвидж принял очень большую дозу хлорала^[68], написав перед этим письмо, в котором объяснил, что медленной и мучительной смерти предпочитает быструю и безболезненную.

Семьсот тысяч фунтов, не облагаемых наследственной пошлиной, он оставил миссис Темплтон, а остальное — перечисленным в завещании благотворительным учреждениям.

Мистер Спрэг откинулся на спинку кресла. Он явно наслаждался своей нынешней ролью.

— Присяжные единодушно вынесли обычный в таких случаях вердикт — самоубийство в состоянии крайней депрессии. Но это вовсе не означает, будто он был в таком состоянии в момент написания завещания. Думаю, что с этим согласился бы любой суд присяжных. Завещание было составлено в присутствии поверенного, засвидетельствовавшего, что покойный был в здравом уме и твердой памяти. Не думаю также, что можно доказать, будто на него было оказано давление. Мистер Сэвидж не лишил наследства ни одного близкого или дорогого ему человека — у него были лишь дальние родственники, с которыми он практически никогда не виделся. По-моему, они живут где-то в Австралии.

Мистер Спрэг выдержал паузу.

— Мистер Карстейрс, однако, настаивал, что такое завещание совершенно не в духе мистера Сэвиджа. По его словам, мистер Сэвидж всегда был убежден, что деньги должны наследовать кровные родственники, к тому же он никогда особо не жаловал благотворительные общества. Однако никакого документального подтверждения сего заявления у мистера Карстейрса не было, и я не преминул ему заметить, что люди иногда меняют свои убеждения. Кроме того, чтобы оспорить данное завещание, пришлось бы иметь дело не только с миссис Темплтон, но и с благотворительными организациями. А завещание к этому времени уже было утверждено официально.

— А не было ли по этому поводу какого-нибудь шума? — спросила Франки.

— Я позволю себе напомнить, что родственники мистера Сэвиджа жили не в Англии и мало что об этом знали. В конце концов этим делом занялся не кто иной, как мистер Карстейрс. Он вернулся из каких-то африканских дебрей и мало-помалу разузнал подробности случившегося. После чего отправился в Англию в надежде что-то предпринять. Мне ничего не

оставалось, как сообщить ему, что сделать уже ничего нельзя. Да, таков мой вывод. Владение имуществом, по сути, равносильно праву на него, а миссис Темплтон им владеет. К тому же она уехала из Англии и, видимо, поселилась на юге Франции. Она отказалась обсуждать что бы то ни было связанное с этим делом. Я предложил мистеру Карстейрсу проконсультироваться у адвоката, но он решил, что в этом нет надобности. Он согласился со мной: ничего сделать нельзя, надо было пытаться сразу, а теперь слишком поздно. Но я-то думаю, что и более ранние попытки ни к чему бы не привели.

— Понятно, — сказала Франки. — И про эту миссис Темплтон никто ничего не знает?

Мистер Спрэг покачал головой и поджал губы.

— Казалось бы, такой житейски искушенный человек, как мистер Сэвидж, не должен был так легко попасться... но... — Мистер Спрэг снова печально покачал головой — перед его мысленным взором промелькнули бесчисленные клиенты, которые должны были бы понимать, что творят... Но прозрение наступало слишком поздно — они все шли к нему, чтобы он уладил их дела, избавив их от судебного разбирательства.

Франки встала.

— Люди — прелюбопытные создания, — с важным видом заключила она и протянула мистеру Спрэгу руку. — До свидания, мистер Спрэг. Вы замечательный... просто замечательный. Мне очень стыдно.

— Вы все должны быть осмотрительней. — Он укоризненно покачал головой. — Я имею в виду золотую молодежь.

— Вы ангел, — сказала Франки.

Она с чувством сжала его руку и вышла.

Мистер Спрэг снова сел за стол и погрузился в размышления.

«Молодой герцог Нор...»

Существовало только два герцога Нор..., подходивших под ее рассказ.

Который же из них?

Мистер Спрэг принялся листать Книгу пэров^[69].

Глава 26

Ночная вылазка

Необъяснимое отсутствие Мойры очень тревожило Бобби, хоть он и старался внушить себе, что это его не слишком тревожит. Он снова и снова уговаривал себя не делать поспешных выводов, что это нелепость — вообразить такое... будто с Мойрой покончили, — ведь в доме полно возможных свидетелей. Скорее всего причина ее исчезновения весьма проста. В худшем случае ее держат под замком в этом треклятом Грэндже.

Бобби твердо знал, что покинуть Стейверли по доброй воле она не могла. Ни за что бы она вот так не уехала — не предупредив его и ничего не объяснив. Кроме того, она сама говорила, что ехать ей некуда.

Нет, тут явно замешан все тот же доктор Николсон. Этот мерзкий тип, видимо, прознал о попытке Мойры спастись и сделать ответный ход: Мойра томится за зловещими стенами Грэнджа и лишена возможности связаться с внешним миром.

Но час расправы над ней, вероятно, близок. Бобби безоговорочно поверил всему, что она говорила. Ее страхи отнюдь не порождение чересчур богатого воображения или расстроенных нервов.

Николсон вознамерился избавиться от своей жены. Однако все его попытки пока не удавались. Теперь, когда Мойра явно поделилась своими переживаниями с другими, Николсон должен непременно что-то предпринять. Либо скорее с ней покончить, либо вообще оставить ее в покое. Рискнет ли он от нее избавиться?

Бобби не сомневался, что рискнет. Ведь Николсон знает, что, даже если кто-то и поверил его жене, никаких улик против него нет, к тому же он, вероятно, полагает, что ему придется иметь дело только с Франки. Похоже, он с самого начала учуял подвох в этой автомобильной катастрофе — поэтому и выуживал у нее всякие подробности. Но шофера леди Франсез он едва ли заподозрил.

Да, Николсон готов на крайний шаг. Тело Мойры найдут где-нибудь в отдалении от Стейверли. Быть может, его потом выбросит море... Или найдут у какой-нибудь скалы. Несчастный случай, опять скажут люди. Николсон стал просто специалистом по несчастным случаям.

Однако на подготовку ему потребуется время — не так много, но все-таки... конечно, теперь он в силу обстоятельств будет вынужден действовать быстрее, чем обычно. Однако сутки у Бобби наверняка есть. Если Мойра находится в Грэндже, необходимо найти ее до того, как они истекнут.

Распроставшись с Франки на Брук-стрит, он стал действовать. От гаража ему лучше по-прежнему держаться подальше. Вполне возможно, что слежка за ним продолжается. Роль Хоукинса ему явно удалась, но теперь Хоукинс тоже должен исчезнуть.

Тем же вечером в суетливый городок Эмблдевил приехал молодой человек с усами и в дешевом темно-синем костюме. Он остановился в привокзальной гостинице, зарегистрировавшись под именем Джордж Паркер. Оставив там саквояж, он пошел договариваться о том, чтобы взять напрокат мотоцикл.

В десять вечера через селение Стейверли проехал мотоциклист в шлеме и защитных очках и остановился на пустынном участке дороги неподалеку от Грэнджа.

Поспешно спрятав мотоцикл за растущие поблизости кусты, Бобби огляделся по сторонам. Вроде бы никого.

Он неторопливым шагом пошел вдоль стены и наконец оказался у знакомой калитки. И на этот раз она оказалась не запертой. Бобби еще раз огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что никто за ним не следит, и тихонько проскользнул внутрь. Он сунул руку в карман пиджака, оттянутого револьвером. Ощувив его холодок, Бобби почувствовал себя увереннее.

В Грэндже, казалось, царило спокойствие.

Бобби усмехнулся — ему вспомнились леденящие кровь рассказы про всяких злодеев, которые держали гепардов и прочих хищников, чтобы оградить свои владения от незваных гостей.

Доктор Николсон, похоже, довольствовался щеколдами и засовами и был даже довольно небрежен. Эту маленькую дверь конечно же не следовало оставлять незапертой. Какая непростительная беспечность!

Ни прирученных питонов, подумал Бобби, ни гепардов, ни проволоки, через которую пропущен электрический ток, — этот человек непозволительно отстал от жизни.

Бобби пытался иронизировать, чтобы хоть как-то приободриться. А как только он возвращался мыслями к Мойре, сердце его болезненно сжималось, и он словно наяву представлял ее лицо — дрожащие губы, широко раскрытые испуганные глаза. Где-то тут он тогда впервые ее увидел — живую, а не на фотографии. Он вспомнил, как обхватил ее рукой, когда она чуть не упала, и по его телу прошла дрожь...

Мойра... где она сейчас? Что сотворил с ней этот зловещий тип? Только бы она была жива...

— Она должна быть жива, — мрачно, сквозь зубы произнес Бобби. — Ни о чем другом я и думать не хочу.

Он осторожно обошел дом, тщательно осмотрев его со всех сторон. Часть верхних окон светилась, в одном из окон первого этажа тоже горел свет.

Бобби подобрался к этому окну. Шторы были задернуты, но между ними оставалась щелка. Бобби оперся коленом о подоконник и бесшумно на него влез. Теперь можно было заглянуть внутрь.

За стеклом двигались мужская рука и плечо — человек, должно быть, писал. Вот он переменял позу, и стал виден его профиль. Это был доктор Николсон.

Не зная, что за ним наблюдают, доктор продолжал писать. Бобби испытал странное блаженство. Николсон был так близко — если бы не стекло, можно было бы протянуть руку и коснуться его.

Бобби чувствовал, что впервые по-настоящему видит этого человека. Волевой профиль: большой, мясистый нос, выдающаяся вперед челюсть, хорошо выбритый, резко очерченный подбородок. Уши маленькие, плотно прилегают к голове, а мочки полностью срослись с щеками. Такие уши вроде бы означают что-то особое в характере.

Доктор все писал — спокойно, неторопливо. Порою останавливался, подыскивая подходящее слово, и снова принимался писать. Перо двигалось ровно и точно. Вот он снял пенсне, протер и снова надел.

Бобби со вздохом спустился на землю. Похоже, Николсон еще какое-то время будет писать. Как раз теперь и надо бы пробраться в дом.

Неплохо бы проникнуть туда через окно верхнего этажа, а ночью не спеша обследовать все помещения.

Бобби опять обошел дом и выбрал подходящее окно на втором этаже. Фрамуга оказалась открытой, но свет в комнате не горел, по-видимому, сейчас там никого не было. Кроме того, поблизости весьма кстати росло дерево.

В следующую минуту Бобби уже на него карабкался. Все шло хорошо, но, когда он протягивал руку, чтобы ухватиться за оконный карниз, раздался угрожающий треск ветви — той самой, на которой он находился... А в следующий миг эта подгнившая ветка обломилась — Бобби рухнул

вниз, угодив головой в кучу гортензий под окном, что, к счастью, смягчило удар.

Окно Николсона было дальше, но по этой же стороне дома. Бобби услышал, как доктор вскрикнул, и его окно распахнулось. Немного оправившись от потрясения, Бобби вскочил, мигом вырвался из цветочных пут и кинулся сквозь густую тень на дорожку, ведущую к маленькой двери в стене. После короткой пробежки он нырнул в кусты.

Он слышал голоса и видел, как подле сломанных и потоптанных гортензий двигались огни. Он замер, боясь вздохнуть. Они могут пойти по дорожке. Однако если они увидят, что калитка открыта, то скорее всего решат, что нарушитель спокойствия успел скрыться, и дальше искать не станут.

Однако минуты летели, а к кустам никто не приближался. Вскоре Бобби услышал голос Николсона, который о чем-то спрашивал. Слов он не разобрал, но услышал ответ, произнесенный грубым голосом простолюдина:

— Все в полном порядке, сэр. Я все осмотрел.

Звуки постепенно замерли, огни исчезли. Все как будто вернулись в дом.

Бобби очень осторожно вышел из своего укрытия на дорожку. Все вроде бы было тихо. Он сделал шаг по направлению к дому, потом еще и еще.

И вдруг сзади из тьмы на него обрушился мощный удар. Он рухнул и провалился... во мглу.

Глава 27

«Мой брат был убит»

В пятницу утром зеленый «бентли» остановился перед Станционной гостиницей в Эмблдивере.

Как было заранее договорено, Франки послала Бобби телеграмму на имя Джорджа Паркера. В ней она сообщала, что выезжает из Лондона на дознание, где ей предстоит давать показания по поводу смерти Генри Бассингтон-ффренча и что по пути она заедет в Эмблдивер.

Но ответной телеграммы, в которой было бы названо время и место встречи, она не получила, а потому и приехала прямо в гостиницу.

— Мистер Паркер, мисс? — переспросил коридорный. — По-моему, джентльмен с такой фамилией у нас не останавливался, но я посмотрю.

Через несколько минут он вернулся.

— Он приехал в среду вечером, мисс. Оставил саквояж и сказал, что скорее всего вернется поздно. Его вещи здесь, у нас, но сам он так и не возвращался.

У Франки вдруг закружилась голова — она оперлась о стол, чтобы не упасть. Коридорный смотрел на нее с сочувствием.

— Вам плохо, мисс?

Франки покачала головой.

— Все в порядке, — выдавила она. — Он не оставлял никакой записки? Коридорный опять ушел и скоро вернулся.

— На его имя пришла телеграмма, — сказал он. — А больше ничего нет. Он смотрел на Франки с любопытством.

— Я могу чем-нибудь помочь, мисс?

Франки покачала головой.

В эту минуту она хотела только одного — уйти отсюда. Ей нужно собраться с мыслями и решить, как действовать дальше.

— Не беспокойтесь, — сказала она и, сев в автомобиль, поехала прочь.

Коридорный смотрел ей вслед и умудренно покачивал головой.

«Дал тягу, вернее верного, — сказал он про себя. — Не оправдал ее надежд. Улизнул. А девушка — пальчики оближешь, щеголиха. Интересно, он-то какой?»

Коридорный спросил у молоденькой регистраторши, но она не смогла вспомнить.

— Вельможная парочка, — со знанием дела заключил коридорный. — Собирались тайком пожениться, а он удрал.

Тем временем Франки катила по направлению к Стей-верли, обуреваемая самыми противоречивыми чувствами.

Почему Бобби не вернулся в гостиницу? Тут могут быть только две причины: либо он напал на след, и след куда-то его увел, либо... либо что-то случилось. «Бентли» угрожающе вильнул, но Франки успела его выровнять.

«Дура она, придумывает невесть что. Да что с ним могло случиться, просто напал на след... вот и все... ну да, напал на след.

Но почему он не написал ни словечка, чтобы ее успокоить?

Это объяснить труднее, но все-таки можно. Непредвиденные обстоятельства — не было времени или возможности... Бобби знал, что она, Франки, не переполошится из-за него. Все в порядке... должно быть в порядке».

Дознание прошло как во сне. Там были и Роджер и Сильвия — в своем вдовьем трауре она была такой трогательной, такой прекрасной. Франки поймала себя на том, что восхищается ею, как восхищалась бы актрисой.

Судебное разбирательство вели очень тактично. В здешних местах Бассингтон-ффренчей любили и всячески старались щадить чувства вдовы и брата покойного.

Франки и Роджер дали свои показания, доктор Николсон — свои, было предъявлено прощальное письмо покойного. Все закончилось очень быстро. Вынесенный вердикт гласил: «Самоубийство в состоянии крайней депрессии».

«Обычный в таких случаях» вердикт, вспомнила она слова мистера Спрэга.

Два «таких» случая — Сэвидж и Бассингтон-ффренч...

Два самоубийства в состоянии крайней депрессии. Нет ли... не может ли быть между ними какой-то связи?

Что это безусловное самоубийство, Франки не сомневалась, ведь она была на месте трагедии. Версия Бобби о том, что это убийство, совершенно неприемлема. У доктора Николсона неопровержимое алиби — оно подтверждено самой вдовой.

Франки и доктор Николсон задержались после того, как другие вышли. Коронер пожал Сильвии руку и выразил соболезнование.

— Франки, дорогая, по-моему, для вас есть несколько писем, — сказала Сильвия. — Вы не возражаете, если я вас покину и пойду прилягу. Все это было так ужасно, — вздрогнув, добавила она и вышла из комнаты. Николсон пошел с ней, пробормотав что-то насчет успокоительного.

Франки повернулась к Роджеру.

— Роджер, Бобби исчез.

— Исчез?

— Да!

— Где и как?

Франки быстро, в нескольких словах, объяснила.

— И с тех пор его не видели? — спросил Роджер.

— Нет. Что вы об этом думаете?

— Мне это не нравится, — сказал Роджер.

У Франки упало сердце.

— Вы не думаете, что...

— О, возможно, все не так уж плохо, но... ш-ш, Николсон идет.

Доктор вступил в комнату своей бесшумной походкой. Он потирал руки и улыбался.

— Дознание прошло отлично, — сказал он. — В самом деле отлично. Доктор Дэвидсон был чрезвычайно тактичен и внимателен. Нам просто повезло с коронером.

— Вероятно, — машинально ответила Франки.

— От него очень многое зависит, леди Франсез. Как повести дознание — это всецело в руках коронера. У него широкие полномочия. Он может все усложнить, а может и облегчить — это как ему будет угодно. В данном случае все прошло превосходно.

— В сущности, хороший спектакль, — резко сказала Франки.

Николсон посмотрел на нее удивленно.

— Я понимаю, что имеет в виду леди Франсез, — сказал Роджер. — Я и сам воспринял все именно так. Мой брат был убит, доктор Николсон.

Роджер стоял за спиной доктора и не видел в отличие от Франки, что в глазах доктора мелькнул страх.

— Я знаю, что говорю, — сказал Роджер, опередив Николсона, который собрался ответить. — Какие бы тут ни оглашали вердикты, я считаю произошедшее убийством. Те преступные твари, которые вынудили моего несчастного брата стать рабом страшного зелья, безусловно, убили его, не важно, что стрелял он сам.

Он сделал шаг вперед, и теперь его пылающие гневом глаза смотрели на доктора.

— Я намерен с ними расквитаться, — сказал он, и в его словах прозвучала угроза.

Доктор Николсон, не выдержав его взгляда, опустил глаза. Он печально покачал головой.

— Не могу с вами не согласиться. О пристрастии к наркотикам я знаю больше, чем вы, мистер Бассингтон-ффренч. Заставить человека принимать наркотики и вправду страшное преступление.

В голове у Франки уже роились разные идеи, и одна особенно настойчиво. «Нет, нет, — говорила она себе. — Это было бы слишком

чудовищно. И однако... его алиби подтверждено только Сильвией. Но если так, то...»

Она встряхнулась, услышав, что к ней обращается доктор Николсон:

— Вы приехали на автомобиле, леди Франсез? На сей раз обошлось без несчастного случая?

Франки вдруг почувствовала, до чего ненавистна ей его улыбочка.

— Да, — ответила она. — По-моему, было бы просто обидно расходовать столько сил на несчастные случаи, не правда ли?

Интересно, ей показалось или он и вправду заморгал глазами?

— Наверное, на сей раз автомобиль вел ваш шофер?

— Мой шофер исчез, — сказала Франки, посмотрев доктору прямо в глаза.

— Что вы говорите...

— В последний раз его видели, когда он шел к Гранджу, — продолжала Франки.

Николсон поднял брови.

— В самом деле? Видимо, у меня на кухне имеется некая симпатичная приманка? — В его голосе слышалось приятное удивление. — Вот не знал.

— Так или иначе, в последний раз его видели у Гранджа, — сказала Франки.

— Я смотрю, вы очень расстроены, — сказал Николсон. — Не надо так близко к сердцу принимать здешние слухи. Местным сплетникам доверять нельзя. Я слышал дичайшие истории. — Он сделал паузу и заговорил чуть тише: — До моих ушей докатилась даже история о том, что мою жену и вашего шофера видели вместе у реки. — Николсон снова выдержал паузу. — Я полагаю, он был очень способный молодой человек, леди Франсез.

«Вот, значит, как, — подумала Франки. — Уж не собирается ли он делать вид, будто его жена сбежала с моим шофером? Вот, значит, какую игру он затеял?»

— Хоукинс умен, чем выгодно отличается от всех прочих шоферов, — сказала она.

— Я сразу это заметил, — сказал Николсон и обернулся к Роджеру: — Мне пора. Поверьте, я искренне сочувствую вам и миссис Бассингтон-френч.

Роджер пошел его проводить. Франки последовала за ними. На столике в холле лежали два адресованные ей письма. Одно — какой-то счет. Другое...

У нее екнуло сердце.

Другое надписано почерком Бобби.

Николсон и Роджер стояли на пороге.

Франки вскрыла конверт.

«Дорогая Франки, я наконец-то попал на след. Как можно скорее отправляйся в Чипинг-Сомертон, я уже там. Лучше приезжай поездом, а не на автомобиле. „Бентли“ слишком бросается в глаза. Поездом не очень удобно, но доехать можно. Приезжай в дом под названием „Тюдоровский коттедж“^[70]. Я объясню тебе, как туда добраться. Дорогу ни у кого не

спрашивай. (Тут следовали подробные указания.) Тебе все ясно? Никому не говори. (Эта фраза была жирно подчеркнута.) Ни единой душой. Всегда твой Бобби».

Франки в волнении скомкала письмо. Значит, все в порядке. Ничего страшного с Бобби не произошло. Он напал на след — и надо же, какое совпадение, — на тот же след, что и она. Она уже побывала в Сомерсет-хаусе и ознакомилась с завещанием Джона Сэвиджа. Наследницей оказалась Роуз Эмили Темплтон, жена Эдгара Темплтона, проживающего в Тюдоровском коттедже в Чипинг-Сомертоне. И это опять же легко было соотнести с железнодорожным справочником в доме на Сент-Леонард-гарденз. Чипинг-Сомертон — одна из станций на той странице, которая была открыта. Значит, Кэймены уехали в Чипинг-Сомертон.

Все понемногу становилось на свои места. Они с Бобби все ближе к цели.

К ней подошел Роджер Бассингтон-ффренч.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил он мимоходом.

Франки смутилась. Конечно же, Бобби не имел в виду Роджера, когда заклинал ее никому не говорить?

Но она вспомнила, как жирно было подчеркнуто это предупреждение, вспомнила и свои недавние чудовищные домыслы. Если ее догадка верна, Роджер, по простоте душевной, может нечаянно выдать их с Бобби. Нет, она ни в коем случае не станет намекать ему о своих подозрениях...

— Нет. Ничего интересного, — только и сказала она.

Еще до того, как кончатся эти сутки, ей придется горько пожалеть о своей предосторожности.

А в следующие несколько часов она не раз каялась, что по настоянию Бобби не воспользовалась автомобилем. По прямой до Чипинг-Сомертона было не так уж и далеко, но ехать пришлось с тремя пересадками и при каждой в томительном ожидании сидеть на очередной провинциальной станции, для Франки с ее нетерпеливым характером все эти проволочки были просто невыносимы.

И все же Бобби, наверное, в чем-то прав: в этой глухомани ее «бентли» и вправду слишком бросался бы в глаза.

Объяснить Бассингтон-ффренчам, почему она оставляет у них свой автомобиль, было не так просто, и она наскоро придумала что-то несусветное.

Когда поезд Франки дотащился наконец до маленькой станции Чипинг-Сомертон, только-только начинало темнеть. Но Франки казалось, что уже чуть ли не полночь. Ей казалось, что эта поездка никогда не кончится.

К тому же начинал накрапывать дождь — ей стало еще неуютней.

Франки застегнула пальто до самого верху, под станционной лампой кинула последний взгляд на письмо Бобби и, осмотревшись, двинулась в путь.

Благодаря разъяснениям Бобби она совсем не плутала. Впереди были видны огни селения. Франки свернула налево и по дорожке, ведущей на крутой холм, добралась до вершины, где была развилка. Франки пошла по правой тропе и, немного спустившись, увидела перед собой небольшие

домики, а перед ними узенькую сосновую рощу — это была та самая деревушка, о которой писал Бобби. Она подошла к щеголеватой калитке и, чиркнув спичкой, увидела на ней надпись — «Тюдоровский коттедж».

Вокруг не было ни души. Франки подняла щеколду и вошла внутрь ограды. Перед домом тоже росли сосны. Она притаилась среди деревьев, выбрав место, с которого хорошо был виден фасад. Потом, с чуть сильнее обычного бьющимся сердцем, она попыталась как можно натуральнее воспроизвести уханье совы. Прошло несколько минут — никого. Франки снова заухала.

Дверь коттеджа отворилась, и на пороге появился человек в шоферской ливрее, он опасливо вглядывался во тьму. Бобби! Он поднял руку, приглашая войти, и скрылся в доме, оставив дверь открытой.

Франки вышла из своего укрытия и направилась к дому. Ни в одном окошке не было света. Полная тишь и темнота.

Франки осторожно переступила через порог и очутилась в темном коридоре. Она остановилась, вглядываясь в мрак.

— Бобби? — прошептала она. И вдруг насторожилась. Почему ей так знаком этот запах — этот тяжелый, приторный запах?

В тот миг, когда ее осенило — хлороформ! — сильные руки обхватили ее сзади. Она открыла рот, чтобы крикнуть, но на него шлепнули мокрую тряпку. Сладкий, неотвязный запах проник в ноздри. Она отчаянно боролась — изгибалась, выворачивалась, лягалась, но все напрасно — силы ее убывали. В ушах стоял гул, она чувствовала, что задыхается. А потом она потеряла сознание...

Глава 28

В последнюю минуту

Когда Франки пришла в себя, первые ее ощущения были весьма отвратительны. Проснуться после того, как тебя усыпили хлороформом, — никому такого не пожелаешь. Она лежала на очень жестком деревянном полу, руки и ноги у нее были связаны. С трудом перевернувшись, она чуть не ударилась со всего размаху о разбитый ящик для угля. Потом она снова попыталась двигаться, преодолевая дурноту, но не очень-то получалось.

Несколько минут спустя Франки смогла если не сесть, то хотя бы начать соображать.

Где-то рядом слышался слабый стон. Она огляделась по сторонам. Судя по всему, она находилась в некой мансарде. Свет проникал только через слуховое окно в крыше, и сейчас его почти не было. Через несколько минут вообще стемнеет. К стене было прислонено несколько картин в сломанных рамках, еще имелась полуразвалившаяся кровать, несколько сломанных стульев и уже упоминавшийся угольный ящик.

Похоже, стон доносился из угла.

Веревки были затянуты не слишком крепко, и потому как-то можно было двигаться... Она поползла по пыльному полу.

— Бобби! — вырвалось у нее.

Да, это был Бобби, тоже со связанными руками и ногами. А рот его был обвязан тряпкой.

Узел этой тряпки он как-то сумел ослабить. Франки как могла стала ему помогать, пользуясь тем, что путы на ее руках не были накрепко затянуты. В конце концов она содрала тряпку зубами.

— Франки! — с трудом разлепив губы, слабо воскликнул Бобби.

— Я рада, что мы опять вместе, — сказала Франки. — Но нас, похоже, облапошили.

— Похоже, — угрюмо согласился Бобби. — Что называется, «поймали на живца».

— Как они тебя сцапали? — спросила Франки. — Уже после того, как ты мне написал?

— Написал? Ничего я тебе не писал.

— Не писал? — в ужасе воскликнула Франки, широко распахнув глаза. — Какая же я идиотка! И в письме еще весь этот вздор насчет того, чтобы я никому ни слова.

— Послушай, Франки, давай я расскажу тебе обо всем, что со мной случилось — по порядку, а потом ты мне.

Бобби описал свои приключения в Грэндже и их зловещий финал.

— Очнулся я в этой проклятой дыре, — сказал он. — На подносе была кое-какая еда и питье. Я был ужасно голоден и сразу все съел и выпил. Туда, наверно, что-то подмешали, потому что я почти сразу уснул. Какой сегодня день?

— Пятница.

— А меня изволтузили в среду вечером. Черт подери, и все это время я был, можно сказать, без сознания. Ну теперь твоя очередь, Франки. Что с тобой-то приключилось?

Франки подробно поведала обо всем, начав с того, что сумела вывести у почтенного мистера Спрэга, и до той минуты, когда увидела в дверном проеме человека в шоферской ливрее, абсолютно уверенная, что это он, Бобби.

— А затем мне заткнули рот тряпкой, намоченной в хлороформе, — закончила она. — И... ох, Бобби, меня только что стошнило в угольный ящик!

— До чего же ты ловкая, Франки, — добродушно сказал Бобби. — Прямо в ящик... И это со связанными руками, не говоря уже о прочем. Ну да ладно, давай думать, что будем делать дальше. Удача нам изменила, и теперь как-то надо выкручиваться.

— Если б только я сказала Роджеру о твоём письме, — посетовала Франки. — И ведь хотела, да побоялась что-нибудь сделать не так...

— А значит, никто не знает, где мы, — печально констатировал Бобби. — Милая моя Франки, ну и в скверную я тебя втянул историю.

— Да, мы себя явно переоценили, — удрученно заметила Франки.

— Одно я не могу понять: почему они сразу нас не прикончили, — задумчиво пробормотал Бобби. — Ведь для Николсона человека убить, что раз плюнуть.

— У него свои планы, — сказала Франки, и по ее телу прокатилась легкая дрожь.

— Нам тоже не мешало бы разработать что-нибудь вроде плана. Надо как-то выпутываться, Франки. Что будем делать?

— А что, если покричать? — предложила Франки.

— Можно, — сказал Бобби. — Вдруг кто мимо пойдет и услышит. Хотя на это надежда слабая, иначе Николсон и тебе бы засунул кляп. Погоди, погоди... у тебя руки связаны не так крепко, как у меня. Давай-ка попробую развязать веревки зубами.

Следующие пять минут Бобби с таким напором вгрызался в узлы, что нельзя не помянуть добрым словом его дантиста.

— Поразительно, как запросто все это получается в книжках, — сказал он, тяжело дыша от напряжения. — Боюсь, от всех моих стараний никакого толку.

— Толк есть, — сказала Франки. — Рукам стало свободнее. Осторожно! Кто-то идет.

Она откатилась от Бобби. Кто-то поднимался по лестнице тяжелыми, внушительными шагами. Под дверью вспыхнула полоска света. Потом послышался поворот ключа в замке, и дверь медленно отворилась.

— Ну и как тут мои птички? — донесся до них голос доктора Николсона.

В одной руке он держал свечу, и хотя шляпа его была надвинута чуть ли не на нос, а фигуру скрывало свободного покроя пальто с поднятым воротником, его сразу выдавал этот ледяной голос... Бесцветные глаза поблескивали за толстыми стеклами очков...

Он игриво покачал головой.

— Так глупо попасться — это вас недостойно, дорогая моя леди, — сказал он.

Оба пленника молчали. Да и что было говорить — все козыри в данный момент были на руках у Николсона.

Он поставил свечу на стул.

— Дайте-ка на всякий случай посмотрю, удобно ли вам.

Он проверил узлы на веревках Бобби, одобрительно кивнул и подошел к Франки. Теперь он покачал головой.

— Как мне справедливо напоминали в юности, пальцы появились раньше вилок — а зубами начали орудовать еще раньше, чем пальцами, — заметил он. — Я вижу, зубы вашего молодого друга изрядно потрудились.

В углу стоял тяжелый со сломанной спинкой стул.

Николсон поднял Франки, перенес на стул и крепко к нему привязал.

— Не слишком неудобно, надеюсь? — поинтересовался он. — Ну, да это ненадолго.

Франки обрела дар речи.

— Что вы собираетесь с нами делать? — спросила она.

Николсон прошел к двери и взял свечу.

— Леди Франсез, вы все язвили по поводу того, что я слишком люблю несчастные случаи. Возможно, вы правы. Так или иначе я собираюсь отважиться на еще один несчастный случай.

— Что это значит? — спросил Бобби.

— Что значит? Ну так и быть, скажу. Леди Франсез Деруэнт, сидя за рулем своего автомобиля — ее шофер находится рядом, — ошибается поворотом и едет по заброшенной дороге, которая ведет к открытому карьеру. Автомобиль срывается вниз. Леди Франсез и ее шофер погибают.

После не долгого молчания Бобби сказал:

— Но мы можем и не погибнуть. Иной раз случаются осечки. Как тогда, в Уэльсе.

— М-да, ваша сопротивляемость морфию поистине невероятна и очень, на мой взгляд, огорчительна, — сказал Николсон. — Но на сей раз можете не беспокоиться. Когда ваши тела обнаружат, и вы, и леди Франсез будете наверняка мертвы.

Бобби невольно пробрала дрожь. Тон Николсона был каким-то странным — так, наверное, говорит художник, обдумывающий свой шедевр.

«Все эти его фокусы доставляют ему удовольствие, — мелькнуло в голове у Бобби. — Это несомненно».

Нет уж, он постарается больше не давать Николсону повода для удовольствия.

— Вы совершаете ошибку, — небрежным тоном заметил он. — Особенно в отношении леди Франсез.

— Да, — сказала Франки. — В вашей фальшивке вы написали, чтобы я никому ничего не говорила. Что ж, я сделала только одно исключение. Сказала Роджеру Бассингтон-френчу. Ему все известно. И если со мной что-нибудь случится, он будет знать, чьих это рук дело. Лучше бы вам отпустить нас и побыстрее покинуть Англию.

Николсон заговорил не сразу.

— Блеф... вот как это называется.

Он повернулся к двери.

— А что с вашей женой, мерзавец вы этакий? — крикнул ему вслед Бобби. — Ее вы тоже убили?

— Пока жива, — сказал Николсон. — Правда, не знаю, сколько ей еще осталось. Все зависит от обстоятельств.

Он издевательски отвесил им изящный поклон.

— Au revoir^[71], — сказал он. — Чтобы закончить необходимые приготовления, мне потребуется несколько часов. Так что успеете все обсудить. Чтобы не лишить вас этого удовольствия, я не стану затыкать вам рот. Ну что, оценили мое великодушие? А если вздумаете звать на помощь, я вернусь и приму соответствующие меры.

Он ушел и запер за собой дверь.

— Вранье, — сказал Бобби. — Сплошное вранье. Такого просто не может случиться.

Однако сердце его говорило другое: «такое» вот-вот случится — с ним и с Франки.

— В романах спасение приходит в самый последний момент, — сказала Франки, стараясь говорить бодрым голосом, будто на что-то еще надеялась. Но на самом деле она ни на что уже не рассчитывала. А уж если откровенно — она совсем пала духом.

— Нет, это невозможно, — сказал Бобби, словно молил кого-то. — Это просто какое-то наваждение. Да и Николсон какой-то... ну какой-то ненастоящий. Хоть бы и нам кто-нибудь помог в последнюю минуту... но кто бы это мог сделать? Не представляю.

— Ну почему я не сказала Роджеру, — всхлипнула Франки.

— А может, Николсон все-таки поверил твоему, как он говорит, блефу? — осторожно предположил Бобби.

— Едва ли. Уж слишком этот мерзавец умен.

— Для нас-то он точно оказался слишком умен, — хмуро заметил Бобби. — Знаешь что мне кажется самым обидным?

— Нет. Что?

— Что даже теперь, когда нас вот-вот отправят на тот свет, мы так и не выяснили, кто такой Эванс.

— Давай спросим Николсона, — предложила Франки. — Знаешь... последняя воля приговоренных к казни... Он не может нам в этом отказать. Мне тоже было бы обидно — умереть, так ничего и не узнав.

После недолгого молчания Бобби сказал:

— Как по-твоему, нам стоит звать на помощь... это хоть какой-то шанс. Других, похоже, не предвидится.

— Пока погоди, — сказала Франки. — Во-первых, едва ли кто-нибудь нас услышит... он не стал бы так рисковать... а во-вторых, когда вот так сидишь и ждешь, что тебя вот-вот прикончат, так хочется с кем-нибудь поговорить... Бобби, иначе я просто не выдержу... Давай не будем кричать до самой последней минуты. Так... так здорово, что ты рядом и я могу... поговорить с тобой. — Ее голос чуть дрогнул.

— Я втянул тебя в жуткую историю, Франки.

— О, пожалуйста, не переживай. Попробовал бы ты меня не втянуть... Я сама все это затеяла... Как ты думаешь, Бобби, ему действительно удастся? Ну... с нами расправиться?

— Весьма вероятно. Он ведь чудовищно умен и изворотлив.

— Бобби, теперь-то ты веришь, что это он убил Генри Бассингтон-френча?

— Ну если у него была такая возможность...

— Была... при одном условии — что Сильвия Бассингтон-френч его сообщница.

— Франки!

— Понимаю. Я тоже ужаснулась, когда мне это пришло в голову. Но все сходится. Почему она не замечала столь очевидных вещей, когда дело касалось ее мужа, почему так упрячилась, когда мы ее уговаривали направить Генри не в Грэндж, а в какую-нибудь другую лечебницу. К тому же, когда раздался выстрел, она была в доме...

— Возможно, она сама и стреляла.

— Ну что ты, нет!

— Почему нет! А потом отдала ключ от кабинета Николсону, чтобы тот сунул его в карман Генри.

— Бред какой-то, — сказала Франки безнадежным тоном. — Будто смотришь в кривое зеркало. Вполне нормальные, приятные люди вдруг оказываются злодеями. Нет, ведь должно быть что-то, что отличало бы

преступников от приличных людей — например, форма бровей, или ушей, или что-то еще.

— Господи! — вдруг воскликнул Бобби.

— Ты что?

— Франки, тот тип, который к нам сюда приходил, — не Николсон.

— Ты что, с ума сошел? Кто же еще?

— Не знаю... только не Николсон. Я чувствовал... я все время чувствовал, что тут что-то не то, но никак не мог сообразить, и только теперь, когда ты сказала про уши, вспомнил... Когда я в тот вечер наблюдал за Николсоном через окно, то обратил внимание на его уши — мочки у него полностью срослись с щеками. А у этого типа мочки вовсе не такие.

— Но что это значит? — упавшим голосом спросила Франки.

— То, что это был очень умелый актер, выдававший себя за Николсона.

— Но почему... и кто это мог быть?

— Бассингтон-ффренч, — прошептал Бобби. — Роджер Бассингтон-ффренч. Мы сразу все точно вычислили, а потом — вот идиоты-то — сами себя запутали, пошли по неверному следу.

— Бассингтон-ффренч, — прошептала Франки. — Должно быть, это и правда он. Ведь когда я намекнула Николсону на его причастность ко всем этим несчастным случаям, при этом присутствовал только Роджер.

— Значит, так оно и есть, — сказал Бобби. — У меня еще была какая-то надежда, что Роджер Бассингтон-ффренч каким-то чудом разыщет нас, но теперь надеяться не на что. Руки и ноги у нас с тобой накрепко связаны. Мойра — тоже узница. А больше никто не знает, где мы. Стало быть, игра окончена.

Едва Бобби договорил, над их головами послышался какой-то шум. И тотчас из слухового окошка кто-то с ужасающим треском свалился в комнату.

В кромешной тьме ничего нельзя было разглядеть.

— Что за черт... — начал Бобби.

Из-под осколков донесся голос:

— Б-б-б-бобби.

— Черт меня подери! — воскликнул Бобби. — Да это же Бэджер!

Глава 29

Рассказ Бэджера

Нельзя было терять ни минуты. Этажом ниже уже слышались какие-то звуки.

— Да скорее же, балбес ты эдакий! — нервничал Бобби. — Стащи с меня башмак! Не спорь и ни о чем не спрашивай! Как-нибудь его сдерни и швырни на середину комнаты, а потом марш под кровать! Да живее, ты!

По лестнице кто-то поднимался. В замке заскрипел ключ.

На пороге со свечой в руке появился поддельный Николсон.

Он увидел Бобби и Франки в прежнем положении, но на полу посреди комнаты появилась куча битого стекла, а посреди нее башмак!

Николсон перевел удивленный взгляд с башмака на Бобби. Левая нога Бобби была разута.

— Ловко, мой юный друг, очень ловко, — сухо сказал он. — Вы настоящий акробат.

Он проверил веревки, которыми Бобби был связан, и сделал еще несколько узлов. Потом с любопытством на него посмотрел.

— И как это вы исхитрились добросить башмак до окна? Просто невероятно. В вас есть что-то от Гудини^[72], мой друг.

Бросив подозрительный взгляд на обоих узников и на разбитое слуховое окно, лже-Николсон, пожав плечами, вышел.

— Бэджер, давай сюда!

Бэджер вылез из-под кровати. У него был с собой складной нож, и он очень скоро освободил Бобби и Франки от пут.

— Так-то оно лучше, — сказал Бобби, потягиваясь. — Ух! Я весь задеревенел! Ну, Франки, что ты скажешь насчет нашего дружка Николсона?

— Да, ты прав, — сказала Франки. — Это Роджер Бассингтон-ффренч. Теперь я это точно поняла. Но все равно, как он здорово копирует Николсона.

— Все дело только в голосе и пенсне, — сказал Бобби.

— В Оксфорде я учился с одним Бассингтон-ффренчем, — сказал Бэджер. — К-к-классно всех изображал. Однако малый был с дрянцой. Скверная с ним вышла история — п-п-подделал на чеке подпись своего п-п-папаши. П-п-правда, старик это з-з-замял.

Бобби и Франки в тот же миг невольно подумали об одном и том же: Бэджер, которого они так боялись посвящать в свои дела, оказывается, мог бы сообщить им весьма немаловажные факты.

— Подделал подпись, — задумчиво сказала Франки. — То письмо от твоего имени, Бобби, было мастерски подделано. Интересно, откуда у него образец твоего почерка?

— Если он в сговоре с Кэйменами, то, вероятно, видел мое письмо, ну то, насчет Эванса.

Тут подал голос Бэджер:

— Ч-ч-что будем делать д-д-дальше? — жалобно спросил он.

— Зайдем удобную позицию за дверью, — сказал Бобби. — И когда наш приятель вернется, а будет это, сдается мне, не так уж скоро, накинемся на него и устроим ему сюрприз, который он запомнит надолго. Что скажешь на это, Бэджер? Ты готов?

— О, вполне.

— А ты, Франки, как услышишь его шаги, сразу садись на стул. Он увидит, что ты на месте, и, ничего не подозревая, войдет.

— Хорошо, — сказала Франки. — А как только вы с Бэджером его повалите, я сразу к вам на помощь — укушу его за лодыжку или еще что-нибудь придумаю.

— Как это по-женски, — одобрительно произнес Бобби. — А теперь давайте сядем на пол поближе друг к другу и послушаем Бэджера. Я хочу знать, благодаря какому чуду он свалился нам на головы.

— В-в-видишь ли, когда ты уехал, я оказался в довольно затруднительном п-п-положении.

Он замолчал. Мало-помалу они выудили у него все: то была целая повесть о долгах, кредиторах и судебных исполнителях — драма в обычном для Бэджера духе. Бобби не оставил ему никакого адреса, сказал только, что поведет «бентли» в Стейверли. Вот Бэджер и поехал в Стейверли.

— П-п-подумал, может, у т-т-тебя найдется для меня п-п-пятерка, — объяснил он.

Бобби ощутил укол совести. Он приехал в Лондон, чтобы помочь другу в его рискованном предприятии, а сам вскоре вероломно его бросил, ринувшись вместе с Франки на поиски преступника. И даже теперь верный Бэджер ни словом его не попрекнул.

Бэджер никоим образом не хотел подводить Бобби в его таинственных делах, но полагал, что такой автомобиль, как зеленый «бентли», в небольшом Стейверли нетрудно будет отыскать и без чьей-либо помощи.

По правде сказать, он натолкнулся на него еще до того, как приехал в Стейверли, — «бентли» стоял у какой-то пивной, и в нем никого не было.

— В-в-вот я и подумал, дай-ка устрою тебе сюрприз, понимаешь? Смотрю, на заднем сиденье валяются какая-то одежда, тряпки, а вокруг никого. Я влез в автомобиль и прикрылся всем этим тряпьем. Сейчас, думаю, Бобби просто обалдеет.

А на самом деле произошло вот что: из пивной вышел шофер в зеленой ливрее, и Бэджер, взглядевшись в него из своего укрытия, просто обомлел — это был совсем не Бобби. Ему показалось, правда, что он где-то уже видел этого малого, но вспомнить, кто это, он не мог. Тот сел за руль и поехал.

Бэджер попал в абсолютно дурацкое положение и не знал, как ему теперь выкрутиться. Всякие объяснения да извинения — дело непростое, и особенно, если объясняться предстоит с человеком, который ведет автомобиль со скоростью шестьдесят миль в час. Бэджер решил затаиться, а когда автомобиль остановится, незаметно улизнуть.

Автомобиль наконец приехал сюда, к Тюдоровскому коттеджу. Шофер завел его в гараж, но, уходя, захлопнул дверь, и Бэджер стал вроде как узником. В стене было небольшое оконце, и примерно полчаса спустя Бэджер увидел в него, как появилась Франки, сначала она пряталась за сосенками, затем как-то странно заухала и... вошла в дом.

Все это здорово Бэджера озадачило. Он сразу почувствовал что-то неладное. На всякий случай он решил хорошенько оглядеть все вокруг и попробовать разобраться в том, что тут происходит. Воспользовавшись разбросанными в гараже инструментами, он сумел отпереть дверь и отправился на разведку. На первом этаже все окна были закрыты ставнями, но он подумал, что, если взобраться на крышу, можно заглянуть в кое-какие окна верхнего этажа. Попасть на крышу было несложно: вдоль стены гаража шла вверх очень даже удобная для этого труба, по ней он залез на крышу гаража, а оттуда на крышу коттеджа. Там он осторожно подполз к слуховому окошку... а далее собственный вес Бэджера довершил остальное и... привел его, так сказать, к искомому объекту...

Бэджер закончил наконец свое повествование, и Бобби с облегчением вздохнул.

— И все-таки это чудо... что ты здесь — чудо из чудес! — благоговейно произнес он. — Если бы не ты, дружище, через час, не позже, мы с Франки превратились бы в парочку холодненьких трупиков.

Он коротко поведал Бэджеру об их с Франки действиях. Однако незадолго до финала ему пришлось прервать свой рассказ.

— Кто-то идет. Франки, давай быстрее на место. Преподнесем нашему лицедею хорошенький сюрприз.

Франки с несчастным видом устроилась на сломанном стуле. Бэджер и Бобби спрятались за дверь.

Шаги раздавались все ближе, ближе — вот под дверь показалась полоска света, в замке повернулся ключ — дверь распахнулась. Свеча высветила удрученно поникшую на стуле Франки. Их тюремщик переступил порог.

И тут на него с ликованием накинулись Бэджер и Бобби.

Дальше все было сделано быстро и довольно лихо. Не ожидавший нападения, противник был сбит с ног, выпавшую из его рук свечу подхватила Франки, и через несколько секунд дружная троица уже взирала со злорадством на свою жертву, крепко связанную теми же веревками, которыми совсем недавно были связаны Бобби и Франки.

— Добрый вечер, мистер Бассингтон-ффренч, — сказал Бобби. Торжество, звучавшее в его голосе, было несколько жестоким, но кто решился бы его упрекнуть? — Славная ночь для похорон!

Глава 30

Спасение

Человек, лежащий на полу, глядел на них во все глаза. Пенсне его слетело, шляпа тоже. Дальше скрываться было совершенно бесполезно. На бровях его еще виднелись остатки грима, но все остальное было принадлежностью довольно симпатичной и глуповатой физиономии Роджера Бассингтон-ффренча.

Он заговорил — теперь уже своим собственным приятным голосом, так, будто бы разговаривал сам с собой:

— Нет, это просто замечательно. Знал ведь, отлично знал, что, если человек связан, как были связаны вы, не может он кинуть башмак в слуховое окошко. Но башмак валялся среди битого стекла, и я решил, будто он и есть причина погрома. Я подумал еще, что порою происходят-таки на свете совершенно невозможные вещи. Что ж, пришлось еще раз поплатиться за свою умственную ограниченность — и самым необычным образом.

Никто не отозвался на его сентенции, и он продолжил все тем же глубокомысленным тоном:

— Выходит, в конце концов победа осталась за вами. Что для меня совершенно неожиданно и весьма прискорбно. Я-то думал, что сумел всех одурачить.

— Вы и сумели, — сказала Франки. — Это ведь вы подделали письмо от Бобби?

— Хоть в этом имею талант, — скромно ответил Роджер.

— А с Бобби вы что сделали?

Роджер чарующе улыбнулся. Похоже, он получал истинное удовольствие оттого, что раскрывал свои карты.

— Я знал, что он отправится в Грэндж. Оставалось только подкараулить его в кустах у дорожки. Когда он ретировался после своего злосчастного падения с дерева, я оказался как раз у него за спиной. Конечно, выждал, пока уляжется суматоха, а потом хватил его по затылку мешком с песком. Он и отключился. Оставалось только дотащить бедолагу до моего автомобиля, впихнуть на заднее сиденье и привезти сюда. Еще до рассвета я опять был дома.

— А с Мойрой что? — строго спросил Бобби. — Куда вам удалось заманить ее?

Роджер усмехнулся. Похоже, вопрос его позабавил.

— Умение подделывать почерк — очень полезный дар, дорогой мой Джоунз, — сказал он.

— Мерзавец, — вырвалось у Бобби.

Тут вмешалась Франки, которую все еще мучило любопытство, а их узник, кажется, был в настроении и готов отвечать на любые вопросы.

— Почему вы прикинулись доктором Николсоном? — спросила она.

— И правда, почему? — спросил Роджер вроде бы самого себя. — Отчасти, наверно, потому, что мне было интересно, сумею ли я обвести вокруг пальца вас обоих. Вы так были уверены, что все это натворил бедняга Николсон. — Роджер рассмеялся, и Франки покраснела. — И только потому, что он со свойственной ему спесивостью устроил вам форменный допрос по поводу вашей автомобильной катастрофы. Это у него пунктик, которым он всех изводит, — докопаться буквально до каждой мелочи.

— Значит, на самом деле он тут совершенно ни при чем? — медленно проговорила Франки.

— Чист, как дитя во чреве матери, — сказал Роджер. — Но мне он сослужил добрую службу. Привлек мое внимание к вашей пресловутой катастрофе. Это и еще один эпизод навели меня на мысль, что вы отнюдь не то простодушное существо, каким поначалу мне показались. А потом, когда однажды утром вы звонили, я стоял рядом и услышал, как ваш шофер назвал вас «Франки». У меня завидный слух. Я тут же сказал, что хотел бы поехать с вами в Лондон — вы согласились, но так явно обрадовались, когда я передумал. А потом... — Он замолчал и, как мог, пожал связанными плечами. — Потом было довольно забавно наблюдать, как вы себя накручиваете насчет Николсона. Он безобидный старый осел, но и впрямь выглядит эдаким суперзлодеем от науки — совсем как персонаж фильма ужасов. Я подумал, почему бы мне не поддержать это заблуждение. Однако никому не дано знать, как все обернется. Даже очень тщательно разработанные планы могут рухнуть, о чем свидетельствует мое теперешнее весьма незавидное положение.

— Одно вы непременно должны мне открыть, — сказала Франки. — Я просто умираю от любопытства. Кто такой Эванс?

— О! — сказал Бассингтон-френч. — Так вам это неизвестно?

Он усмехнулся, а потом даже расхохотался.

— Забавно, — сказал он. — Каким же дураком иногда бываешь.

— Вы имеете в виду нас? — спросила Франки.

— Нет, — ответил Роджер. — На сей раз себя. Знаете, пожалуй, я не скажу вам, кто такой Эванс. Пусть это останется моим маленьким секретом.

Вот ведь как все обернулось. Они одержали верх над Бассингтон-ффренчем, и тем не менее он не дал им насладиться победой. Их узник даже теперь, будучи связанным по рукам и ногам, оставался хозяином положения.

— А позвольте полюбопытствовать, каковы ваши дальнейшие планы? — спросил он.

О планах никто еще не успел подумать.

Бобби неуверенно пробормотал что-то насчет полиции.

— Очень мудрое решение, — весело заметил Роджер. — Скорее им звоните. Надо полагать, мне предъявят обвинение в похищении. Тут уж не отвертишься. — Он глянул на Франки. — Так и заявлю: был ослеплен преступной страстью.

Франки покраснела.

— А как насчет покушения на убийство? — спросила она.

— Дорогая моя, у вас нет улик. Ни единой улики. Сами хорошенько подумайте — ведь ни одной.

— Бэджер, — сказал Бобби, — ты лучше оставайся здесь и не спускай с него глаз. А я пойду вызову полицию.

— Ты поосторожнее, Бобби, — сказала Франки. — Мы ведь не знаем, сколько их здесь в доме.

— Кроме меня, никого, — сказал Роджер. — Предпочитаю все делать сам.

— Так я вам и поверил, — угрюмо огрызнулся Бобби.

Он наклонился и потянул узлы — крепки ли.

— Все в порядке, надежней некуда. Думаю лучше нам держаться всем вместе. А дверь запрем, — сказал он.

— А вы очень недоверчивы, приятель, верно? — сказал Роджер. — Кстати, у меня в кармане пистолет. Мне он в моем теперешнем положении вроде бы ни к чему, а вам было бы поспокойнее.

Не обращая внимания на его издевательский тон, Бобби наклонился и извлек из кармана Роджера пистолет.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал он. — Признаться, с ним мне и впрямь будет поспокойнее.

— Вот и славно, — сказал Роджер. — Он, между прочим, заряжен.

Бобби взял свечу, и все трое гуськом вышли из мансарды, оставив Роджера на полу.

Бобби запер дверь и сунул ключ в карман. Пистолет он держал в руке.

— Я пойду впереди, — сказал он. — Сейчас надо действовать наверняка и не испортить все дело.

— С-с-странный он малый, а? — заметил Бэджер и кивнул в сторону запертой двери.

— Умеет достойно проигрывать, ничего не скажешь, — отозвалась Франки, которая даже теперь не могла не восхищаться Роджером Бассингтон-ффренчем, настолько он был обаятелен и незауряден.

Довольно шаткие ступени привели их на лестничную площадку. Вокруг стояла тишина. Бобби перегнулся через перила. Внизу, в холле, он увидел телефон.

— Давайте-ка заглянем в эти комнаты, — сказал он. — Как бы нас не захватили врасплох.

Бэджер одну за другой распахнул все двери. Там оказались четыре спальни, в трех — никого, а в четвертой на кровати они увидели худенькую фигурку.

— Да это же Мойра! — воскликнула Франки.

Они протиснулись в комнату. Мойра лежала, точно мертвая, только грудь чуть приподнималась и опускалась.

— Она что, спит? — спросил Бобби.

— Видимо, она под действием наркотика, — предположила Франки.

Она огляделась. На столике у окна на небольшом эмалированном подносе лежал шприц. Там же стояла небольшая спиртовка, рядом — игла, какими обычно делают инъекции.

— По-моему, особой опасности нет, — сказала Франки. — Но все же необходимо доставить сюда доктора.

— Телефон в холле, — сказал Бобби.

Они побежали вниз — в холл. Франки со страхом подумала, что телефонные провода могут быть перерезаны, но нет — все целы. Они сразу дозвонились до полицейского участка, но вот объяснить, что произошло, оказалось куда сложнее. Местная полиция явно приняла их звонок за обыкновенный розыгрыш.

Однако в конце концов полицейские поверили, что Бобби совсем не до шуток, и он со вздохом облегчения повесил трубку. В разговоре он объяснил, что к тому же здесь необходима помощь врача, и констебль обещал его доставить.

Через десять минут у дома остановился автомобиль с инспектором, констеблем и неким пожилым джентльменом, в профессии которого не могло быть ни малейшего сомнения.

Их встретили Бобби и Франки и, наспех все объяснив, повели в мансарду. Бобби отпер дверь — и, ошеломленный, застыл на пороге. Посреди комнаты на полу он увидел кучу веревочных обрывков. Кровать стояла теперь под разбитым смотровым окном, и на ней высился стул.

Роджера Бассингтон-ффренча и след простыл.

Бобби, Роджер и Франки стояли, точно громом пораженные.

— Вот уж кто действительно переплюнул самого Гудини, — сказал Бобби. — Как он сумел разрезать веревки, черт побери?

— Значит, у него в кармане был нож, — сказала Франки.

— Но все равно, как он смог? У него обе руки были связаны за спиной.

Инспектор кашлянул. Его прежние сомнения вернулись: теперь он был почти уверен, что молодые люди просто решили развлечься.

Франки и Бобби пустились в пространные объяснения, но чем дальше, тем их рассказ звучал все менее правдоподобно.

Выручил их доктор.

Его повели в комнату, где лежала Мойра, и он тотчас объявил, что ей вкололи морфий или какой-то препарат с опиумом. Ничего особо опасного в

ее состоянии он не находил, полагая, что она проснется сама часов через пять, однако предложил отвезти ее в хорошую частную лечебницу, находившуюся неподалеку.

Бобби и Франки согласились — что им еще оставалось. Они назвали инспектору свои имена, дали адреса (причем Франки он явно не поверил), и им было дозволено покинуть Тюдоровский коттедж. Что они и сделали с помощью инспектора, который подвез их до сельской гостиницы «Семь звезд».

Чувствуя на себе настороженные взгляды постояльцев, они поспешили скрыться в своих номерах: Бобби и Бэджер в двухкомнатном, а Франки в совсем крохотном однокомнатном.

Уже через несколько минут в дверь Бобби постучали. На пороге стояла Франки.

— Мне кое-что пришло в голову, — сказала она. — Если этот болван инспектор все еще нам не верит, я могу доказать ему хотя бы то, что меня усыпили хлороформом.

— Вот как? И где же ты добудешь свои доказательства?

— В корзинке для угля.

Глава 31

Франки задает вопрос

Измученная всеми этими тревожными событиями, Франки проснулась поздно. В половине одиннадцатого она спустилась в гостиничную кофейню и увидела, что Бобби ее уже ждет.

— Привет, Франки, ну наконец-то...

— Ох, Бобби, милый, позволь хоть оглядеться. — Франки опустилась на стул.

— Что будешь есть? У них треска, яйца, бекон и холодная ветчина.

— Мне только тост и некрепкий чай, — с нарочитой неспешностью ответила Франки. — С чего это ты стал таким энергичным?

— Должно быть, он слишком сильно огрел меня по загривку. Это здорово встряхнуло мои ленивые мозги. Я полон сил и блестящих идей и рвусь в бой.

— Ну, и чего же ты ждешь? — вяло отозвалась Франки.

— Не жду, а действую. Между прочим, побывал у инспектора Хэммонда. Побеседовали с ним полчаса. Пусть пока думает, что это розыгрыш.

— Ох, ну что ты, Бобби...

— Я же сказал «пока». Мы должны докопаться до сути, Франки. Мы на верном пути, и надо двигаться дальше. Нам ведь не нужно, чтобы Роджера Бассингтон-френча обвинили всего лишь в похищении. Нам нужно, чтобы ему предъявили обвинение в убийстве.

— И мы этого добьемся, — сказала Франки, сразу воспрянув духом.

— Вот так-то лучше, — добродушно проворчал Бобби. — Выпей еще чаю.

— А как Мойра?

— Пришла в себя, но нервы у нее совсем никуда. По-моему, она отчаянно испугана. Она поехала в Лондон, в лечебницу на Куинс Гейт^[73]. Говорит, там ей будет спокойнее. Здесь ей было слишком страшно.

— Она никогда не отличалась особым мужеством, — сказала Франки.

— Ну, положим, любой на ее месте был бы испуган, зная, что где-то поблизости разгуливает на свободе убийца, да еще такой затейник, как Бассингтон-ффренч.

— Ее он убивать не собирается. Ему нужны мы.

— Сейчас ему не до нас, он, вероятно, слишком занят собственной персоной, — сказал Бобби. — А нам тем временем непременно надо докопаться до сути. Началось все, наверное, со смерти Сэвиджа и с его завещания. Что-то здесь не так. Либо завещание подделано, либо Сэвиджа убили, в общем — что-нибудь в этом роде.

— Если к этому причастен Бассингтон-ффренч, вполне вероятно, что завещание подделано, — задумчиво сказала Франки. — Похоже, он по этой части мастак.

— Скорее всего тут и подлог и убийство. Надо разобраться.

Франки кивнула.

— Когда я читала завещание, то делала для себя кое-какие заметки. Свидетелями были Роуз Чадли, кухарка, и Альберт Миир, садовник. Их легко найти. А составили его поверенные из «Элфорд и Ли» — по словам мистера Спрэгга, фирмы весьма почтенной.

— Прекрасно, отсюда и начнем. Ты займись поверенными. Ты из них вытянешь больше, чем я. А я поохочусь за Роуз Чадли и Альбертом Мииром.

— А как же Бэджер?

— Бэджер никогда не встает раньше двенадцати, так что можешь о нем не беспокоиться.

— Надо помочь ему навести порядок в его делах, — сказала Франки. — Он ведь как-никак спас мне жизнь.

— Только они мигом опять запутаются, — сказал Бобби. — Ох, кстати, что скажешь об этом?

Он протянул ей какую-то грязную картонку. Но оказалось, что это фотография.

— Мистер Кэймен, — тотчас узнала Франки. — Откуда она у тебя?

— Нашел вчера вечером — валялась за телефоном.

— Ну теперь мне совершенно ясно, кто такие мистер и миссис Темплтон. Погоди-ка.

К ним как раз подошла официантка, принесла тост. Франки выложила фотографию на столик.

— Вы знаете, кто это? — спросила она.

Чуть склонив голову набок, официантка глянула на фотографию.

— Этого джентльмена я точно видела, да только не вспомню, кто такой. А-а! Сдается мне, это владелец Тюдоровского коттеджа, мистер Темплтон. Сейчас их нету, кажется, уехали куда-то за границу.

— Что он за человек? — спросила Франки.

— По правде сказать, не знаю. Они нечасто сюда хаживали. Иной раз в субботу, под вечер. Их мало кто видел. Миссис Темплтон очень приятная леди. Но они владели Тюдоровским коттеджем недолго, с полгода, а потом умер один очень богатый джентльмен и оставил миссис Темплтон все свои деньги, они и уехали жить за границу. А только коттедж они не продали.

По-моему, на выходные они его сдают. Но при таких-то деньгах сами, наверно, никогда в нем жить не станут.

— У них кухарка была, Роуз Чадли, верно? — спросила Франки.

Но, похоже, кухарки девушку не интересовали. Вот то, что богатый джентльмен оставил в наследство кучу денег, это конечно же будоражило воображение... Нет, про кухарку она не знает, ответила она и ушла, унося пустой поднос.

— Все очень просто, — сказала Франки, — Кэймены решили сюда не возвращаться, но держат коттедж для своей шайки.

Бобби предложил распределить, что кому делать дальше — так и договорились. Франки сделала кое-какие покупки, привела себя в порядок и укатила на своем «бентли», а Бобби отправился на розыски садовника Альберта Миира.

Встретились они в полдень.

— Ну? — спросил Бобби.

Франки покачала головой.

— О подделке не может быть и речи. — Она была явно огорчена. — Я разговаривала с мистером Элфордом, очень приятный джентльмен. Он уже кое-что прослышал о наших делах прошлой ночью и жаждал узнать подробности. Здешняя жизнь небогата событиями. В общем, я постаралась говорить убедительно, и скоро он уже смотрел на все происшедшее моими глазами. Потом я завела речь о Сэвидже — сказала, будто встретила каких-то его родственников, и они мне намекнули, что завещание поддельное. Тут мой старичок взбеленился — об этом не может быть и речи! Завещание не было прислано по почте, ничего похожего. Он встретился с самим мистером Сэвиджем, и тот настоял, чтобы он составил завещание немедленно. Мистер Элфорд хотел уехать и сделать все по правилам — ну знаешь, у этих поверенных заведено: писанина, писанина, и все неизвестно о чем...

— Нет, не знаю, — сказал Бобби. — Мне не приходилось писать завещание.

— А мне приходилось, дважды. Второй раз сегодня утром. Мне нужен был предлог для встречи со своим поверенным.

— И кому же ты все оставила?

— Тебе.

— Не очень-то благородно с твоей стороны... Если Роджеру Бассингтон-ффренчу все-таки удастся с тобой разделаться, то повесят за это скорее всего меня!

— Да, мне это в голову не приходило, — улыбнулась Франки. — Ну, короче говоря, мистер Сэвидж так нервничал, так был взвинчен, что мистер Элфорд тотчас составил завещание. Служанку и садовника пригласили в качестве свидетелей. А мистер Элфорд забрал его на хранение.

— Да, похоже, подделкой тут не пахнет, — согласился Бобби.

— Конечно. Какая уж тут подделка, если человек при тебе ставит свою подпись. Что же до убийства, теперь об этом будет трудно что-нибудь узнать. Доктор, которого тогда пригласили, уже успел умереть. Тот, которого мы видели вчера, здесь совсем недавно, всего месяца два.

— Что-то многовато у нас покойников, — сказал Бобби.

— Как, а кто еще умер?

— Альберт Миир.

— По-твоему, их всех убрали?

— Ну, это уж было бы слишком. Все-таки этому бедняге Альберту Мииру было уже семьдесят два.

— Ну, хорошо, — сказала Франки. — Будем считать, что он умер своей смертью. А что у тебя с Роуз Чадли?

— Она, слава Богу, жива. После того, как она рассталась с Темплтонами, она нашла себе место на севере Англии, но потом вернулась и вышла замуж за человека, с которым «гуляла», как принято у них говорить, семнадцать лет. К сожалению, она с придурью. И, похоже, ни о ком ничего не помнит. Может, ты попытаешься выудить у нее что-нибудь еще?

— Попробую, — сказала Франки. — Я с такими умею общаться. Кстати, а где Бэджер?

— Боже милостивый! — воскликнул Бобби. — Совсем про него забыл.

Он встал, вышел из комнаты и через несколько минут вернулся.

— Он до сих пор спал, — объяснил Бобби. — Теперь встает. Горничная звала его, кажется, раза четыре, но все напрасно.

— Что ж, пойдем повидаем твою чокнутую, — сказала Франки, вставая. — А заодно куплю зубную щетку, ночную рубашку, губку и прочее — хочется снова почувствовать себя человеком. Ночью мне было не до того. Я сразу сдернула с себя платье и рухнула на постель — до того была измучена.

— Понятно, — сказал Бобби. — Я тоже.

— Ну так води меня к ней, к этой Роуз Чадли.

Роуз Чадли, ныне именуемая миссис Прэт, жила в маленьком коттедже, переполненном мебелью и фарфоровыми собачками. У нее было угрюмое туповатое лицо и рыбы глаза да еще и гнусавый голос.

— Вот видите, я опять к вам, — игриво сказал Бобби.

Миссис Прэт в ответ лишь громко сопела и тупо переводила взгляд с одного на другого.

— О, вы ведь знали миссис Темплтон? — с жаром начала Франки.

— Да, мэм...

— Она ведь теперь живет за границей, — продолжала Франки, делая вид, что она близкая знакомая Темплтонов.

— Да, говорят, — подтвердила миссис Прэт.

— Вы у нее служили, верно?

— Чего-чего, мэм?

— Я говорю, вы служили у миссис Темплтон, — медленно и очень четко повторила Франки.

— Да как сказать, мэм. И всего-то два месяца.

— А-а, я думала куда дольше.

— Это Глэдис, мэм. Горничная. Она у них с полгода служила.

— Значит, обе вы там служили?

— Ну да. Она горничная была, а я кухарка.

— А когда мистер Сэвидж умер, вы еще служили?

— Не пойму, мэм. Это вы про что, мэм?

— Это при вас мистер Сэвидж умер?

— Мистер Темплтон не помер... Нет, ничего такого я не слыхала. Просто уехал за границу.

— Мы говорим не о мистере Темплтоне, а о мистере Сэвидже, — не выдержал Бобби.

Миссис Прэт глянула на него непонимающим взглядом.

— Тот самый джентльмен, который оставил миссис Темплтон кучу денег, — сказала Франки.

На лице миссис Прэт мелькнул наконец проблеск понимания.

— А и впрямь, мэм, джентльмен, про кого дознание было.

— Вот-вот, — подхватила Франки, обрадованная своим успехом. — Он ведь часто к ним наезжал?

— Не могу сказать, мэм. Я тогда только поступила. Должно, Глэдис знает.

— Но ведь вам пришлось засвидетельствовать его завещание, верно?

Миссис Прэт тупо на нее поглядела.

— Вас позвали, и он при вас подписал какую-то бумагу, и вам самой тоже пришлось ее подписать.

Опять проблеск понимания в глазах.

— И впрямь, мэм. И меня, и Альберта позвали. Я ничего такого никогда не делала, и не понравилось мне это. Я тогда и Глэдис сказала: не по мне это — какую-то бумагу подписывать, верное слово, не по мне. А Глэдис успокоила: мол, тебе бояться нечего, потому как там мистер Элфорд, а он очень даже приличный джентльмен, потому как поверенный.

— Так что же все-таки произошло? — спросил Бобби.

— Это вы о чем, сэр?

— Кто вас позвал поставить свою подпись? — уточнила Франки.

— Хозяйка, мэм. Она пришла на кухню и велела мне сходить за Альбертом, и чтоб мы с ним пришли в ту, самую лучшую спальню — сама-то она перед тем, как тому джентльмену приехать, стала в другой спальне спать. Приходим мы, а он в кровати сидит и, ясное дело, хворый. Это я сразу поняла, хоть раньше его не видела. Такой, что краше в гроб кладут. Мистер Элфорд там тоже был и говорил так хорошо, сказал, мол, нечего бояться, а просто надо подписать, где джентльмен подписался, я, как было велено, все сделала и еще приписала: «кухарка» и свой адрес, и Альберт, он то же самое сделал. Ну, я сразу потом к Глэдис — а сама вся дрожу — значит, ей говорю: это что ж такое, тот джентльмен в спальне того и гляди помрет. А Глэдис мне: вчера вечером он в полном порядке был, видать, в Лондоне что приключилось, вот он и расстроился. Он когда в Лондон поехал, еще спали все: тогда я ей и сказала, что не люблю я никакие бумаги подписывать, а Глэдис говорит, нечего, мол, беспокоиться, потому как там мистер Элфорд был.

— А тот джентльмен... мистер Сэвидж... он когда умер?

— Да сразу на следующее утро. С вечера он у себя в комнате заперся и никому не велел к нему входить, а утром Глэдис вошла и видит — он уж весь закоченел, и тут же письмо... лежало, а на нем написано: коронеру. Ох, у Глэдис прямо поджилки затряслись. Потом дознание было, и все

такое. А через два месяца миссис Темплтон сказала мне, что теперь за границей жить будет. Но она определила меня на очень хорошее место на севере Англии, с большим жалованьем... и подарок хороший подарила, так-то. Уж такая добрая леди — миссис Темплтон.

Теперь миссис Прэт, можно сказать, блистала, упиваясь собственным красноречием.

Франки встала.

— Что ж, мы очень вам благодарны. — Она вытащила из портмоне банкноту. — Позвольте оставить вам, э-э... э-э... небольшой подарок. Я отняла у вас столько времени.

— Спасибо, мэм, от всего сердца. Всего вам хорошего, и вашему джентльмену тоже.

Франки покраснела и поспешно ретировалась. Бобби последовал за ней через несколько минут. Вид у него был озабоченный.

— Похоже, — сказал он, — мы выудили из нее все, что она знает.

— Да, — сказала Франки. — И все сходится. Можно не сомневаться, мистер Сэвидж действительно сделал завещание, и похоже, что он и в самом деле перепугался, что у него рак... Доктора с Харли-стрит^[74] не так-то легко подкупить. Ну а они, я думаю, просто поспешили воспользоваться ситуацией и решили поскорее разделаться с ним, покуда он не передумал и не составил нового завещания. Но вот как можно это доказать, я просто не представляю.

— Ну конечно. Мы можем только подозревать, что миссис Темплтон кое-чего дала ему выпить — чтобы он немного поспал... но как это докажешь? Бассингтон-френч, возможно, подделал то письмо к коронеру, но опять же, как это докажешь? Письмо, скорее всего, уничтожили — сразу после того, как оно сыграло свою роль на дознании.

— Итак, мы опять вернулись к тому же: Бассингтон-френч и его коллеги очень боятся, как бы мы чего-то не узнали... Только вот чего?

— А тебя не смущает вся эта история с завещанием? Этот срочный вызов свидетелей?

— Да нет, пожалуй... Разве только одно. Почему миссис Темплтон послала за садовником, ведь в доме была горничная, которая тоже вполне могла поставить свою подпись. Почему же позвали не горничную?

— Поразительно, что ты именно сейчас об этом заговорила. — Голос Бобби звучал как-то странно.

— Почему? — спросила Франки, с любопытством на него посмотрев.

— Я задержался, чтобы спросить у миссис Прэт фамилию и адрес Глэдис.

— Ну?

— Фамилия горничной Эванс!

Глава 32

Эванс

Франки ахнула.

— Понимаешь, ты задала тот же вопрос, что и Карстейрс. «Почему же не позвали горничную», то есть «Почему же не Эванс?» — взволнованно сказал Бобби.

— Ох, Бобби, наконец-то мы хоть что-то нащупали.

— Должно быть, Карстейрсу это тоже пришло в голову. Он пытался что-нибудь разузнать, так же, как мы с тобой, пытался найти что-то подозрительное. И это обстоятельство его смутило точно так же, как и нас. Думаю, что в Уэльс он поехал по той же причине. Глэдис — имя валлийское... А значит, велика вероятность, что родом она из Уэльса. Он проследил ее путь до Марчболта. Но кто-то проследил и его путь... В результате он с ней так и не встретился.

— Почему же не Эванс? — спросила Франки. — Какая-то для этого должна быть причина. Вроде бы пустяк, а получается, что совсем не пустяк. В доме две служанки, почему же она послала за садовником?

— Возможно, потому, что Чадли и Альберт Миир туго соображают, а Эванс из тех, кого не проведешь.

— Нет, дело не только в этом. Там ведь был мистер Элфорд, а он человек проницательный. Ох, Бобби, я чувствую, ключ к разгадке здесь. Только бы нам добраться до причины. Эванс. Почему Чадли и Миир, а не Эванс?

Она вдруг замолчала и прикрыла глаза ладонями, чтобы лучше сосредоточиться.

— Сейчас, сейчас, — пробормотала она. — Что-то такое крутится в голове... Дай мне немного подумать.

Думала она довольно долго, потом опустила руки и посмотрела на Бобби: глаза ее как-то особенно блестели.

— Бобби, если ты гостишь в доме, где две служанки, какой из них ты обычно даешь на чай?

— Естественно, горничной, — удивленно ответил Бобби. — Не кухарке же. Ее никогда и не видишь.

— Ну да, и она тебя тоже никогда не видит. Разве что мельком, если ты приехал к кому-то надолго. А горничная прислуживает тебе за обедом и приносит в комнату кофе.

— К чему ты клонишь, Франки?

— Позвать в свидетели Эванс они не могли, Эванс поняла бы, что тот, кто делал завещание, вовсе не мистер Сэвидж.

— Господи, Франки, что ты хочешь этим сказать? Кто же это тогда был?

— Бассингтон-ффренч, вот кто! Ты разве не понимаешь, он изобразил из себя Сэвиджа. Держу пари, именно Бассингтон-ффренч отправился к доктору, потом стал изображать, что он не сомневается, что у него рак. Послали за поверенным — тот, естественно, не знал мистера Сэвиджа, но потом конечно же с чистой совестью мог поклясться, что мистер Сэвидж при нем подписал завещание в присутствии двух свидетелей, вернее, свидетельницы и свидетеля. Но кухарка никогда прежде мистера Сэвиджа не видела, а садовник — старик скорее всего подслеповатый и, надо думать, тоже никогда прежде мистера Сэвиджа не видел... Теперь понимаешь?

— А куда же подевался настоящий мистер Сэвидж?

— Он, как и положено, приехал, а потом они, должно быть, подмешали ему в еду какой-нибудь наркотик, затащили в мансарду и продержали там часов двенадцать, пока Бассингтон-ффренч разыгрывал этот спектакль.

Потом его положили в постель и щедро попотчевали хлоралом, а наутро Эванс нашла его мертвым.

— Господи, Франки, ты попала в самую точку! Но сумеем ли мы это доказать?

— Сумеем, не сумеем... Кто его знает. А что, если показать Роуз Чадли... то есть Прэт фотографию настоящего Сэвиджа? Способна она сообразить, что завещание подписал другой джентльмен, и подтвердить это?

— Сомнительно, — сказал Бобби. — Уж очень она тупа.

— Я думаю, потому ее и выбрали. Но тут есть и другой выход — найти эксперта, который установит, что подпись Сэвиджа поддельная.

— Но ведь тогда этого не сделали.

— Потому что никто этого не требовал. Не было причин усомниться в подписи. Теперь все по-другому.

— Нам необходимо одно, — сказал Бобби. — Найти Эванс. Она много чего сможет нам рассказать. Как-никак она прослужила у Темплтонов с полгода.

— Значит, ее наверняка постарались отправить в какую-нибудь глухомань, — с тяжким вздохом сказала Франки. — Поди теперь найди ее.

— А если справиться на почте? — предложил Бобби.

Они как раз проходили мимо почты, которая по виду скорее напоминала магазин.

Франки тотчас нырнула в дверь. Там не было никого, кроме начальницы — молодой особы, явно любившей во все сунуть свой остренький носик.

Франки купила блок марок за два шиллинга, сказала пару фраз о погоде и вроде бы случайно продолжила:

— Как у вас тут хорошо, не то что в наших краях. Я в Уэльсе живу, в Марчболте. Вы не представляете, как нас замучили дожди.

Молодая особа тут же заметила, что и у них тут дождей хватает, в последние праздники лило как из ведра.

— Кстати, у нас в Марчболте есть одна женщина из здешних мест. Вы, наверно, ее знаете. Ее фамилия Эванс, Глэдис Эванс, — сказала Франки.

Молодая особа явно ни о чем не подозревала.

— Ну еще бы не знать, — сказала она. — Она тут была в услужении. В Тюдоровском коттедже. Но вообще-то она не здешняя. Она из Уэльса, туда и воротилась. И замуж вышла... Теперь ее фамилия Робертс.

— Верно, — сказала Франки. — А адреса ее у вас, наверно, нет? Я брала у нее дождевик, да забыла вернуть. Знай я ее адрес, я бы его отослала по почте.

— Пойдите, пойдите, вроде бы у меня есть ее адрес, — ответила молодая особа. — Она нет-нет да и пошлет мне открыточку. Они с мужем в услужении в одном доме. Сейчас погляжу.

Она встала, порылась в углу и скоро вернулась с листком бумаги.

— Вот, пожалуйста, — сказала она, протягивая листок Франки.

Бобби и Франки прочли то, что там было написано... Уж этого они никак не ожидали:

*«Миссис Робертс Дом викария,
Марчболт,
Уэльс».*

Глава 33

Сенсация в кафе «Ориент»

Как им удалось сдержаться, Бобби и Франки и сами потом диву давались.

И только выйдя на улицу, они наконец переглянулись и — разом расхохотались.

— В доме викария... А мы-то все это время!.. — едва не рыдал от смеха Бобби.

— А я... я просмотрела в справочнике четыреста восемьдесят Эвансов, — жалобно простонала Франки.

— Теперь понятно, почему Бассингтон-ффренча так развеселило, что мы понятия не имеем, кто такой Эванс, вернее, как выяснилось, такая.

— Вот тебе и еще одна, с их точки зрения, опасность: ты и Эванс, в сущности, жили под одной крышей.

— Поехали, Франки. Теперь в Марчболт.

— С чего начали, тем и кончим, — сказала Франки. — Назад в родные пенаты.

— Черт возьми! — сказал Бобби. — Первым делом надо выручить Бэджера, у тебя деньги есть?

Франки открыла сумочку, вытащила пачку банкнот.

— Отдай ему и скажи, чтобы он как-то договорился с кредиторами. Скажи, что мой отец купит гараж и поставит его управляющим.

— Хорошо. Самое главное — скорее в путь.

— Почему такая немыслимая спешка?

— Сам не знаю... Но чувствую, что-то может случиться.

— Ужас. Тогда давай скорей.

— Я переговорю с Бэджером. А ты заводи автомобиль.

— Так я и не купила зубную щетку, — посетовала Франки.

Пять минут спустя они уже стремительно удалялись от Чипинг-Сомертона. Бобби никак не мог упрекнуть «бентли» — скорость была приличная.

Но Франки вдруг сказала:

— Послушай, Бобби, нам надо быстрее.

Бобби глянул на стрелку спидометра — она показывала «80», и сухо заметил:

— Не знаю, что можно еще предпринять.

— Взять самолет. Мы всего милях в семи от Мидшортского аэродрома.

— Ну, знаешь... — только и вымолвил Бобби.

— Зато через несколько часов мы будем дома.

— Хорошо, — сказал Бобби. — Самолет так самолет.

Как все странно... будто во сне. Почему надо так спешить в Марчболт? Бобби не понимал и подозревал, что и Франки не понимает. Какая-то подспудная тревога овладела ими обоими.

В Мидшорте Франки попросила позвать мистера Дональда Кинга, и перед ними предстал неряшливо одетый молодой человек, который, увидев ее, вяло удивился.

— Привет, Франки, — сказал он. — Сто лет вас не видел. Что угодно?

— Мне нужен самолет. Это ведь, кажется, по вашей части?

— О да. А куда лететь?

— Мне нужно скорее попасть домой.

Дональд Кинг поднял брови.

— И только?

— Ну не совсем. Но это главное.

— Ну что ж. Мы не заставим вас долго ждать.

— Я дам вам чек, — сказала Франки.

Через пять минут они уже были в пути.

— Франки, почему мы так спешим? — спросил Бобби.

— Понятия не имею, — ответила Франки. — Но чувствую, это необходимо. А ты?

— Как ни странно, я тоже. А почему, не знаю. Ведь не улетит же наша миссис Робертс на метле.

— А чем черт не шутит. К тому же мы не знаем, что на уме у Бассингтон-ффренча.

— Верно, — задумчиво согласился Бобби.

Когда они приземлились, уже вечерело. Их высадили, и очень скоро они мчались в Марчболт в «крайслере» лорда Марчингтона.

Они затормозили у ворот дома викария — на подъездной аллее такому большому автомобилю было не развернуться.

Бобби и Франки выскочили и кинулись к дому.

«Скоро я проснусь, — подумал Бобби. — Что мы делаем, зачем?»

На пороге они увидели тоненькую фигурку и тотчас ее узнали.

— Мойра! — воскликнула Франки.

Мойра обернулась. Ее слегка покачивало.

— Ох! Я так вам рада. Я не знаю, как быть.

— Господи! Но что вас сюда привело?

— Вероятно, то же, что и вас.

— Вы узнали, кто такая Эванс? — спросил Бобби.

Мойра кивнула:

— Да, это длинная история...

— Зайдемте в дом, — сказал Бобби.

Но Мойра попятилась.

— Нет, нет, — поспешно ответила она. — Лучше поговорим где-нибудь в другом месте. Мне надо вам кое-что сказать... до того как мы окажемся в доме. Тут у вас нет кафе или чего-нибудь в этом роде? Где можно было бы посидеть.

— Хорошо, — сказал Бобби, неохотно отходя от двери. — Но почему...

Мойра топнула ногой.

— Поймете, когда я вам расскажу. Ну идемте же. Нельзя терять ни минуты.

Бобби и Франки не стали с нею спорить. На главной улице, примерно в ее середине, имелось кафе «Ориент», чье пышное название никак не вязалось с его более чем скромным убранством. Когда они вошли, было половина седьмого — час затишья.

Они сели за столик в углу, и Бобби заказал три кофе.

— Итак? — сказал он.

— Подождем, пока принесут кофе, — сказала Мойра.

Официантка вернулась и со скучающим видом поставила перед ними три чашки еле теплого кофе.

— Итак? — сказал Бобби.

— Просто не знаю, с чего начать, — сказала Мойра. — Это было в поезде, когда я ехала в Лондон. Поистине удивительное совпадение. Я шла по коридору и...

Она замолчала. Сидела она лицом к двери и сейчас наклонилась вперед, напряженно глядя перед собой.

— Должно быть, он выследил меня.

— Кто? — в один голос воскликнули Бобби и Франки.

— Бассингтон-ффренч, — прошептала Мойра.

— Вы его видели?

— Он за дверью. На улице. И с ним рыжая женщина.

— Миссис Кэймен! — воскликнула Франки.

Они с Бобби тут же кинулись к двери. Мойра хотела было их остановить, но они уже не слушали ее. На улице они глянули в одну сторону, в другую — Бассингтон-ффренча не было.

К ним подошла Мойра.

— Исчез? — спросила она дрожащим голосом. — Ох, пожалуйста, будьте осторожны. Он опасен... Чудовищно опасен.

— Пока мы все вместе, он ничего не сможет сделать, — успокоил ее Бобби.

— Возьмите себя в руки, Мойра, — сказала Франки. — Нельзя быть такой трусихой.

— Ну сейчас нам все равно его не достать, — сказал Бобби и направился к столику. — Так что рассказывайте дальше, Мойра.

Он взял чашку кофе. Франки, вдруг оступившись нечаянно, его толкнула, и кофе вылился на стол.

— Извини, — сказала Франки и потянулась к соседнему столику, который был накрыт в ожидании посетителей. Там стояли два графинчика — с маслом и с уксусом.

Бобби не спускал с Франки ошеломленных глаз, а она тем временем взяла бутылочку с уксусом, вылила уксус в пустую чашку, а в освободившуюся бутылочку стала лить кофе.

— Франки, ты что, спятила? — спросил Бобби. — Что ты такое вытворяешь?

— Просто хочу отдать этот чудный кофе Джорджу Арбетноту на анализ, — объяснила Франки и повернулась к Мойре.

— Игра окончена, Мойра! Пока мы сейчас стояли в дверях, я вдруг поняла... А когда я толкнула Бобби, — нарочно, конечно, чтобы он разлил кофе, — то увидела ваше лицо. Вы ведь что-то всыпали в наши чашки в тот момент, когда мы кинулись к двери, посмотреть на якобы стоявшего на улице Бассингтон-ффренча. Игра окончена, миссис Николсон, или Темплтон, или как там еще вам заблагорассудится себя назвать.

— Темплтон? — воскликнул Бобби.

— Да ты хорошенько на нее посмотри! — воскликнула Франки. — А если она вздумает отпираться, пригласи ее к себе домой и увидишь — миссис Робертс сразу ее узнает.

Бобби внимательно посмотрел на Мойру. Лицо, которое не давало ему покоя, это одухотворенное лицо сейчас исказила гримаса яростной злобы. Прелестные губы раскрылись, изрыгая потоки грязной брани.

Мойра рылась в сумочке.

Все еще пораженный, Бобби тем не менее среагировал мгновенно... он ударил Мойру по руке, в которой был зажат пистолет.

Пуля пролетела над головой Франки и угодила в стену кафе.

Впервые за всю историю этого заведения официантка проявила расторопность.

С диким криком она выскочила на улицу:

— На помощь! Убивают! Полиция!

Глава 34

Письмо из Южной Америки

Прошло несколько недель.

На имя Франки пришло письмо. На нем стоял штемпель одной не очень известной южноамериканской республики.

Франки прочла письмо и протянула Бобби.

Вот что там было написано:

«Дорогая Франки! Право же, я вас поздравляю! Вы и ваш морячок сокрушили планы, которые я лелеял чуть не всю свою жизнь. А у меня все было так славно продумано.

Хотите, я вам расскажу все как есть? Моя дама предала меня по всем статьям (видимо, это она со зла — женщины вообще зловредные создания), и потому даже самые откровенные признания не могут мне более навредить. К тому же я опять начинаю новую жизнь. Роджер Бассингтон-френч умер!

Видно, я всегда был, что называется, непутевым. Даже в Оксфорде дал маху. Глупый был поступок, — мое мошенничество просто не могло не раскрыться. Папаша от меня не отрекся, но... в Колонии, однако, отослал.

Там я довольно скоро связался с Мойрой и ее компанией. Она была что надо. К пятнадцати годам стала уже законченной преступницей. Когда мы с ней познакомились, за ней как раз охотилась американская полиция.

Мы понравились друг другу и решили, что могли бы быть вместе. Но прежде надо было кое-что предпринять.

Для начала она вышла замуж за Николсона. Благодаря чему оказалась в другой части света, и полиция потеряла ее след. Николсон как раз уезжал в Англию, где хотел основать лечебницу для нервных больных. Он искал подходящий дом, который можно было бы недорого купить. Мойра привела его в Грэндж.

Она по-прежнему поддерживала связь со своей шайкой и вместе с ними промышляла наркотиками. Сам того не ведая, Николсон оказался ей очень полезен.

У меня всегда были две цели: стать владельцем Мерроуэй, а еще ворочать большими деньгами. Когда-то, при Карле Втором^[75], Бассингтон-френчи играли весьма заметную роль в судьбе королевства. Потом наш род захирел. Я же чувствовал, что, как и мои предки, способен на многое. Но чтобы меня заметили, нужны были деньги.

Мойра несколько раз ездила в Канаду „повидаться с родными“. Николсон ее обожал и верил каждому ее слову — мужчины ведь, как правило, слишком доверчивы. Из-за сложностей в торговле наркотиками она разъезжала под разными именами. С Сэвиджем она познакомилась будучи „миссис Темплтон“. Она знала, кто такой Сэвидж, и то, что он чудовищно богат, и лезла вон из кожи, чтобы привлечь его внимание. Он действительно ею увлекся, но не настолько, чтобы потерять голову.

Однако мы придумали, как добраться до его денег. Как именно мы действовали, вы отлично знаете. Человек, который вам известен под именем Кэймена, исполнял роль бесчувственного мужа. Разок-другой удалось уговорить Сэвиджу погостить в Тюдоровском коттедже. Когда он приехал в третий раз, мы привели наш план в исполнение. Мне незачем пересказывать вам, как там все было, вы и так это знаете. Все удалось блестяще. Мойра завладела деньгами и якобы уехала за границу. На самом деле она вернулась в Стейверли, в Грэндж.

Тем временем я занимался своими личными проблемами. Мне необходимо было убрать с дороги Генри и юного Тома. С Томми мне не везло. Все мои отлично продуманные „несчастные случаи“ срывались. Ну а для Генри ничего даже и подстраивать не пришлось. После серьезнейшей травмы на охоте его жутко мучили ревматические боли. Я как-то дал ему морфий. Он по простоте душевной стал спасаться им от боли и очень скоро сделался морфинистом. Мы хотели чтобы он отправился на лечение в Грэндж и там либо „покончил с собой“, либо принял слишком большую дозу морфия. Об этом позаботилась бы Мойра. Я бы никак в этом не участвовал.

И тут вдруг начал путаться под ногами этот дурак Карстейрс. Вероятно, на пароходе Сэвидж черкнул ему письмецо, помянув миссис Темплтон и даже вложив в конверт ее фото. Вскоре после этого Карстейрс отправился в какую-то африканскую глушь на охоту. А когда вернулся, прослышал и о внезапном самоубийстве Сэвиджа, и о его более чем странном завещании, ну и, само собой, рассвирепел. Он сразу учуял, что тут что-то неладно. Все эти рассказы о том, что Сэвидж вбил себе в голову, будто у него рак и потому решил с собой покончить, ничуть Карстейрса не убедили. К тому же завещание было, на его взгляд, совсем не в духе Сэвиджа, дельца до мозга костей. Безусловно, он мог затеять интрижку с хорошенькой женщиной, но никогда бы не оставил ей большие деньги и тем более не стал бы ничего жертвовать на благотворительность. С этой благотворительностью я, конечно, перестарался. Это звучало так благородно, так убедительно и, казалось, не вызывало подозрений.

Карстейрс появился сюда полный решимости разобраться в этой истории и принялся все разнюхивать.

Нам сразу не повезло. Какие-то друзья прихватили его с собой на обед — в дом Генри. На пианино он увидел фотографию Мойры и узнал в ней приятельницу Сэвиджа, ведь тот прислал ему ее фотографию. Карстейрс отправился в Чипинг-Сомертон и стал там все разнюхивать.

Мы с Мойрой изрядно переполошились... Иногда мне кажется, что понапрасну. Но мы поняли, что Карстейрс из тех, кого на мякине не проведешь. Я поехал следом за ним в Чипинг-Сомертон. Напасть на след

кухарки Роуз Чадли ему не удалось. Б это время она уехала к родственникам на север, зато об Эванс он все-таки кое-что разнюхал: узнал, какая у нее теперь фамилия — по мужу. Ну а потом двинулся в Марчболт.

Дело принимало серьезный оборот. Если Эванс поймет, что миссис Темплтон и миссис Николсон — одно и то же лицо, нам несдобровать. К тому же она некоторое время прослужила в Тюдоровском коттедже, и мы не знали, что именно ей известно и насколько это для нас опасно.

Я решил, что расследованию Карстейрса пора положить конец. Он успел здорово мне надоесть. Помог случай. Когда опустился туман, я тихонько к нему подкрался и резко толкнул — только и всего.

А вот как быть дальше, я не знал, ведь при нем могло быть что-то такое, что могло нас скомпрометировать. Однако ваш морячок преотлично мне подыграл. Благодаря ему я ненадолго остался с телом один на один — но этого времени мне вполне хватило, чтобы обшарить у Карстейрса карманы. В одном оказалась фотография Мойры — не иначе, раздобыл ее у фотографа — вероятно, хотел выяснить, кто же все-таки на ней изображен. Я забрал фотографию, письма и все остальное, что помогло бы опознать Карстейрса. И сунул ему в карман фотографию одной особы из шайки Мойры.

Все шло как по маслу. Мнимая сестра и ее муж приехали и опознали его. В общем, все вроде бы кончилось благополучно. И тут ваш дружок смешал нам все карты. Оказалось, что перед смертью Карстейрс пришел в себя и что-то ему сказал. Он назвал имя — Эванс... А Эванс как раз служила у его отца.

Должен заметить, к этому времени мы с Мойрой уже здорово струхнули и совсем потеряли рассудок. Мойра твердила, что морячка надо убрать. Мы попытались было отправить его в Южную Америку, но он отказался. Тогда Мойра решила заняться этим лично. Она села в автомобиль и поехала в Марчболт. Ей подвернулся удобный случай, и она его, естественно, не упустила: пока ваш Бобби спал, она всыпала ему в пиво морфий. Но этого малого и морфий не взял. Чистое невезение.

Я уже упоминал, что именно допрос, учиненный вам Николсоном, натолкнул меня на мысль, что вы совсем не такая, какой хотите казаться. Но представьте ужас Мойры, когда, выбравшись из Грэнджа, чтобы встретиться со мной, она столкнулась нос к носу с вашим Бобби! Она тотчас его узнала — ведь пока подсыпала ему в пиво морфий, успела отлично его разглядеть. Неудивительно, что она так перепугалась — чуть в обморок не упала. Потом она поняла, что подозревает он совсем не ее, тут же оправилась и постаралась как следует заморочить ему голову.

Она пришла в гостиницу и наплела ему кучу небылиц. Он как миленький все проглотил. Сказала, будто Алан Карстейрс был ее возлюбленным, а уж из Николсона сделала сущего злодея, которого она смертельно боится. А заодно постаралась рассеять и ваши подозрения на мой счет. Я со своей стороны заверил вас, что Мойра — существо слабое и беспомощное. Это Мойра-то, которой ничего не стоит убрать любого, кто посмеет встать на ее пути!

Мы к тому времени много чего успели. Заполучили деньги Сэвиджа. Генри был, можно сказать, почти в наших руках. С Томми я не спешил, мог себе это позволить. От Николсона можно было легко избавиться в любой момент. А вот вы со своим морячком могли ввергнуть нас в крупные неприятности. Ведь все ваши подозрения упирались в Грэндж.

Вам, наверно, небезынтересно будет узнать, что Генри не покончил с собой. Это я его убил! Во время нашего с вами разговора в саду я понял, что нельзя терять ни минуты. Я кинулся к нему и сделал то, что потом все восприняли как самоубийство.

Помог мне аэроплан, который очень кстати пролетал над домом. Когда я вошел в кабинет, Генри что-то писал, сидя за столом. Я подсел к нему и сказал: „Послушай, старина...” — и тут же в него выстрелил. Шум аэроплана заглушил звук выстрела. Потом я написал замечательно трогательное прощальное послание, стер с револьвера отпечатки своих пальцев и вложил его в руку Генри, прижав хорошенько его пальцы к рукоятке, а потом револьвер, естественно, упал на пол. Я положил ключ в карман Генри и вышел, заперев дверь снаружи ключом от столовой, который подходил к замку кабинета. Не стану испытывать ваше терпение, описывая, каким образом я пристроил в камине небольшую петарду, которая через четыре минуты должна была взорваться. Все сработало просто замечательно. Когда прозвучал „выстрел”, я был с вами в саду, и мы оба его слышали. Самоубийство получилось весьма убедительное! Под подозрением оказался опять не кто иной, как Николсон. Этот болван вернулся то ли за своей тростью, то ли еще за какой-то ерундой!

Разумеется, рыцарские порывы и странствия вашего морячка создавали нам дополнительные трудности. Поэтому Мойра спешно уехала в Тюдоровский коттедж. Мы, конечно, предполагали, что, узнав от Николсона об отъезде Мойры, вы заподозрите неладное.

Вот где Мойра и вправду продемонстрировала свои таланты, так это там, в коттедже. Услышав наверху шум, она поняла, что меня сбили с ног. Она тут же вколола себе большую дозу морфия и легла в кровать. А когда вы все втроем спустились к телефону, она пробралась в мансарду и перерезала веревки, которыми я был связан. Вскоре морфий стал действовать, и к тому времени, как приехал доктор, она и вправду находилась в наркотическом сне.

Но в какой-то момент мужество ей изменило. Она боялась, что вы разыщете Эванс и уж конечно докопаетесь до того, каким образом было сработано и завещание Сэвиджа, и вся эта история с самоубийством. К тому же она боялась, что перед тем, как поехать в Марчболт, Карстейрс написал Эванс. Она сделала вид, будто отправляется в Лондон, в лечебницу. А вместо этого поспешила в Марчболт. Она уже была на пороге дома, где служила Эванс, когда туда подъехали вы со своим дружкой. Теперь у нее оставался только один выход — избавиться от вас обоих. На сей раз она действовала очень уж грубо, но, я уверен, все сошло бы ей с рук. Едва ли официантка вспомнила бы женщину, которая приходила с вами в кафе. А Мойра вернулась бы в Лондон и затаилась в лечебнице. Если бы она успела убрать с дороги вас и вашего приятеля Бобби, все этим бы и закончилось.

Но вы ее застукали — и она потеряла голову. А потом на следствии потянула за собой и меня.

Она уже начала мне надоедать...

И мне было невдомек, что она это понимает.

Но — деньги были у нее... Мои деньги! Ну а если бы я на ней женился, она наверняка надоела бы мне еще больше. Я люблю разнообразие.

Итак, здесь я начинаю новую жизнь...

А все благодаря вам и этому вашему малоприятному дружку, Бобби Джоунзу...

Но меня, без сомнения, ждет удача!

А может, наоборот, неудача?

Пока, однако, никаких перемен...

Но я убежден: везет тому, кто не сдаётся и готов снова бороться с судьбой.

*Прощайте, моя дорогая, а может быть, *au revoir*. Как знать...*

*Ваш преданный враг,
неунывающий злодей и главный преступник,
Роджер Бассингтон-френч».*

Глава 35

Новости из дома викария

Бобби протянул письмо Франки, и она, вздохнув, взяла его.

— Он все же поразительная личность, — сказала она.

— Ты всегда питала к нему слабость, — холодно заметил Бобби.

— В нем есть обаяние, — опять вздохнула Франки. — В Мойре тоже, — прибавила она.

Бобби покраснел.

— Но ведь это же надо... с самого начала ключ к разгадке этой истории был в доме моего отца, — сказал он. — И ведь Карстейрс действительно написал Эванс, то есть миссис Робертс, представляешь?

Франки кивнула.

— Предупредил, что отправляется к ней, чтобы получше разузнать о миссис Темплтон, что у него есть основания полагать, что она опасная преступница, которую разыскивает полиция многих стран. — А потом, когда его столкнули со скалы, ей и в голову не пришло, что это Карстейрс, — с горечью сказал Бобби.

— Ну да, что же ты от нее хочешь, ведь со скалы упал человек по фамилии Причард, — сказала Франки. — Да, с опознанием они очень ловко все провернули. Если со скалы столкнули какого-то Причарда, то как он может быть Карстейрсом? Такова логика обыкновенного человека.

— Самое смешное, что Кэймена она узнала, — продолжал Бобби. — Когда Робертс его впустил и она мельком его увидела, то спросила мужа, кто это. Тот ответил, какой-то мистер Кэймен, и она тогда сказала: «Да он как две капли воды похож на джентльмена, у которого я была в услужении».

— Ну ты представляешь, а? — с сердцем сказала Франки. — Да и Бассингтон пару раз себя выдал. А я, идиотка, не обратила на это внимания.

— В самом деле выдал?

— Еще как. Когда Сильвия сказала, что человек с газетной фотографии очень напоминает Карстейрса, он тут же заявил, что особого сходства не видит... из чего следовало, что он все-таки видел лицо покойного.

— Франки, а как тебе удалось вычислить, кто такая Мойра?

— Наверно, благодаря тому, как отзывались о миссис Темплтон, — задумчиво сказала Франки. — Все говорили, она «такая приятная дама». Ну, а к этой Кэймен подобные слова совсем не подходят. Ни одна прислуга не скажет о ней «приятная дама». А потом мы приехали в дом твоего отца — и Мойра почему-то тут, мне и пришло в голову: «А что, если Мойра — это и есть миссис Темплтон?»

— Какая же ты молодчина!

— Мне очень жаль Сильвию, — сказала Франки, — из-за этой истории ее имя склоняли во всех газетах. Но доктор Николсон так поддерживал ее... я ничуть не удивлюсь, если в конце концов они поженятся.

— Похоже, все кончается счастливо, — сказал Бобби. — Спасибо твоему отцу, у Бэджера в гараже дела идут хорошо, и опять же спасибо твоему отцу, я получил эту поистине замечательную работу.

— Она в самом деле замечательная?

— Управлять кофейной плантацией в Кении^[76], да еще получать за это кучу денег? Еще бы не замечательная. Как раз то, о чем я мечтал.

Он помолчал. Потом сказал со значением:

— Очень многие считают, что в Кении есть на что посмотреть... и с охотой туда наезжают.

— А многие живут там постоянно, — тихо сказала Франки.

— Ох, Франки, а т... ты? — Бобби вдруг запнулся и покраснел, а потом, набравшись духу, спросил: — Ты смогла бы?

— Смогла бы, — ответила Франки. — Вернее, я хочу сказать, смогу.

— Франки, я всегда был без ума от тебя, — сдавленным голосом произнес Бобби. — И мне так было лихо... я ведь знал, мне надеяться не на что.

— Ты поэтому мне так грубил тогда — ну когда мы с тобой в гольф играли?

— Да, у меня на душе кошки скребли.

— Гм... А как же Мойра?

Бобби был явно смущен.

— Меня и вправду чем-то притягивало ее лицо, — признал он.

— Оно намного красивее моего, — великодушно заметила Франки.

— Нет... но оно... как бы это сказать... преследовало меня. А потом, когда мы оказались в той мансарде и ты вела себя так отважно... ну, я забыл и думать о ней. Она мне стала безразлична. Для меня существовала только ты. Ты была просто великолепна! Так невероятно отважна.

— Это была одна видимость, — сказала Франки. — На самом деле я вся дрожала. Но мне хотелось, чтобы ты мной восхищался.

— Я и восхищался, Франки, милая. Всегда восхищался. И всегда буду восхищаться. Ты уверена, что тебе не будет тошно в этой Кении?

— Я уверена, что буду ее обожать. Англией я сыта по горло.

— Франки...

— Бобби...

— Пожалуйте сюда, — сказал викарий, отворяя дверь в комнату, где они сидели, и пропуская перед собой даму из Доркасского благотворительного общества^[77].

И тотчас с извинениями закрыл дверь.

— Мой... э-э... один из моих сыновей. Он... э-э... помолвлен.

— Мы так и поняли, — язвительно отозвалась дама-благотворительница.

— Хороший мальчик, — сказал викарий. — Прежде он был несколько легкомыслен. Но в последнее время сильно изменился к лучшему. Будет управлять кофейной плантацией в Кении.

А дама-благотворительница шепотом осведомилась у другой:

— Вы видели, кого он целовал? Уж не леди ли Франсез Деруэнт?

Не прошло и часу, как новость облетела весь Марчболт.

УБИЙСТВО В ВОСТОЧНОМ ЭКСПРЕССЕ

Marder on the Orient Express 1934 © Перевод Беспалова Л., 1969

Часть первая ФАКТЫ

Глава 1

В экспресс «Тавры» садится значительное лицо

Ранним морозным утром, в пять часов по местному времени, вдоль платформы сирийской станции Алеппо вытянулся состав, который железнодорожные справочники торжественно именовали экспресс «Тавры»^[78]. Экспресс состоял из вагона-ресторана, одного спального и двух вагонов местного сообщения.

У входа в спальный вагон молоденький лейтенант французской армии во всем великолепии своего мундира разговаривал с маленьким человечком, по уши укутанным во всевозможные шарфы и кашне, из-под которых высывались лишь красный носик и кончики грозно закрученных усов.

Стоял пронизывающий холод, и провожать почетного гостя было делом отнюдь не завидным, но лейтенант Дюбоск мужественно выполнял свой долг. Он сыпал изысканнейшими фразами на изящнейшем французском языке. Хотя, в чем дело, честно говоря, не понимал. Правда, по гарнизону, как бывает в подобных случаях, ходили какие-то слухи. А на генерала, того самого генерала, под началом которого служил лейтенант Дюбоск, стало все труднее угодить. И тогда откуда-то, чуть не из самой Англии, приехал этот бельгиец. Целую педелю весь гарнизон пребывал в непонятной тревоге. А потом пошло-поехало. Один весьма видный офицер покончил с собой, другой подал в отставку — и тревога отпустила военных, некоторые меры предосторожности были отменены. А генерал, тот самый, под началом которого служил лейтенант Дюбоск, словно помолодел лет на десять.

Дюбоск нечаянно подслушал обрывок разговора между «его» генералом и незнакомцем. «Вы спасли нас, мой друг, — прочувствованно говорил генерал, и его седые усы подрагивали. — Вы спасли честь французской армии, вы предотвратили кровопролитие! Не знаю, как и благодарить вас за то, что вы откликнулись на мою просьбу! Приехать в такую даль...»

На что незнакомец (его звали Эркюль Пуаро), как и полагается, отвечал: «Что вы, генерал, разве я мог забыть, что вы спасли мне жизнь». Генерал, в свою очередь, произнес какую-то подходящую случаю фразу, отрицая свои заслуги, и в разговоре вновь замелькали Франция, Бельгия, слава, честь и всякое тому подобное, затем друзья сердечно обнялись и разговор закончился.

О чем, собственно, шла речь, лейтенант так до сих пор и не понял, но, как бы то ни было, почетное поручение проводить Пуаро на экспресс ТАВРЫ было возложено именно на него, и он выполнял его с пылом и рвением, приличествующими многообещающему молодому офицеру.

— Сегодня воскресенье, — говорил лейтенант Дюбоск, — завтра вечером, то есть в понедельник, вы будете в Стамбуле^[79].

Он уже не первый раз высказывал это соображение. Впрочем, разговоры, которые ведутся перед отходом поезда, всегда изобилуют повторами.

— Совершенно верно, — согласился Пуаро.

— Вы, видимо, остановитесь в Стамбуле на несколько дней?

— Mais oui^[80]. Мне не случалось бывать там. Было бы очень жаль проехать мимо, вот так. — И он выразительно щелкнул пальцами. — Я не спешу и могу посмотреть город.

— La Sainte Sophie^[81] удивительно красива, — сказал лейтенант Дюбоск, который в жизни не видел этого собора.

Свирепый порыв ветра заставил мужчин поежиться. Лейтенант Дюбоск украдкой бросил взгляд на часы. Без пяти пять — всего пять минут до отхода. Боясь, что гость перехватил этот взгляд, он поспешил заполнить паузу.

— В это время года мало кто путешествует, — сказал он, оглядев окна спального вагона.

— Вы, пожалуй, правы, — поддакнул Пуаро.

— Будем надеяться, что вас не застигнут заносы в Таврских горах!

— А такое возможно?

— Вполне. Правда, в этом году Бог миловал.

— Что ж, будем надеяться на лучшее, — сказал Пуаро. — Какие сводки погоды из Европы, плохие?

— Очень. На Балканах выпало много снега.

— В Германии, как мне говорили, тоже.

— Eh bien^[82], — чувствуя, что надвигается новая пауза, поспешно сказал лейтенант Дюбоск, — завтра вечером в семь сорок вы будете в Константинополе.

— Да, — сказал мосье Пуаро и, из последних сил стараясь поддержать разговор, добавил: — Мне рассказывали, что Святая София поразительно красива.

— Видимо, просто великолепно.

В одном из купе поднялась шторка, и в окно выглянула молодая женщина.

С тех самых пор, как Мэри Дебенхэм выехала в прошлый четверг из Багдада, она почти не спала. Не спала ни в поезде до Киркука, ни в комнатах отдыха пассажиров в Мосуле;^[83] не удалось ей выспаться и

прошлой ночью в поезде. И теперь, наскучив лежать без сна в душном, жарко натопленном купе, она поднялась и выглянула в окно.

Это скорее всего Алеппо. Смотреть тут, конечно, не на что. Длинный, плохо освещенный перрон; где-то неподалеку яростно бранятся по-арабски. Двое мужчин под окном говорят по-французски. Один — французский офицер, другой — маленький человечек с огромными усами. Губы ее тронула легкая улыбка. Это ж надо так закутаться! Должно быть, в Алеппо очень холодно! Вот почему в поезде так безбожно топят. Она попыталась опустить окно пониже, но оно не поддавалось.

Проводник спального вагона подошел к мужчинам.

— Поезд отправляется, — сказал он. — Мосье пора в вагон.

Маленький человечек снял шляпу. Ну и голова, ни дать ни взять — яйцо! И, несмотря на одолевавшие ее заботы, Мэри Дебенхэм улыбнулась. Потешный человечек! Таких коротышек обычно никто не принимает всерьез. Лейтенант Дюбоск произнес прощальную речь. Он подготовил ее заранее и приберегал до последнего момента. Речь продуманную и блистательную.

Не желая уступить ему, Пуаро отвечал в том же духе.

— En voiture^[84], — сказал проводник.

Всем своим видом показывая, как ему жаль расстаться с лейтенантом, Пуаро поднялся в вагон. Проводник последовал за ним. Пуаро помахал рукой, лейтенант отдал честь. Поезд, неистово рванув, медленно покатил по рельсам.

— Enfin^[85], — пробормотал Эркюль Пуаро.

— Брр, — поежился лейтенант Дюбоск, он только сейчас почувствовал, как продрог.

— Voila^[86], мосье. — Проводник выразительным взмахом руки привлек внимание Пуаро к роскоши купе, особо отметив, как аккуратно и заботливо размещен багаж. — Маленький чемоданчик мосье я поместил здесь.

Протянутая рука красноречиво намекала. Пуаро вложил в нее сложенную вдвое купюру.

— Merci^[87], мосье. — Проводник быстро перешел к делу. — Билеты мосье у меня. Пожалуйста паспорт. Мосье, как я понимаю, выходит в Стамбуле?

— В эту пору года, наверное, мало пассажиров? — спросил Пуаро.

— Совершенно верно, мосье. Кроме вас, в вагоне всего два пассажира — оба англичане. Полковник из Индии и молодая англичанка из Багдада. Что еще угодно мосье?

Мосье заказал маленькую бутылку перье^[88].

Начинать путешествие в пять часов утра не слишком удобно. Надо как-то скоротать еще два часа до рассвета. Довольный тем, что успешно справился со щекотливой миссией, Пуаро забился в угол, свернулся клубочком и заснул с сознанием, что ему вряд ли придется выспаться.

Проснулся он уже в половине десятого и отправился в вагон-ресторан выпить кофе.

В вагоне-ресторане сидела всего одна посетительница, очевидно, та самая молодая англичанка, о которой упоминал проводник. Высокая, стройная брюнетка лет двадцати восьми. Держалась она непринужденно, и

по тому, как она ела, как приказала официанту принести еще кофе, видно было, что она бывалая путешественница. Одета она была в темный дорожный костюм из какого-то тонкого материала — весьма уместный при здешней духоте.

Мосье Эркюль Пуаро от нечего делать исподтишка разглядывал англичанку.

«Решительная молодая женщина, — заключил он, — такая никогда не потеряет голову». У нее были непринужденные манеры и деловой вид. Ему, пожалуй, даже понравились ее строгие, правильные черты и прозрачная бледность кожи. Понравились волосы цвета воронова крыла, уложенные аккуратными волнами, и серые глаза, холодные и бесстрастные. «Но хорошенькой ее никак не назовешь, — решил он, — уж слишком она деловитая».

Вскоре в ресторан вошел еще один посетитель. Высокий мужчина не то за сорок, не то под пятьдесят. Худощавый, загорелый, с седеющими висками.

«Полковник из Индии», — подумал Пуаро.

Вошедший поклонился девушке:

— Доброе утро, мисс Дебенхэм.

— Доброе утро, полковник Арбэтнот.

Полковник остановился около девушки, оперся о спинку стула по другую сторону столика.

— Вы не возражаете? — спросил он.

— Конечно нет. Садитесь.

— Знаете, за завтраком не очень-то хочется разговаривать.

— Вот именно. Но не бойтесь, я не кусаюсь.

Полковник сел.

— Человек! — властно подозвал он официанта и заказал яйца и кофе.

Взгляд его задержался на Эркюле Пуаро, но тут же равнодушно скользнул дальше. Эркюль Пуаро — он хорошо знал англичан — прочел мысль полковника: «Всего-навсего паршивый иностранец!»

Англичане, как им и полагалось, почти не разговаривали. Они обменялись несколькими фразами, после чего девушка встала и вернулась в свое купе.

За обедом они снова сидели за одним столиком и снова не замечали третьего пассажира. Теперь их разговор протекал более оживленно, чем во время завтрака. Полковник Арбэтнот рассказывал о Пенджабе^[89] и время от времени расспрашивал девушку о Багдаде, где, как выяснилось из разговора, она служила гувернанткой. Обнаружив в ходе беседы общих друзей, они сразу же оживились, стали менее чопорными. Вспоминали старину Томми Такого-то и Джерри Сякого-то. Полковник осведомился, едет ли мисс Дебенхэм прямо в Англию или остановится в Стамбуле.

— Нет, я не собираюсь останавливаться в Стамбуле.

— И вы об этом не жалеете?

— Я проделала такой же путь два года назад и провела тогда три дня в Стамбуле.

— Понятно. Что ж, должен сказать, я со своей стороны только рад этому: я ведь тоже не буду останавливаться в Стамбуле.

Он неловко поклонился и слегка покраснел.

«А наш полковник чувствителен к женским чарам», — подумал Эркюль Пуаро. Эта мысль его позабавила. Что ж, поездки по железной дороге способствуют романам не меньше морских путешествий.

Мисс Дебенхэм ответила, что ей это тоже очень приятно, но весьма сдержанным тоном.

Пуаро отметил, что полковник проводил ее до купе.

Экспресс въехал в живописные Таврские горы. Когда в окне показались Киликийские ворота^[90], Пуаро — он стоял неподалеку от англичан — услышал, как девушка со вздохом прошептала:

— Какая красота! Жаль, что я...

— Что вы, что?..

— Жаль, что я не могу наслаждаться ею!

Арбэтнот не ответил. На его квадратной челюсти заходили желваки.

— Видит Бог, я много дал бы, чтобы избавить вас от этого.

— Тише, умоляю вас! Тише!

— Хорошо, хорошо! — Полковник метнул сердитый взгляд в сторону Пуаро и продолжал: — Мне неприятно, что вам приходится служить в гувернантках и быть на побегушках у сумасбродных мамаш и их капризных отпрысков.

Она весело засмеялась — обычная сдержанность покинула ее:

— Помилуйте, забытые гувернантки отошли в далекое прошлое. Уверю вас, не я боюсь родителей, а они меня.

Они замолчали. Арбэтнот, по-видимому, застеснялся своего порыва.

«Интересная комедия здесь разыгрывается», — отметил Пуаро.

Это наблюдение он потом не раз вспоминал.

В Конью они прибыли поздно вечером, в половине двенадцатого. Англичане вышли на платформу размяться и теперь прохаживались взад-вперед по заснеженному перрону.

Пуаро довольствовался тем, что наблюдал за бурной жизнью станции в окошко. Однако минут через десять он решил, что и ему не вредно подышать воздухом. Он тщательно оделся: облачился во всевозможные жилеты и пиджаки, обмотался шарфами и натянул на изящные ботинки калоши. Укутанный таким образом, он нетвердыми шагами спустился по лесенке, принялся мерить шагами перрон и так дошел до его конца.

Только по голосам он опознал две темные фигуры, смутно вырисовывающиеся в тени багажного вагона.

Говорил Арбэтнот:

— Мэри...

Девушка взволнованно прервала его:

— Нет, нет, не сейчас! Когда все будет кончено... Когда все будет позади... тогда...

Мосье Пуаро незаметно удалился. Он был озадачен: он едва узнал голос мисс Дебенхэм, всегда такой бесстрастной и деловой.

«Любопытно», — сказал он про себя.

Назавтра ему показалось, что англичане поссорились. Они почти не разговаривали. Девушка казалась встревоженной. Под глазами у нее темнели синие круги.

В половине третьего поезд неожиданно остановился. Из окон выглядывали пассажиры. Небольшая группка людей, столпившихся возле рельсов, что-то показывала друг другу, тыча пальцами под вагон-ресторан.

Пуаро высунулся в окно, подозвал пробежавшего мимо проводника. Проводник объяснил, в чем дело. Пуаро втянул голову в вагон, повернулся и едва не толкнул при этом Мэри Дебенхэм, которая стояла за его спиной.

— В чем дело? — спросила она по-французски, голос ее прерывался от волнения. — Почему мы стоим?

— Пустяки, мадемуазель. Что-то загорелось под вагоном-рестораном. Ничего серьезного. Пожар уже погасили. Повреждение быстро устранят. Уверяю вас, никакой опасности нет.

Она небрежно махнула рукой, показывая, что пожар ее нисколько не пугает.

— Да, да, понимаю. Но сколько времени потеряно!

— Времени?

— Ну да, мы опоздаем...

— Вполне вероятно, — согласился Пуаро.

— Но я не могу опоздать! Поезд прибывает в Стамбул в шесть пятьдесят пять, а мне еще нужно пересечь Босфор^[91] и попасть на экспресс СИМПЛОН — ВОСТОК, который отходит в девять часов от другого берега. Если мы потеряем здесь час или два, я опоздаю на пересадку.

— Вполне вероятно, — согласился Пуаро.

Он с любопытством наблюдал за ней. Рука ее на раме окна дрожала, губы тряслись.

— Это так важно для вас, мадемуазель? — спросил он.

— Да. Очень важно. Я непременно должна попасть на этот поезд.

Она повернулась и пошла навстречу полковнику Арбэтноту, показавшемуся в конце коридора.

Опасения ее, однако, оказались напрасными. Не прошло и десяти минут, как поезд тронулся. Наверстав упущенное время, он прибыл в Хайдарпашу с опозданием всего на пять минут. Босфор в этот день бушевал — мосье Пуаро переправа далась нелегко. На пароходе он потерял из виду своих спутников и больше так и не встретился с ними.

От Галатского моста он поехал прямо в отель «Токатлиан».

Глава 2

Отель «Токатлиан»

В «Токатлиане» Эркюль Пуаро заказал номер с ванной. Потом подошел к конторке и спросил швейцара, нет ли для него писем.

Его ждали три письма и телеграмма. Увидев телеграмму, он удивленно вскинул брови. Вот уж чего никак не ожидал.

Как обычно, неторопливо и аккуратно, Пуаро развернул бланк. Четко напечатанный текст гласил:

«Неожиданно возникли осложнения, предсказанные Вами в деле Касснера, просим возвратиться».

— Voila se qui est embetant!^[92] — пробормотал Пуаро раздраженно.

Он взглянул на часы.

— Мне придется выехать сегодня же, — сказал он швейцару. — В какое время уходит экспресс СИМПЛОН — ВОСТОК?

— В девять часов, мосье.

— Вы можете купить билет в спальный вагон?

— Разумеется, мосье. Зимой это не составляет никакого труда. Поезда почти пустые. Вы хотите ехать первым классом или вторым?

— Первым.

— Отлично. Куда едет мосье?

— В Лондон.

— Хорошо, мосье. Я возьму вам билет до Лондона и закажу место в спальном вагоне СТАМБУЛ — КАЛЕ^[93].

Пуаро снова взглянул на часы. Было без десяти восемь.

— Я успею поужинать?

— Разумеется, мосье.

Пуаро кивнул. Он подошел к конторке администратора, отказался от номера и проследовал через холл в ресторан.

Пуаро заказывал обед, когда на его плечо легла рука.

— Ah! Mon vieux^[94], — раздался голос у него за спиной, — вот уж кого не чаял увидеть!

Пуаро обернулся — приземистый пожилой толстяк с жестким ежиком волос радостно улыбался ему.

Пуаро вскочил:

— Мосье Бук!

— Мосье Пуаро!

Мосье Бук тоже был бельгиец, он служил директором Международной компании спальных вагонов; его знакомство с бывшим светилом бельгийской полиции уходило в глубь времен.

— А вы далеко заехали от дома, старина, — сказал мосье Бук.

— Расследовал одно небольшое дельце в Сирии.

— Вот оно что! И когда возвращаетесь домой?

— Сегодня же.

— Великолепно. Я тоже еду. Вернее, я еду только до Лозанны^[95], у меня там дела. Вы, я полагаю, едете экспрессом СИМПЛОН-ВОСТОК?

— Да, я только что попросил достать мне купе. Рассчитывал пробыть здесь несколько дней, но неожиданно получил телеграмму — меня вызывают в Англию по важному делу.

— Ох уж эти дела, — вздохнул мосье Бук. — Зато вы теперь мировая знаменитость, мой друг!

— Да, кое-каких успехов мне удалось достичь, — сказал Пуаро, стараясь выглядеть скромно, что, однако, ему не удалось.

Бук засмеялся.

— Встретимся позже, — сказал он.

И Пуаро всецело сосредоточился на том, как бы уберечь от супа свои длинные усы. Справившись с этим, он в ожидании, пока ему принесут второе блюдо, стал разглядывать публику. В ресторане было всего человек пять-шесть, но из них Пуаро заинтересовался только двумя.

Они сидели неподалеку от него. Младший был симпатичный молодой человек лет тридцати, явно американец. Однако внимание маленького сыщика привлек не столько он, сколько его собеседник — мужчина лет шестидесяти, если не семидесяти. На первый взгляд у него была

благодушная внешность типичного филантропа. Лысеющая голова, высокий лоб, улыбка, открывавшая два ряда неправдоподобно белых вставных зубов, — все, казалось, говорило о доброте. И только глаза — маленькие, глубоко посаженные, лживые — противоречили этому впечатлению. Впрочем, не они одни. Сказав что-то своему спутнику, старик оглядел комнату, взгляд его на мгновение задержался на Пуаро, и в нем неожиданно промелькнули недоброжелательство и непонятная тревога.

Он тут же поднялся.

— Заплатите по счету, Гектор, — сказал он. Голос у него был хрипловатый. В нем таилась какая-то странная, приглушенная угроза.

Когда Пуаро встретился со своим другом в вестибюле, американцы покидали отель. Портье сносил в машину чемоданы. Молодой человек присматривал за ним. Потом открыл стеклянную дверь и сказал:

— Все готово, мистер Рэтчетт.

Старик что-то буркнул и вышел.

— Что вы думаете об этой паре? — спросил Пуаро.

— Они американцы, — сказал мосье Бук.

— Это само собой разумеется. Я хотел спросить, как они вам понравились?

— Молодой человек показался мне симпатичным.

— А тот, второй?

— Сказать по правде, мой друг, он произвел на меня неприятное впечатление. Нет, он решительно мне не понравился. А вам?

Пуаро помедлил с ответом.

— Когда там, в ресторане, он прошел мимо меня, — сказал наконец Пуаро, — у меня появилось странное ощущение, словно мимо меня прошел дикий, вернее сказать, хищный зверь — понимаете меня? — настоящий хищник!

— Но вид у него самый что ни на есть респектабельный.

— Вот именно! Тело как клетка: снаружи все очень респектабельно, но сквозь прутья выглядывает хищник!

— У вас богатое воображение, старина, — сказал мосье Бук.

— Может быть, и так. Но я не могу отделаться от впечатления, что само зло прошло совсем рядом со мной.

— Вы про этого почтенного американца?

— Да, про этого почтенного американца.

— Что ж, — сказал мосье Бук жизнерадостно. — Возможно, вы и правы. На свете так много зла.

Двери отворились, к ним подошел швейцар. Вид у него был озабоченный и виноватый.

— Это просто невероятно, мосье! — обратился он к Пуаро. — Все купе первого класса в этом поезде проданы.

— Как? — вскричал мосье Бук. — Сейчас? В мертвый сезон? Не иначе, как едет группа журналистов или политическая делегация.

— Не могу знать, сэр, — почтительно вытянулся швейцар. — Но купе достать невозможно.

— Ну, ничего, — обратился мосье Бук к Пуаро. — Не беспокойтесь, мой друг. Что-нибудь придумаем. На крайний случай мы оставляем про запас одно купе — купе номер шестнадцать. Проводник всегда придерживает его. — Он улыбнулся и взглянул на часы: — Нам пора.

На станции мосье Бука почтительно приветствовал проводник спального вагона, облаченный в коричневую форму.

— Добрый вечер, мосье. Вы занимаете купе номер один.

Он подозвал носильщиков, и те покатали багаж к вагону, на жестяной табличке которого значилось: СТАМБУЛ-ТРИЕСТ-КАЛЕ.

— Я слышал, у вас сегодня все места заняты.

— Нечто небывалое, мосье. Похоже, весь свет решил путешествовать именно сегодня.

— И тем не менее вам придется подыскать купе для этого господина. Он мой друг, так что можете отдать ему купе номер шестнадцать.

— Оно занято, мосье.

— Как? И шестнадцатое занято?

Они обменялись понимающими взглядами, и проводник — высокий мужчина средних лет, с бледным лицом — улыбнулся:

— Я уже говорил, мосье, что у нас все до единого места заняты.

— Да что тут происходит? — рассердился мосье Бук. — Уж не конференция ли где-нибудь? Или едет делегация?

— Нет, мосье, чистая случайность. По простому совпадению все эти люди решили выехать именно сегодня.

Мосье Бук раздраженно щелкнул языком.

— В Белграде, — сказал он, — прицепят афинский вагон и вагон БУХАРЕСТ — ПАРИЖ, но в Белград мы прибудем только завтра вечером. Значит, вопрос в том, куда поместить вас на эту ночь. У вас нет свободного места в купе второго класса? — обратился он к проводнику.

— Есть одно место во втором классе, мосье...

— Ну, так в чем же дело?

— Видите ли, туда можно поместить только женщину. Там уже едет одна немка — горничная нашей пассажирки.

— Как неудачно! — сказал мосье Бук.

— Не огорчайтесь, мой друг, — сказал Пуаро. — Я могу поехать в обыкновенном вагоне.

— Ни в коем случае! — Мосье Бук снова повернулся к проводнику: — Скажите, все места заняты?

— По правде сказать, одно место пока свободно, — не сразу ответил проводник.

— Продолжайте!

— Место номер семь в купе второго класса. Пассажир пока не прибыл, но остается еще четыре минуты до отхода поезда.

— Кто такой?

— Какой-то англичанин. — Проводник заглянул в список: — Некий А. М. Харрис.

— Хорошее предзнаменование, — сказал Пуаро. — Если я не забыл еще Диккенса — мистер Харрис^[96] не появится.

— Отнесите багаж мосье на седьмое место, — приказал мосье Бук. — А если этот мистер Харрис появится, скажете ему, что он опоздал: мы не можем так долго держать для него место, — словом, так или иначе уладьте это дело. И вообще, какое мне дело до мистера Харриса?

— Как вам будет угодно, — сказал проводник и объяснил носильщику, куда нести багаж. Потом, отступив на шаг, пропустил Пуаро в поезд. — В самом конце, мосье, — окликнул он, — ваше купе предпоследнее.

Пуаро продвигался довольно медленно: чуть не все отъезжающие толпились в коридоре. Поэтому он с регулярностью часового механизма то и дело извинялся. Наконец добравшись до отведенного ему купе, он застал там высокого молодого американца из отеля «Токатлиан» — тот забрасывал чемодан на полку.

При виде Пуаро он нахмурился.

— Извините, — сказал он. — Боюсь, что вы ошиблись, — и старательно повторил по-французски: — Je crois que vous avez une erreur.

Пуаро ответил по-английски:

— Вы мистер Харрис?

— Нет, меня зовут Маккуин. Я...

В этот момент за спиной Пуаро раздался виноватый, пресекающийся голос проводника:

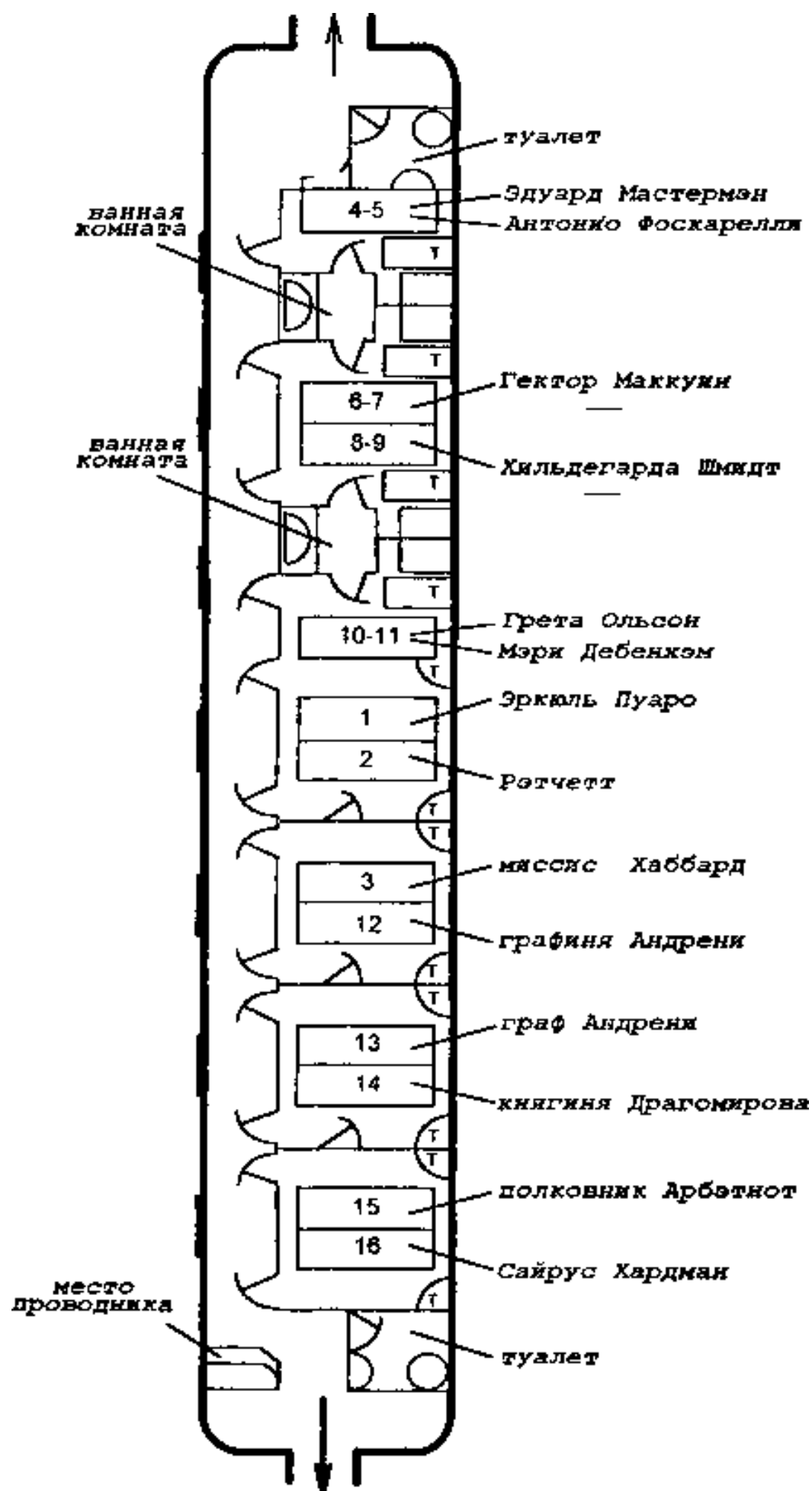
— В вагоне больше нет свободных мест, мосье. Господину придется ехать в вашем купе.

С этими словами проводник опустил окно в коридор и начал принимать от носильщика багаж Пуаро.

Пуаро позабавили виноватые нотки в голосе проводника. Наверняка ему пообещали хорошие чаевые, если он больше никого не впустит в купе. Однако даже самые щедрые чаевые бессильны помочь, если речь идет о приказе директора компании.

Закинув чемоданы на полку, проводник вынырнул из купе:

— Все в порядке, мосье. Ваше место седьмое, верхняя полка. Через минуту поезд отправляется. — Он кинулся в конец коридора.

направление движения поезда

СХЕМА ПАССАЖИРСКОГО ВАГОНА ЭКСПРЕССА «ТАВРИЯ»

Пуаро вернулся в купе.

— Где это видано, чтобы проводник сам втаскивал багаж! — заметил он весело. — Сказать — не поверят!

Попутчик улыбнулся. Он, судя по всему, справился с раздражением, видно, решил, что следует отнестись к этой неприятности философски.

— Поезд, как ни странно, набит до отказа, — сказал он.

Раздался свисток дежурного, потом долгий тоскливый паровозный гудок. Мужчины вышли в коридор.

На перроне прокричали:

— En voiture!

— Поехали, — сказал Маккуин.

Но они не тронулись с места. Свисток раздался вновь.

— Слушайте, сэр, — сказал вдруг молодой человек, — может, вы хотите ехать на нижней полке — знаете ли, удобнее и все такое... пожалуйста, мне совершенно все равно, где ехать.

«Приятный молодой человек», — подумал Пуаро.

— Нет, нет, что вы, — запротестовал он, — мне бы не хотелось вас стеснять...

— Право, мне совершенно...

— Но мне неловко...

Последовал обмен любезностями.

— Я проведу здесь всего одну ночь, — объяснил Пуаро. — В Белграде...

— Понятно. Вы сходите в Белграде?

— Не совсем так. Видите ли...

Вагон дернуло. Мужчины повернулись к окну — стали смотреть, как мимо них проплывает длинный, залитый огнями перрон.

Восточный экспресс отправился в трехдневное путешествие по Европе.

Глава 3

Пуаро отказывает клиенту

На другой день Эркюль Пуаро явился в вагон-ресторан к обеду с небольшим опозданием. Встал он рано, завтракал чуть не в полном одиночестве, потом все утро изучал записи по делу, из-за которого его вызвали в Лондон. Своего спутника он почти не видел.

Мосье Бук — он уже сидел за столиком — приветственно помахал рукой, приглашая своего друга занять место напротив него. Вскоре Пуаро понял, за какой стол он попал, — его обслуживали первым и подавали самые лакомые блюда. Еда тут, надо сказать, была удивительно хороша.

Мосье Бук позволил себе отвлечь внимание от трапезы лишь тогда, когда они перешли к нежному сливочному сыру. Мосье Бук был уже на той стадии насыщения, когда тянет философствовать.

— Будь у меня талант Бальзака^[97], — вздохнул он, — я бы обязательно описал вот это! — И он обвел рукой ресторан.

— Неплохая мысль, — сказал Пуаро.

— Вы со мной согласны? Кажется, такого в литераторе еще не было. А между тем в этом есть своя романтика, друг мой. Посмотрите — вокруг нас люди всех классов, всех национальностей, всех возрастов. В течение трех дней эти совершенно чужие друг другу люди неразлучны — они спят, едят под одной крышей. Проходит три дня, они расстаются с тем, чтобы никогда больше не встретиться, и каждый идет своим путем.

— Однако, — сказал Пуаро, — представьте какой-нибудь несчастный случай...

— Избави Бог, мой друг...

— Я понимаю, что с вашей точки зрения это было бы весьма нежелательно. И все же давайте хоть на минуту представим себе такую возможность. Предположим, что всех людей, собравшихся здесь, объединила, ну, скажем, к примеру, смерть.

— Не хотите ли еще вина? — предложил мосье Бук и поспешно разлил вино по бокалам. — Вы мрачно настроены, мой друг. Наверное, виновато пищеварение.

— Вы правы в одном, — согласился Пуаро, — мой желудок мало приспособлен к сирийской кухне.

Он отхлебнул вина. Откинулся на спинку стула и задумчиво окинул взглядом вагон. В ресторане сидело тринадцать человек, и, как верно подметил мосье Бук, здесь были представители самых разных классов и национальностей. Пуаро внимательно их разглядывал.

За столом напротив сидели трое мужчин. Ресторанный официант с присущим ему безошибочным чутьем распознал мужчин, путешествующих в одиночку, и собрал их за один столик. Смуглый верзила итальянец смачно ковырял в зубах. Напротив него сидел тощий прилизанный англичанин с брюзгливым невозмутимым лицом типичного слуги из хорошего дома. Рядом с англичанином развалился огромный американец в пестром пиджаке — скорее всего коммивояжер.

— В нашем деле главное — размах, — говорил он зычным гнусавым голосом.

Итальянец, вытащив изо рта зубочистку, размахивал ею.

— Ваша правда. И я то же говорю, — сказал он.

Англичанин поглядел в окно и откашлялся.

Пуаро перевел взгляд в глубь вагона. За маленьким столиком сидела прямая как палка, на редкость уродливая старуха. Однако уродство ее было странного характера — оно скорее завораживало и притягивало, чем отталкивало. Ее шею обвивали в несколько рядов нити очень крупного жемчуга, причем, как ни трудно было в это поверить, настоящего. Пальцы ее были унизаны кольцами. На плечи накинута соболья шуба. Элегантный бархатный ток^[98] никак не красил желтое жабье лицо.

Спокойно и вежливо, но в то же время властно она разговаривала с официантом:

— Будьте добры, позаботьтесь, чтобы мне в купе поставили бутылку минеральной воды и большой стакан апельсинового сока. И распорядитесь, чтобы к ужину приготовили цыпленка — никакого соуса не нужно — и отварную рыбу.

Официант почтительно заверил ее, что все будет исполнено. Она милостиво кивнула ему и встала. Взгляд ее на мгновение остановился на Пуаро и с подлинно аристократической небрежностью скользнул по нему.

— Это княгиня Драгомирова, — сказал Бук тихо, — она русская. Ее муж еще до революции перевел все свои капиталы за границу. Баснословно богата. Настоящая космополитка.

Пуаро кивнул. Он был наслышан о княгине Драгомировой.

— Незаурядный характер, — сказал мосье Бук. — Страшна как смертный грех, но умеет себя поставить. Вы согласны?

Пуаро был согласен.

За другим столиком, побольше, сидели Мэри Дебенхэм и еще две женщины. Высокая, средних лет особа в клетчатой блузе и твидовой^[99] юбке, с желтыми выцветшими волосами, собранными на затылке в большой узел, — прическа эта совершенно не шла к ее очкам и длинному добродушному лицу, в котором было что-то овечье, — внимательно слушала третью женщину, толстую пожилую американку с симпатичным лицом. Та медленно и заунывно рассказывала что-то, не останавливаясь даже, чтобы перевести дух:

— И тут моя дочь и говорит: «Мы не можем применять, — говорит она, — в этой стране наши американские методы. Люди здесь от природы ленивые. Они просто не могут спешить». И тем не менее наш колледж достиг замечательных успехов. Там такие прекрасные учителя! Да, образование — великая вещь. Мы должны внедрять наши западные идеалы и добиться, чтобы Восток признал их. Моя дочь говорит...

Поезд нырнул в туннель. И заунывный голос стал неслышен.

Дальше за маленьким столиком сидел в полном одиночестве полковник Арбэнтот. Он не сводил глаз с затылка Мэри Дебенхэм. Теперь они сидели порознь. А ведь ничто не мешало им сидеть вместе. В чем же дело?

«Возможно, — подумал Пуаро, — на этом настояла Мэри Дебенхэм. Гувернантке приходится соблюдать осторожность. Ей нельзя пренебрегать приличиями. Девушке, которая должна зарабатывать себе на жизнь, приходится быть благоразумной».

Он перевел взгляд на столики по другую сторону вагона. В дальнем конце, у самой стены, сидела немолодая женщина, одетая в черное, с крупным невыразительным лицом. «Немка или шведка, — подумал он. — По всей вероятности, та самая немка-горничная».

За следующим столиком мужчина и женщина оживленно разговаривали, наклонясь друг к другу. Несмотря на свободный твидовый костюм английского покроя, мужчина был явно не англичанин. И хотя Пуаро видел его только сзади, но форма и посадка головы выдавали его континентальное происхождение. Рослый мужчина, хорошо сложенный. Внезапно он повернул голову, и Пуаро увидел его профиль. Очень красивый мужчина лет тридцати, с большими русыми усами.

Женщина, сидевшая напротив, была совсем юной — лет двадцати, не больше. Одета она была в облегающий черный костюм, белую английскую блузку, сдвинутая набок элегантная черная шляпка лишь чудом держалась на ее голове. Она была красива экзотической, непривычной красотой — матово-бледная кожа, огромные карие глаза, иссиня-черные волосы. Она

курила сигарету в длиннющем мундштуке. Ногти на выхоленных руках были кроваво-красного цвета. Всего одно кольцо — большой изумруд, оправленный в платину, сверкал на ее пальце. Ее поведение свидетельствовало о кокетливом характере.

— Elle est jolie et chic^[100], — пробормотал Пуаро. — Муж и жена, я угадал?

Мосье Бук кивнул.

— Кажется, они из венгерского посольства, — сказал он. — Красивая пара.

Кроме Пуаро, только Маккуин и его хозяин мистер Рэтчетт еще не кончили обедать. Последний сидел напротив Пуаро, и тот еще раз пригляделся к этому неприятному лицу, отметил обманчивое добродушие черт и злое выражение крошечных глазок. Мосье Бук, очевидно, заметил, как переменялось лицо его друга.

— Это вы на хищника смотрите? — спросил он.

Пуаро кивнул.

Тут Пуаро принесли кофе, и мосье Бук встал. Он приступил к обеду несколько раньше и поэтому давно с ним расправился.

— Я иду к себе, — сказал он, — Приходите сразу после обеда поболтать.

— С удовольствием.

Пуаро не спеша выпил кофе и заказал ликер. Официант обходил столики — получал деньги по счету и складывал в коробочку. По вагону-ресторану разносился жалобный голос пожилой американки:

— Дочь мне говорит: «Приобрати книжку талонов на питание — и не будешь знать никаких забот». Как бы не так — никаких забот! А им, выходит, десять процентов чаевых надо давать, да за минеральную воду платить — и вода еще какая-то подозрительная. Ни эвианской минеральной^[101], ни виши^[102] у них нет — как это понимать?

— Они должны... э-э... как это по-английски... должны давать местная вода, — объяснила дама с овечьим лицом.

— Да, а я все равно этого не пойму. — Американка с отвращением посмотрела на лежащую перед ней кучку мелочи. — Вы посмотрите, чего он мне надавал! Это динары^[103] или нет? Какой-то у них сомнительный вид. Моя дочь говорит...

Мисс Дебенхэм отодвинула стул и, кивнув соседкам по столу, удалилась. Полковник Арбэтнот поднялся и вышел вслед за ней. За ним, собрав презренные динары, двинулась американка, а за ней дама с овечьим лицом. Венгры ушли еще раньше, и теперь в ресторане остались только Пуаро, Рэтчетт и Маккуин. Рэтчетт сказал что-то своему секретарю, после чего тот поднялся и пошел к выходу. Рэтчетт тоже встал, но, вместо того чтобы последовать за Маккуином, неожиданно опустился на стул напротив Пуаро.

— У вас не найдется спичек? — спросил он. Голос у него был тихий и немного гнусавый. — Моя фамилия Рэтчетт.

Пуаро слегка поклонился, полез в карман, вытащил коробок и вручил его собеседнику. Рэтчетт взял коробок, но прикуривать не стал.

— Если не ошибаюсь, — сказал он, — я имею честь говорить с мистером Эркюлем Пуаро. Не так ли?

Пуаро снова поклонился:

— Совершенно верно, мосье.

Сыщик чувствовал, как сверлят его злобные глазки собеседника, — тот, казалось, оценивает его, прежде чем снова заговорить.

— У меня на родине, — сказал он наконец, — мы привыкли брать быка за рога. Мосье Пуаро, я хочу предложить вам одну работу.

Пуаро приподнял брови:

— Я весьма сузил круг своих клиентов, мосье. Теперь я берусь лишь за исключительные случаи.

— Я вполне вас понимаю. Но речь идет о больших деньгах, мосье Пуаро. — И повторил тихо и вкрадчиво: — Об очень больших деньгах.

Пуаро помолчал минуту-две, потом сказал:

— Какого рода работу вы хотите, чтобы я выполнил для вас, мистер... э... Рэтчетт?

— Мосье Пуаро, я богатый человек, даже очень богатый. А у людей в моем положении бывают враги. У меня есть враг.

— Только один?

— Что вы хотите этим сказать? — взвился Рэтчетт.

— Мосье, мой опыт подсказывает, что, когда у человека, как вы сами сказали, могут быть враги, одним врагом дело не ограничивается.

Ответ Пуаро как будто успокоил Рэтчетта.

— Я понимаю, что вы имели в виду, — сказал он. — Враг или враги — не это суть важно. Важно оградить меня от них и обеспечить мою безопасность.

— Безопасность?

— Моя жизнь в опасности, мосье Пуаро. Должен вам сказать, что я умею за себя постоять. — И он вытянул из кармана пиджака небольшой пистолет. — Я не дурак, и меня не захватишь врасплох, — продолжал он угрюмо. — Однако, мне думается, в таком случае имеет смысл подстраховаться. Я считаю, что вы именно тот человек, который мне нужен. И денег я не пожалею. Учтите, больших денег.

Пуаро задумчиво смотрел на Рэтчетта. Прошло несколько минут. Лицо великого сыщика было непроницаемо.

— Весьма сожалею, мосье, — сказал он наконец, — но никак не могу принять ваше предложение.

Рэтчетт понимающе на него посмотрел.

— Назовите вашу сумму, — сказал он.

Пуаро покачал головой:

— Вы меня не поняли, мосье. Я добился в своей профессии известного успеха. И заработал достаточно денег, чтобы удовлетворить не только мои нужды, но и мои прихоти. Так что теперь я беру лишь дела, представляющие для меня интерес.

— А у вас крепкая хватка, — сказал Рэтчетт. — Ну а двадцать тысяч долларов вас не соблазнят?

— Нет, мосье.

— Если вы хотите вытянуть из меня больше, этот номер не пройдет. Я знаю, что почему.

— Я тоже, мистер Рэтчетт.

— Чем же вас не устраивает мое предложение?

Пуаро встал.

— Не хотелось бы переходить на личности, но мне не нравитесь вы, мистер Рэтчетт, — сказал Пуаро и вышел из вагона.

Глава 4

Крик в ночи

Экспресс СИМПЛОН — ВОСТОК прибыл в Белград без четверти девять. Здесь предстояла получасовая стоянка, и Пуаро вышел на перрон. Однако гулял он очень недолго. Стоял сильный мороз, мела метель, навес над перроном служил плохой защитой, и Пуаро вскоре вернулся к своему вагону. Проводник — чтобы согреться, он изо всех сил бил в ладоши и топал ногами — обратился к Пуаро:

— Ваши чемоданы, мосье, перенесли в купе номер один, прежде его занимал мосье Бук.

— А где же мосье Бук?

— Он перебрался в афинский вагон — его только что прицепили.

Пуаро пошел разыскивать своего друга, но тот решительно отмахнулся от него:

— Что за пустяки! Так будет лучше. Ведь вы едете в Англию, и вам удобнее ехать до Кале без пересадок. А мне и здесь очень хорошо. Вагон совсем пустой, я и грек-доктор — вот и все пассажиры. До чего мерзкая погода, мой друг. Говорят, такого снегопада не было уже много лет. Будем надеяться, что заносы нас не задержат. Должен вам признаться, меня они очень тревожат.

Ровно в 9.15 поезд тронулся. Вскоре Пуаро встал, пожелал мосье Буку спокойной ночи и вернулся в свой вагон, который был сразу за рестораном.

На второй день путешествия барьеры, разделявшие пассажиров, стали рушиться. Полковник Арбэтнот, стоя в дверях своего купе, разговаривал с Маккуином.

Увидев Пуаро, Маккуин оборвал разговор на полуслове. На лице его изобразилось живейшее изумление.

— Как же так? — воскликнул он. — Я думал, вы сошли. Вы же сказали, что сойдете в Белграде.

— Вы меня не так поняли, — улыбнулся Пуаро. — Теперь я вспоминаю: как раз, когда мы заговорили об этом, поезд тронулся.

— Но как же... А ваш багаж — куда он делся?

— Его перенесли в другое купе, только и всего.

— Понимаю...

Он возобновил разговор с Арбэтнотом, и Пуаро прошел дальше.

За две двери от его купе пожилая американка миссис Хаббард разговаривала с похожей на овцу шведской дамой. Миссис Хаббард навязывала ей какой-то журнал:

— Нет, нет, берите, берите его, голубушка, у меня есть что читать. Ужасный холод, правда? — приветливо кивнула она Пуаро.

— Не знаю, как вас благодарить, — говорила шведка.

— Пустяки! Хорошенько выпитесь, и тогда утром у вас не будет болеть голова.

— Это все от простуды. Пойду приготовлю себе чашечку чаю.

— У вас есть аспирин? Вы уверены? А то у меня большие запасы.

Спокойной ночи, голубушка.

Как только ее собеседница отошла, американка обратилась к Пуаро:

— Бедняга шведка. Насколько я понимаю, она работает в какой-то миссии — что-то там преподает. Добрейшее существо, жаль, что она так плохо говорит по-английски. Ей было очень интересно послушать о моей дочери.

Пуаро знал уже решительно все о дочери миссис Хаббард. Да и остальные пассажиры тоже — во всяком случае, те, которые понимали по-английски. Как они с мужем работают в большом американском колледже в Смирне^[104], и как миссис Хаббард в первый раз поехала на Восток, и какие неряшливые турки, и какие ужасные у них дороги.

Дверь соседнего купе отворилась. Из нее вышел тощий и бледный лакей. Пуаро мельком увидел Рэтчетта — тот сидел на постели. При виде Пуаро лицо его почернело от злобы. Дверь тут же закрылась.

Миссис Хаббард отвела Пуаро в сторону:

— Знаете, я ужасно боюсь этого человека. Нет, нет, не лакея, а его хозяина. Тоже мне, хозяин! Мне он подозрителен. Моя дочь всегда говорит, что у меня очень развита интуиция. «Уж если мамочке кто не понравится, — говорит она, — значит, это неспроста». А этот человек мне сразу не понравился. И надо же, чтобы он оказался моим соседом. Прошлой ночью я даже приставила к двери свои вещи. Мне показалось, он дергает дверную ручку. И знаете, я бы ничуть не удивилась, если бы он оказался убийцей, из тех самых, что орудуют в поездах. Может, это и глупые страхи, но я ничего не могу с собой поделать. Я его до смерти боюсь. Дочь мне говорила, что я и сама не замечу, как окажусь дома, а у меня на сердце все равно беспокойно. Может быть, это и глупые страхи, но я чувствую, что вот-вот случится что-то ужасное. И как только этот симпатичный молодой человек может у него работать?

Навстречу им шли Маккуин и полковник Арбэтнот.

— Пойдемте ко мне, — говорил Маккуин, — у меня еще не стелили на ночь. Так вот, скажите мне откровенно, почему ваша политика в Индии...

Миновав их, мужчины скрылись в купе Маккуина.

Миссис Хаббард попрощалась с Пуаро.

— Пойду лягу, почитаю на сон грядущий, — сказала она. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Пуаро прошел в свое купе — оно было рядом с купе Рэтчетта. Разделся, лег в постель, почитал с полчаса и погасил свет.

Через несколько часов он проснулся — его словно подкинуло. Его разбудил громкий стон, почти крик где-то рядом — это он помнил. И почти одновременно раздался звонок.

Пуаро сел на кровати, включил свет. Он заметил, что поезд стоит — наверное, на какой-то станции.

Крик взбудоражил его. Пуаро вспомнил, что рядом с ним купе Рэтчетта. Он встал и приоткрыл дверь в коридор — проводник, прибежавший из другого конца вагона, постучал в дверь Рэтчетта. Пуаро наблюдал за ним через щелку в двери. Проводник постучал второй раз. В это время зазвонил звонок и замигала лампочка еще на одной двери дальше по коридору. Проводник оглянулся.

За дверью соседнего купе сказали:

— Ce n'est rien. Je me suis trompé^[105].

— Хорошо, мосье. — Проводник заторопился к двери, на которой зажглась лампочка.

С облегчением вздохнув, Пуаро лег и, перед тем как потушить свет, взглянул на часы. Было без двадцати трех час.

Глава 5

Преступление

Ему не сразу удалось заснуть. Во-первых, мешало, что поезд стоит. Если это станция, то почему на перроне так тихо? В вагоне же, напротив, было довольно шумно. Пуаро слышал, как в соседнем купе возится Рэтчетт: звякнула затычка, в умывальник полилась вода; слышался плеск и снова звякнула затычка. По коридору зашаркали шаги — кто-то шел в шлепанцах.

Пуаро лежал без сна, глядя в потолок. Почему на станции так тихо? В горле у него пересохло. Как нарочно, он забыл попросить, чтобы ему принесли минеральной воды. Пуаро снова посмотрел на часы. Четверть второго. Надо позвонить проводнику и попросить минеральной воды. Он потянулся было к кнопке, но его рука на полпути замерла: в окружающей тишине громко зазвенел звонок. Какой смысл: проводник не может одновременно пойти на два вызова.

Дзинь-дзинь-дзинь... — надрывался звонок. Интересно, куда девался проводник? Звонивший явно нервничал.

Дзинь...

Пассажир уже не снимал пальца со звонка. Наконец появился проводник — его шаги гулко отдавались в пустом коридоре. Он постучал в дверь неподалеку от купе Пуаро. Послышались голоса: разубеждающий, извиняющийся — проводника и настойчивый и упорный — какой-то женщины. Ну конечно же миссис Хаббард!

Пуаро улыбнулся. Спор — если это был спор — продолжался довольно долго. Говорила в основном миссис Хаббард, проводнику лишь изредка удавалось вставить слово. В конце концов все уладилось. Пуаро явственно расслышал: «*Bonne nuit*^[106], мадам», — и шум захлопнувшейся двери. Он нажал кнопку звонка.

Проводник незамедлительно явился. Он совсем запарился — вид у него был встревоженный.

— *De l'eau minérale, s'il vous plait*^[107].

— *Bien*^[108], мосье.

Вероятно, заметив усмешку в глазах Пуаро, проводник решил излить душу:

— *La dame américaine...*^[109]

— Что?

Проводник утер пот со лба:

— Вы не представляете, чего я от нее натерпелся! Заладила, что в ее купе скрывается мужчина, и хоть кол на голове теши. Вы только подумайте, мосье, в таком крохотном купе! — Он обвел купе рукой. — Да где ж ему там спрятаться? Спорю с ней, доказываю, что это невозможно, все без толку. Говорит, она проснулась и увидела у себя в купе мужчину. Да как же, спрашиваю, тогда он мог выйти из купе, да еще дверь за собой задвинуть на засов? И слушать ничего не желает. Как будто у нас и без нее не хватает забот. Заносы...

— Заносы?

— Ну да. Разве вы не заметили? Поезд давно стоит. Мы въехали в полосу заносов. Бог знает сколько мы еще здесь простои́м. Я помню, однажды мы так простояли целую неделю.

— Где мы находимся?

— Между Виньковцами и Бродом.

— *La, la!*^[110] — сказал Пуаро раздраженно.

Проводник ушел и вернулся с минеральной водой.

— Спокойной ночи, мосье.

Пуаро выпил воды и твердо решил уснуть.

Он уже почти заснул, когда его снова разбудили. На этот раз, как ему показалось, снаружи о дверь стукнулось что-то тяжелое.

Пуаро подскочил к двери, выглянул в коридор. Никого. Направо по коридору удалялась женщина в красном кимоно, налево сидел проводник на своей скамеечке и вел какие-то подсчеты на больших листах бумаги. Стояла мертвая тишина.

«У меня определенно нервы не в порядке», — решил Пуаро и снова улегся в постель. На этот раз он уснул и проспал до утра.

Когда он проснулся, поезд все еще стоял. Пуаро поднял штору и посмотрел в окно. Огромные сугробы подступали к самому поезду. Он взглянул на часы — было начало десятого.

Без четверти десять аккуратный, свежий и, как всегда, расфранченный Пуаро прошел в вагон-ресторан — тут царило уныние.

Барьеры, разделявшие пассажиров, были окончательно сметены. Общее несчастье объединило их. Громче всех причитала миссис Хаббард:

— Моя дочь меня уверяла, что это самая спокойная дорога. Говорит, сядешь в вагон и выйдешь лишь в Париже. А теперь оказывается, что мы можем бог знает сколько здесь проторчать. А у меня пароход отправляется послезавтра. Интересно, как я на него попаду? Я даже не могу попросить, чтобы аннулировали мой билет. Просто ум за разум заходит, когда подумаешь об этом.

Итальянец сказал, что у него самого неотложные дела в Милане. Огромный американец сказал: «Да, паршивое дело, мэм», — и выразил надежду, что поезд еще наверстает упущенное время.

— А моя сестра? Ее дети меня встречают, — сказала шведка и заплакала. — Я не могу их предупредить. Что они будут думать? Будут говорить, с тетей было плохо.

— Сколько мы здесь пробудем? — спросила Мэри Дебенхэм. — Кто-нибудь может мне ответить?

Голос ее звучал нетерпеливо, однако Пуаро заметил, что в нем не слышалось той лихорадочной тревоги, как тогда, когда задерживался экспресс ТАВРЫ.

Миссис Хаббард снова затараторила:

— В этом поезде никто ничего не знает. И никто ничего не пытается сделать. А чего еще ждать от этих бездельников-иностранцев? У нас хоть старались бы что-нибудь предпринять.

Арбэтнот обратился к Пуаро и заговорил, старательно выговаривая французские слова на английский манер:

— Vous êtes un directeur de la ligne, je crois, monsieur. Vous pouvez nous dire...^[111]

Пуаро, улыбнувшись, поправил его.

— Нет, нет, — сказал он по-английски, — вы ошибаетесь. Вы спутали меня с моим другом, мосье Буком.

— Простите.

— Пожалуйста. Ваша ошибка вполне понятна. Я занимаю купе, где прежде ехал он.

Мосье Бука в ресторане не было. Пуаро огляделся, выясняя, кто еще отсутствует.

Отсутствовали княгиня Драгомирова и венгерская пара, а также Рэтчетт, его лакей и немка-горничная.

Шведка вытирала слезы.

— Я глупая, — говорила она. — Такая нехорошая плакать. Что бы ни случилось, все к лучшему.

Однако далеко не все разделяли эти подлинно христианские чувства.

— Все это, конечно, очень мило, — горячился Маккуин, — но неизвестно, сколько еще нам придется здесь проторчать!

— И где мы, что это за страна, может кто-нибудь мне сказать? — чуть не плача вопрошала миссис Хаббард.

Когда ей объяснили, что они в Югославии, она сказала:

— Чего еще ожидать от этих балканских государств?

— Вы единственный терпеливый пассажир, мадемуазель, — обратился Пуаро к Мэри Дебенхэм.

Она пожала плечами:

— А что еще остается делать?

— Да вы философ, мадемуазель!

— Для этого нужна отрешенность. А я слишком эгостична. Просто я научилась не расходовать чувства попусту.

Казалось, она говорит скорее сама с собой, чем с Пуаро. На него она и не глядела. Взгляд ее был устремлен за окно на огромные сугробы.

— У вас сильный характер, мадемуазель, — вкрадчиво сказал Пуаро. — Я думаю, из всех присутствующих вы обладаете самым сильным характером.

— Что вы! Я знаю человека, куда более сильного духом, чем я.

— И это...

Она вдруг опомнилась: до нее дошло, что она разговаривает с совершенно незнакомым человеком, к тому же иностранцем, с которым до этого утра не обменялась и десятком фраз. И засмеялась вежливо, но холодно:

— К примеру, хотя бы та старая дама. Вы, наверное, ее заметили. Очень уродливая старуха, но что-то в ней есть притягательное. Стоит ей о чем-нибудь попросить — и весь поезд бросается выполнять ее желание.

— Но точно так же бросаются выполнять желания моего друга мосье Бука, — сказал Пуаро, — правда, не потому, что он умеет властвовать, а потому, что он директор этой линии.

Мэри Дебенхэм улыбнулась.

Близился полдень. Несколько человек, и Пуаро в их числе, оказались в ресторане. При такой ситуации хотелось скоротать время в компании. Пуаро услышал немало нового о дочери миссис Хаббард и о привычках ныне покойного мистера Хаббарда, начиная с того момента, когда, встав поутру, этот почтенный джентльмен ел кашу, и кончая тем, когда он ложился спать, надев носки работы миссис Хаббард.

Пуаро слушал довольно сбивчивый рассказ шведки о задачах миссионеров, когда в вагон вошел проводник и остановился у его столика:

— Разрешите обратиться, мосье.

— Слушаю вас.

— Мосье Бук просит засвидетельствовать свое почтение и спросить, не будете ли вы столь любезны на несколько минут зайти к нему.

Пуаро встал, принес свои извинения шведке и вышел вслед за проводником.

Это был не их, а другой проводник — высокий, крупный блондин.

Миновав вагон Пуаро, они пошли в соседний вагон. Постучавшись в купе, проводник пропустил Пуаро вперед. Они оказались не в купе мосье Бука, а в купе второго класса, выбранном, по-видимому, из-за его большого размера. Однако, несмотря на это, оно было битком набито.

В самом углу восседал на скамеечке мосье Бук. В другом углу, возле окна, созерцал сугробы коренастый брюнет. В проходе, мешая пройти

Пуаро, стояли рослый мужчина в синей форме (начальник поезда) и проводник спального вагона СТАМБУЛ — КАЛЕ.

— Мой дорогой друг, наконец-то! — воскликнул мосье Бук. — Входите, вы нам очень нужны.

Человек у окна подвинулся. Протиснувшись, Пуаро сел напротив своего друга. На лице мосье Бука было написано смятение. Несомненно, произошло нечто чрезвычайное.

— Что случилось? — спросил Пуаро.

— И вы еще спрашиваете! Сначала заносы и вынужденная остановка. А теперь еще и это!..

Голос мосье Бука прервался, а у проводника спального вагона вырвался сдавленный вздох.

— Что — это?

— А то, что в одном из купе лежит мертвый пассажир — его закололи.

В спокойном голосе мосье Бука сквозило отчаяние.

— Пассажир? Какой пассажир?

— Американец. Его звали... — он заглянул в лежащие перед ним списки, — Рэтчетт... я не ошибаюсь... Рэтчетт?

— Да, мосье, — сглотнул слюну проводник.

Пуаро взглянул на проводника — тот был бледнее мела.

— Разрешите проводнику сесть, — сказал Пуаро, — иначе он упадет в обморок.

Начальник поезда подвинулся; проводник тяжело опустился на сиденье и закрыл лицо руками.

— Бр-р! — сказал Пуаро. — Это не шутки!

— Какие тут шутки! Убийство уже само по себе бедствие первой величины. А к тому же, учтите еще, что и обстоятельства его весьма необычны. Мы застряли и можем простоять здесь несколько часов кряду. Да что там часов — дней! И еще одно обстоятельство: почти все страны направляют представителей местной полиции на поезда, проходящие по их территории, а в Югославии этого не делают. Вы понимаете, как все осложняется?

— Еще бы, — сказал Пуаро.

— И это не все. Доктор Константин, — извините, я забыл вас представить, — доктор Константин, мосье Пуаро.

Коротышка брюнет и Пуаро обменялись поклонами.

— Доктор Константин считает, что смерть произошла около часу ночи.

— В подобных случаях трудно сказать точно, но, по-моему, можно со всей определенностью утверждать, что смерть произошла между полночью и двумя часами.

— Когда мистера Рэтчетта в последний раз видели живым? — спросил Пуаро.

— Известно, что без двадцати час он был жив и разговаривал с проводником, — сказал мосье Бук.

— Это верно, — сказал Пуаро, — я сам слышал этот разговор. И это последнее, что известно о Рэтчетте?

— Да.

Пуаро повернулся к доктору, и тот продолжал:

— Окно в купе мистера Рэтчетта было распахнуто настежь, очевидно, для того, чтобы у нас создалось впечатление, будто преступник ускользнул через него. Но мне кажется, что окно открыли для отвода глаз. Если бы преступник удрал через окно, на снегу остались бы следы, а их нет.

— Когда обнаружили труп? — спросил Пуаро.

— Мишель!

Проводник подскочил. С его бледного лица не сходило испуганное выражение.

— Подробно расскажите этому господину, что произошло, — приказал мосье Бук.

— Лакей этого мистера Рэтчетта постучал сегодня утром к нему в дверь, — сбивчиво начал проводник. — Несколько раз. Ответа не было. А тут час назад из ресторана приходит официант узнать, будет ли мосье завтракать. Понимаете, было уже одиннадцать часов. Я открываю дверь к нему своим ключом. Но дверь не открывается. Оказывается, она заперта еще и на цепочку. Никто не откликается. И оттуда тянет холодом. Окно распахнуто настежь, в него заносит снег. Я подумал, что пассажира хватил удар. Привел начальника поезда. Мы разорвали цепочку и вошли в купе. Он был уже... Ah, c'etait terrible...^[112]

PI он снова закрыл лицо руками.

— Значит, дверь была заперта изнутри и на ключ, и на цепочку, — задумчиво сказал Пуаро. — А это не самоубийство?

Грек язвительно усмехнулся.

— Вы когда-нибудь видели, чтобы самоубийца нанес себе не меньше дюжины ножевых ран? — спросил он.

У Пуаро глаза полезли на лоб.

— Какое чудовищное зверство! — вырвалось у него.

— Это женщина, — впервые подал голос начальник поезда, — верьте моему слову, это женщина. На такое способна только женщина.

Доктор Константин в раздумье наморщил лоб.

— Это могла сделать только очень сильная женщина, — сказал он. — Я не хотел бы прибегать к техническим терминам — они только запутывают дело, но один-два удара, прорезав мышцы, прошли через кость, а для этого, смею вас уверить, нужна большая сила.

— Значит, преступление совершил не профессионал? — спросил Пуаро.

— Никак нет, — подтвердил доктор Константин. — Удары, судя по всему, наносились как попало и наугад. Некоторые из них — легкие порезы, не причинившие особого вреда. Впечатление такое, будто преступник, закрыв глаза, в дикой ярости наносил один удар за другим вслепую.

— C'est une femme^[113], — сказал начальник поезда. — Они все такие. Злость придает им силы. — И он так многозначительно закивал головой, что все заподозрили, будто он делится личным опытом.

— Я мог бы, вероятно, кое-что добавить к тем сведениям, которые вы собрали, — сказал Пуаро. — Мистер Рэтчетт вчера разговаривал со мной. Насколько я понял, он подозревал, что его жизни угрожает опасность.

— Значит, его кокнули — так, кажется, говорят американцы? — спросил мосье Бук. — В таком случае убила не женщина, а гангстер или опять же бандит.

Начальника поезда уязвило, что его версию отвергли.

— Если даже убийца и гангстер, — сказал Пуаро, — должен сказать, что профессионалом его никак не назовешь.

В голосе Пуаро звучало неодобрение специалиста.

— В этом вагоне едет один американец, — сказал мосье Бук: он продолжал гнуть свою линию, — рослый мужчина, весьма вульгарный и до ужаса безвкусно одетый. Он жует резинку и, видно, понятия не имеет, как вести себя в приличном обществе. Вы знаете, кого я имею в виду?

Проводник — мосье Бук обращался к нему — кивнул:

— Да, мосье. Но это не мог быть он. Если бы он вошел в купе или вышел из него, я бы обязательно это увидел.

— Как знать... Как знать... Но мы еще вернемся к этому. Главное теперь решить, что делать дальше. — И он поглядел на Пуаро.

Пуаро, в свою очередь, поглядел на мосье Бука.

— Ну, пожалуйста, друг мой, — сказал мосье Бук, — вы же понимаете, о чем я буду вас просить. Я знаю, вы всесильны. Возьмите расследование на себя. Нет, нет, Бога ради, не отказывайтесь. Видите ли, для нас — я говорю о Международной компании спальных вагонов — это очень важно. Насколько бы все упростилось, если бы к тому времени, когда наконец появится югославская полиция, у нас было бы готовое решение! В ином случае нам грозят задержки, проволоочки, словом, тысячи всяких неудобств. И кто знает? — а может быть, и серьезные неприятности для невинных людей. Но если вы разгадаете тайну, ничего этого не будет! Мы говорим: «Произошло убийство — вот преступник!»

— А если мне не удастся разгадать тайну?

— Друг мой, — зажурчал мосье Бук. — Я знаю вашу репутацию, знаю ваши методы. Это дело просто создано для вас. Для того чтобы изучить прошлое этих людей, проверить, не лгут ли они, нужно потратить массу времени и энергии. А сколько раз я слышал от вас: «Для того чтобы разрешить тайну, мне необходимо лишь усесться поудобнее и хорошенько подумать». Прошу вас, так и поступите. Опросите пассажиров, осмотрите тело, разберитесь в уликах и тогда... Словом, я в вас верю! Я убежден, что это не пустое хвастовство с вашей стороны. Так, пожалуйста, усаживайтесь поудобнее, думайте, шевелите, как вы часто говорили, извилинами, и вы узнаете все. — И он с любовью посмотрел на своего друга.

— Ваша вера трогает меня, — сказал Пуаро взволнованно. — Вы сказали, что дело это нетрудное. Я и сам прошлой ночью... Не стоит пока об этом упоминать. По правде говоря, меня дело заинтересовало. Всего полчаса назад я подумал, что нам придется изрядно поскучать в этих сугробах. И вдруг, откуда ни возьмись, готовая загадка.

— Значит, вы принимаете мое предложение? — нетерпеливо спросил мосье Бук.

— C'est entendu^[114]. Я берусь за это дело.

— Отлично. Мы все к вашим услугам.

— Для начала мне понадобится план вагона СТАМБУЛ — КАЛЕ, где будет указано, кто из пассажиров занимал какое купе, и еще я хочу взглянуть на паспорта и билеты пассажиров.

— Мишель вам все принесет.

Проводник вышел из вагона.

— Кто еще едет в нашем поезде? — спросил Пуаро.

— В этом вагоне едем только мы с доктором Константином. В бухарестском — один хромой старик. Проводник его давно знает. Есть и обычные вагоны, но их не стоит брать в расчет, потому что их заперли сразу после ужина. Впереди вагона СТАМБУЛ — КАЛЕ идет только вагон-ресторан.

— В таком случае, — сказал Пуаро, — нам, видно, придется искать убийцу в вагоне СТАМБУЛ — КАЛЕ. — Он обратился к доктору: — Вы на это намекали, не так ли?

Грек кивнул:

— В половине первого пополудни начался снегопад, и поезд стал. С тех пор никто не мог его покинуть.

— А раз так, — заключил мосье Бук, — убийца все еще в поезде. Он среди нас!

Глава 6 Женщина?

— Для начала, — сказал Пуаро, — я хотел бы переговорить с мистером Маккуином. Не исключено, что он может сообщить нам ценные сведения.

— Разумеется, — мосье Бук обратился к начальнику поезда: — Попросите сюда мистера Маккуина.

Начальник поезда вышел, а вскоре вернулся проводник с пачкой паспортов, билетов и вручил их мосье Буку.

— Благодарю вас, Мишель. А теперь, мне кажется, вам лучше вернуться в свой вагон. Ваши свидетельские показания по всей форме мы выслушаем позже.

— Хорошо, мосье.

Мишель вышел.

— А после того, как мы побеседуем с Маккуином, — сказал Пуаро, — я надеюсь, господин доктор не откажется пройти со мной в купе убитого.

— Разумеется.

— А когда мы закончим осмотр...

Тут его прервали: начальник поезда привел Гектора Маккуина.

Мосье Бук встал.

— У нас здесь тесновато, — приветливо сказал он. — Садитесь на мое место, мистер Маккуин, а мосье Пуаро сядет напротив вас — вот так. Освободите вагон-ресторан, — обратился он к начальнику поезда, — он понадобится мосье Пуаро. Вы ведь предпочли бы беседовать с пассажирами там, друг мой?

— Да, это было бы удобнее всего, — согласился Пуаро.

Маккуин переводил глаза с одного на другого, не успевая следить за стремительной французской скороговоркой.

— Qu'est-ce qu'il y a?..^[115] — старательно выговаривая слова, начал он. — Pourquoi?..

Пуаро властным жестом указал ему на место в углу. Маккуин сел и снова повторил:

— Pourquoi? — Но тут же, оборвав фразу, перешел на родной язык: — Что тут творится? Что-нибудь случилось? — и обвел глазами присутствующих.

Пуаро кивнул:

— Вы не ошиблись. Приготовьтесь — вас ждет неприятное известие: ваш хозяин — мистер Рэтчетт — мертв!

Маккуин присвистнул. Глаза его заблестели, но ни удивления, ни огорчения он не высказал.

— Значит, они все-таки добрались до него, — сказал он.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Маккуин?

Маккуин замялся.

— Вы полагаете, — сказал Пуаро, — что мистер Рэтчетт убит?

— А разве нет? — На этот раз Маккуин все же выказал удивление. — Ну да, — после некоторой запинки сказал он. — Это первое, что мне пришло в голову. Неужели он умер во сне? Да ведь старик был здоров, как, как...

Он запнулся, так и не подобрав сравнения.

— Нет, нет, — сказал Пуаро. — Ваше предположение совершенно правильно. Мистер-Рэтчетт был убит. Зарезан. Но мне хотелось бы знать, почему вы так уверены в том, что он был убит, а не просто умер.

Маккуин заколебался.

— Прежде я должен выяснить, — сказал он наконец, — кто вы такой? И какое отношение имеете к этому делу?

— Я представитель Международной компании спальных вагонов, — сказал Пуаро и, значительно помолчав, добавил: — Я сыщик. Моя фамилия Пуаро.

Ожидаемого впечатления это не произвело. Маккуин сказал только: «Вот как?» — и стал ждать, что последует дальше.

— Вам, вероятно, известна эта фамилия?

— Как будто что-то знакомое... Только я всегда думал, что это дамский портной^[116].

Пуаро смерил его полным негодования взглядом.

— Просто невероятно! — возмутился он.

— Что невероятно?

— Ничего. Не важно. Но не будем отвлекаться. Я попросил бы вас, мистер Маккуин, рассказать мне все, что вам известно о мистере Рэтчетте. Вы ему не родственник?

— Нет. Я его секретарь, вернее, был его секретарем.

— Как долго вы занимали этот пост?

— Чуть более года.

— Расскажите поподробнее об этом.

— Я познакомился с мистером Рэтчеттом чуть более года назад в Персии...

— Что вы там делали? — прервал его Пуаро.

— Я приехал из Нью-Йорка разобраться на месте в делах одной нефтяной концессии. Не думаю, чтобы вас это могло заинтересовать. Мои друзья и я здорово на ней погорели. Мистер Рэтчетт жил в одном отеле со

мной. Он повздорил со своим секретарем и предложил его должность мне. Я согласился. Я тогда был на мели и обрадовался возможности, не прилагая усилий, получить работу с хорошим окладом.

— Что вы делали с тех пор?

— Разъезжали. Мистер Рэтчетт хотел поглядеть свет, но ему мешало незнание языков. Меня он использовал скорее как гида и переводчика, чем как секретаря. Обязанности мои были малообременительными.

— А теперь расскажите мне все, что вы знаете о своем хозяине.

Молодой человек пожал плечами. На его лице промелькнуло замешательство.

— Это не так-то просто.

— Как его полное имя?

— Сэмьюэл Эдуард Рэтчетт.

— Он был американским гражданином?

— Да.

— Из какого штата он родом?

— Не знаю.

— Что ж, тогда расскажите о том, что знаете.

— Сказать по правде, мистер Пуаро, я решительно ничего не знаю.

Мистер Рэтчетт никогда не говорил ни о себе, ни о своей жизни там, в Америке.

— И как вы считаете, почему?

— Не знаю. Я думал, может быть, он стесняется своего происхождения.

Так бывает.

— Неужели такое объяснение казалось вам правдоподобным?

— Если говорить начистоту — нет.

— У него были родственники?

— Он никогда об этом не упоминал.

Но Пуаро не отступался:

— Однако, мистер Маккуин, вы наверняка как-то объясняли это для себя.

— По правде говоря, объяснял. Во-первых, я не верю, что его настоящая фамилия Рэтчетт. Я думаю, он бежал от кого-то или от чего-то и потому покинул Америку. Но до недавнего времени он чувствовал себя в безопасности.

— А потом?

— Потом он стал получать письма, угрожающие письма.

— Вы их видели?

— Да. В мои обязанности входило заниматься его перепиской. Первое из этих писем пришло две недели назад.

— Эти письма уничтожены?

— Нет, по-моему, парочка у меня сохранилась, а одно, насколько мне известно, мистер Рэтчетт в ярости разорвал в клочки. Принести вам эти письма?

— Будьте так любезны.

Маккуин вышел. Через несколько минут он вернулся и положил перед Пуаро два замызганных листка почтовой бумаги.

Первое письмо гласило:

«Ты думал надуть нас и надеялся, что это тебе сойдет с рук. Дудки, Рэтчетт, тебе от нас не уйти».

Подписи не было.

Пуаро поднял брови и, не сказав ни слова, взял второе письмо:

«Рэтчетт, мы тебя прихлопнем вскорости. Знай, тебе от нас не уйти!»

Пуаро отложил письмо.

— Стиль довольно однообразный, — сказал Пуаро, — а вот о почерке этого никак не скажешь.

Маккуин воззрился на него.

— Вы не могли этого заметить, — сказал Пуаро любезно, — тут нужен опытный глаз. Письмо это, мистер Маккуин, писал не один человек, а два, если не больше. Каждый по букве. Кроме того, его писали печатными буквами, чтобы труднее было определить, кто писал.

Помолчав, он добавил:

— Вы знали, что мистер Рэтчетт обращался ко мне за помощью?

— К вам?

Изумление Маккуина было настолько неподдельным, что Пуаро поверил молодому человеку.

— Вот именно, — кивнул Пуаро. — Рэтчетт был очень встревожен. Расскажите, как он вел себя, когда получил первое письмо?

Маккуин ответил не сразу:

— Трудно сказать. Он вроде бы посмеялся над ним, во всяком случае, из спокойствия оно его не вывело. Но все же, — Маккуин пожал плечами, — я почувствовал, что в глубине души он встревожен.

Пуаро опять кивнул.

— Мистер Маккуин, — неожиданно спросил он, — вы можете сказать без утайки, как вы относились к своему хозяину? Он вам нравился?

Гектор Маккуин помедлил с ответом.

— Нет, — сказал он наконец, — не нравился.

— Почему?

— Не могу сказать точно. Он был неизменно обходителен. — Секретарь запнулся, потом сказал: — Честно говоря, мосье Пуаро, мне он не нравился, и я ему не доверял. Я уверен, что он был человеком жестоким и опасным. Хотя должен признаться, что подкрепить свое мнение мне нечем.

— Благодарю вас, мистер Маккуин. Еще один вопрос: когда вы в последний раз видели мистера Рэтчетта живым?

— Вчера вечером, около... — он с минуту подумал, — пожалуй, около десяти часов. Я зашел к нему в купе записать кое-какие указания.

— Насчет чего?

— Насчет старинных изразцов и керамики, которые он купил в Персии. Ему прислали совсем не те, что он выбрал. По этому поводу мы вели длительную и весьма утомительную переписку.

— И тогда вы в последний раз видели мистера Рэтчетта живым?

— Пожалуй, что так.

— А вы знаете, когда мистер Рэтчетт получил последнее из угрожающих писем?

— Утром того дня, когда мы выехали из Константинополя.

— Я должен задать вам еще один вопрос, мистер Маккуин: вы были в хороших отношениях с вашим хозяином?

В глазах молодого человека промелькнули озорные искорки:

— От этого вопроса у меня, очевидно, должны мурашки по коже забегать. Но, как пишут в наших детективных романах: «Вы мне ничего не пришлете», — я был в прекрасных отношениях с Рэтчеттом.

— Не откажите сообщить ваше полное имя и ваш адрес в Америке.

Секретарь продиктовал свое полное имя — Гектор Уиллард Маккуин — и свой нью-йоркский адрес.

Пуаро откинулся на спинку дивана.

— Пока все, мистер Маккуин, — сказал он. — Я был бы очень вам обязан, если бы вы некоторое время хранили в тайне смерть мистера Рэтчетта.

— Его лакей Мастермэн все равно об этом узнает.

— Скорее всего он уже знает, — недовольно сказал Пуаро. — Но если и так, проследите, чтобы он попридержал язык.

— Это совсем нетрудно. Он англичанин и, по его собственным словам, «с кем попало не якшается». Он невысокого мнения об американцах и вовсе низкого о представителях всех других национальностей.

— Благодарю вас, мистер Маккуин.

Американец ушел.

— Ну? — спросил мосье Бук. — Вы верите тому, что вам рассказал этот молодой человек?

— Мне показалось, что он говорил откровенно и честно. Будь он замешан в убийстве, он наверняка притворился бы, будто любил своего хозяина. Правда, мистер Рэтчетт не сообщил ему, что он старался заручиться моими услугами, но мне это обстоятельство не кажется подозрительным. Сдается, покойник отличался скрытным нравом.

— Значит, одного человека вы считаете свободным от подозрений, — бодро сказал мосье Бук.

Пуаро кинул на него полный укора взгляд.

— Нет, нет, я до последнего подозреваю всех, — сказал он. — И тем не менее должен признаться, что просто не могу себе представить, чтобы Маккуин — сама трезвость и осмотрительность — вдруг настолько вышел из себя, что нанес своей жертве не меньше дюжины ударов. Это не вяжется с его характером, никак не вяжется.

— Да, — задумчиво сказал мосье Бук. — Так мог поступить человек в припадке ярости, чуть ли не бешенства, что скорее наводит на мысль о латинянине^[117] или, как утверждает наш друг, начальник поезда, о женщине.

Глава 7

Труп

Пуаро в сопровождении доктора Константина прошел в соседний вагон и направился в купе, где лежал убитый. Подоспевший проводник отворил им дверь своим ключом.

Когда они вошли в купе, Пуаро вопросительно глянул на своего спутника:

— В купе что-нибудь переставляли?

— Нет, ничего не трогали. При осмотре я старался не сдвинуть тела. Кивнув, Пуаро окинул взглядом купе.

Прежде всего он обратил внимание на то, что купе совсем выстыло. Окно в нем было распахнуто настежь, а штора поднята.

— Бр-р... — поежился Пуаро.

Доктор самодовольно улыбнулся.

— Я решил не закрывать окно, — сказал он.

Пуаро внимательно осмотрел окно.

— Вы поступили правильно, — объявил он. — Никто не мог покинуть поезд через окно. Вполне вероятно, что его открыли специально, чтобы натолкнуть нас на эту мысль, но, если и так, снег разрушил планы убийцы. — Пуаро тщательно осмотрел раму. И вынул из кармана маленькую коробочку, посыпал раму порошком. — Отпечатков пальцев нет, — сказал он. — Значит, раму вытерли. Впрочем, если бы отпечатки и были, это бы нам мало что дало. Скорее всего это оказались бы отпечатки Рэтчетта, его лакея и проводника. В наши дни преступники больше не совершают таких ошибок. А раз так, — продолжал он бодро, — окно вполне можно и закрыть — здесь просто ледник.

Покончив с окном, он впервые обратил внимание на распростертый на полке труп. Рэтчетт лежал на спине. Его пижамная куртка, вся в ржавых пятнах крови, была распахнута на груди.

— Сами понимаете, мне надо было определить характер ранений, — объяснил доктор.

Пуаро склонился над телом. Когда он выпрямился, лицо его скривилось.

— Малоприятное зрелище, — сказал он. — Убийца, должно быть, стоял тут и наносил ему удар за ударом. Сколько ран вы насчитали?

— Двенадцать. Одна или две из них совсем неглубокие, чуть ли не царапины. Зато три из них, напротив, смертельные.

Какие-то нотки в голосе доктора насторожили Пуаро. Он вперился в коротышку грека: собрав гармошкой лоб, тот недоуменно разглядывал труп.

— Вы чем-то удивлены, не правда ли? — вкрадчиво спросил Пуаро. — Признайтесь, мой друг: что-то вас озадачило?

— Вы правы, — согласился доктор.

— Что же?

— Видите эти две раны, — и доктор ткнул пальцем, — здесь и здесь. Нож прошел глубоко — перерезано много кровеносных сосудов... И все же... края ран не разошлись. А ведь из таких ран кровь должна была бы бить ручьем.

— Что из этого следует?

— Что, когда Рэтчетту нанесли эти раны, он уже был какое-то время мертв. Но это же нелепо!

— На первый взгляд да, — сказал Пуаро задумчиво. — Хотя, конечно, убийца мог вдруг решить, что не добил свою жертву, и вернуться обратно, чтобы довести дело до конца, однако это слишком уж нелепо! А что еще вас удивляет?

— Всего одно обстоятельство.

— И какое?

— Видите вот эту рану, здесь, около правого плеча, почти под мышкой? Возьмите мой карандаш. Могли бы вы нанести такую рану?

Пуаро занес руку.

— Я вас понял. Правой рукой нанести такую рану очень трудно, едва ли возможно. Так держать нож было бы неловко. Но если нож держать в левой руке...

— Вот именно, мосье Пуаро. Эту рану почти наверняка нанесли левой рукой.

— То есть вы хотите сказать, что убийца — левша? Нет, дело обстоит не так просто. Вы со мной согласны?

— Совершенно согласен, мосье Пуаро. Потому что другие раны явно нанесены правой рукой.

— Итак, убийц двое. Мы снова возвращаемся к этому, — пробормотал сыщик. — А свет был включен? — неожиданно спросил он.

— Трудно сказать. Видите ли, каждое утро около десяти проводник выключает свет во всем вагоне.

— Это мы узнаем по выключателям, — сказал Пуаро.

Он обследовал выключатель верхней лампочки и ночника у изголовья. Первый был выключен. Второй включен.

— Ну что ж, — задумчиво сказал он. — Разберем эту версию. Итак, Первый и Второй убийца, как обозначил бы их великий Шекспир^[118]. Первый убийца закалывает свою жертву и, выключив свет, уходит из купе. Входит Второй убийца, но в темноте не замечает, что дело сделано, и наносит мертвецу по меньшей мере две раны. Что вы на это скажете?

— Великолепно! — вне себя от восторга воскликнул маленький доктор.

Глаза Пуаро насмешливо блеснули:

— Вы так считаете? Очень рад. Потому что мне такая версия показалась противоречащей здравому смыслу.

— А как иначе все объяснить?

— Этот же вопрос и я задаю себе. Случайно ли такое стечение обстоятельств или нет? И нет ли еще каких-либо несообразностей, указывающих на то, что в этом деле замешаны двое?

— Я думаю, на ваш вопрос можно ответить утвердительно. Некоторые раны, как я уже указывал, свидетельствуют о слабой физической силе, а может, и о слабой решимости. Это немошные удары, слегка повредившие кожу. Но вот эта рана и вот эта, — он ткнул пальцем, — для таких ударов нужна большая сила: нож прорезал мышцы.

— Значит, такие раны, по вашему мнению, мог нанести только мужчина?

— Скорее всего.

— А женщина?

— Молодая, здоровая женщина, к тому же спортсменка, способна нанести такие удары, особенно в припадке гнева. Но это, на мой взгляд, в высшей степени маловероятно.

Минуты две Пуаро молчал.

— Вы меня поняли? — нетерпеливо спросил врач.

— Еще бы. Дело проясняется прямо на глазах! Убийца — мужчина огромной физической силы, он же мозгляк, он же женщина, он же левша и

правша одновременно. Да это же просто смешно! — И, неожиданно рассердившись, продолжал: — А жертва, как она ведет себя? Кричит? Оказывает сопротивление? Защищается?

Пуаро сунул руку под подушку и вытащил автоматический пистолет, который Рэтчетт показал ему накануне.

— Как видите, все патроны в обойме, — сказал он.

Они оглядели купе. Одежда Рэтчетта висела на крючках. На столике — его заменяла откидная крышка умывальника — стояли в ряд стакан с водой, в котором плавала вставная челюсть, пустой стакан, бутылка минеральной воды, большая фляжка, пепельница с окурком сигары, лежали обуглившиеся клочки бумаги и две обгорелые спички.

Доктор понюхал пустой стакан.

— Вот почему Рэтчетт не сопротивлялся, — сказал он тихо.

— Его усыпили?

— Да.

Пуаро кивнул. Он держал спички и внимательно их разглядывал.

— Значит, вы все-таки нашли улики? — нетерпеливо спросил маленький доктор.

— Эти спички имеют разную форму, — сказал Пуаро. — Одна из них более плоская. Видите?

— Такие спички в картонных обложках продают здесь, в поезде, — сказал доктор.

Пуаро обшарил карманы Рэтчетта, вытащил оттуда коробку спичек. И снова внимательно сравнил обе спички.

— Толстую спичку зажег мистер Рэтчетт, — сказал он. — А теперь надо удостовериться, не было ли у него и плоских спичек тоже.

Но дальнейшие поиски не дали никаких результатов.

Пуаро рыскал глазами по купе. Казалось, от его пристального взгляда ничто не ускользает. Вдруг он вскрикнул, нагнулся и поднял с полу клочок тончайшего батиста с вышитой в углу буквой «Н».

— Женский носовой платок, — сказал доктор. — Наш друг начальник поезда оказался прав. Тут замешана женщина.

— И для нашего удобства она оставила здесь свой носовой платок! — сказал Пуаро. — Точь-в-точь как в детективных романах и фильмах. А чтобы облегчить нам задачу, еще вышила на нем инициалы.

— Редкая удача! — радовался доктор.

— Вот как? — сказал Пуаро таким тоном, что доктор насторожился.

Но прежде чем тот успел задать вопрос, Пуаро быстро нагнулся и снова что-то поднял. На этот раз на его ладони оказался ершик для чистки трубок.

— Не иначе, как ершик мистера Рэтчетта? — предположил доктор.

— В карманах мистера Рэтчетта не было ни трубки, ни табака, ни кисета.

— Раз так, это улика.

— Еще бы! Притом опять же подброшенная для нашего удобства. И заметьте, на этот раз улика указывает на мужчину. Да, улик у нас более чем достаточно. А кстати, что вы сделали с оружием?

— Никакого оружия мы не нашли. Убийца, должно быть, унес его с собой.

— Интересно почему? — задумался Пуаро.

— Ах! — вдруг вскрикнул доктор, осторожно обшаривавший пижамные карманы убитого. — Совсем упустил из виду, — сказал он. — Я сразу распахнул куртку и поэтому забыл заглянуть в карманы.

Он вытащил из нагрудного кармана пижамы золотые часы. Их корпус был сильно погнут, стрелки показывали четверть второго.

— Вы видите? — нетерпеливо закричал доктор Константин. — Теперь мы знаем время убийства. Мои подсчеты подтверждаются. Я ведь говорил — между двенадцатью и двумя, скорее всего около часу, хотя точно в таких делах сказать трудно. И вот вам подтверждение — часы показывают четверть второго. Значит, преступление было совершено в это время.

— Не исключено, что так оно и было. Не исключено.

Доктор удивленно посмотрел на Пуаро:

— Простите меня, мосье Пуаро, но я не вполне вас понимаю.

— Я и сам не вполне себя понимаю, — сказал Пуаро. — Я ничего вообще не понимаю, и, как вы могли заметить, это меня тревожит. — Он с глубоким вздохом склонился над столиком, разглядывая обуглившиеся клочки бумаги.

— Мне сейчас крайне необходима, — бормотал он себе под нос, — старомодная шляпная картонка.

Доктор Константин совсем опешил, не зная, как отнестись к такому необычному желанию. Но Пуаро не дал ему времени на расспросы. Открыв дверь, он позвал из коридора проводника. Проводник не заставил себя ждать.

— Сколько женщин в вагоне?

Проводник посчитал на пальцах:

— Одна, две, три... Шесть, мосье. Пожилая американка, шведка, молодая англичанка, графиня Андрени, княгиня Драгомирова и ее горничная.

Пуаро подумал:

— У них у всех есть картонки, не правда ли?

— Да, мосье.

— Тогда принесите мне... дайте подумать... да, именно так, — принесите мне картонку шведки и картонку горничной. На них вся моя надежда. Скажете им, что они нужны для таможенного досмотра или для чего-нибудь еще, словом, что угодно.

— Не беспокойтесь, мосье, все обойдется как нельзя лучше: обеих дам сейчас нет в купе.

— Тогда поторапливайтесь.

Проводник ушел и вскоре вернулся с двумя картонками. Открыв картонку горничной, Пуаро тут же отбросил ее и взялся за картонку шведки. Заглянув в нее, он радостно вскрикнул и осторожно извлек шляпы — под ними оказались проволочные полушария.

— Вот что мне и требовалось! Такие картонки производили пять лет назад. Шляпка булавкой прикреплялась к проволочной сетке.

Пуаро ловко отцепил обе сетки, положил шляпы на место и велел проводнику отнести картонки назад. Когда дверь за ним закрылась, он повернулся к доктору:

— Видите ли, мой дорогой доктор, сам я не слишком полагаюсь на всевозможные экспертизы. Меня обычно интересует психология, а не отпечатки пальцев или сигаретный пепел. Однако в данном случае придется прибегнуть к помощи науки. В этом купе полным-полно улики, но как поручиться, что они не подложные?

— Я не вполне вас понимаю, мосье Пуаро.

— Ну что ж, приведу пример. Мы находим женский носовой платок. Кто его потерял, женщина? А может быть, мужчина, совершивший преступление, решил: «Пусть думают, что это дело рук женщины. Я нанесу куда больше ран, чем нужно, причем сделаю это так, что будет казаться, будто некоторые из них нанесены человеком слабым и немощным, потом оброню на видном месте женский платок». Это один вариант. Но есть и другой. Предположим, что убийца — женщина. И тогда она нарочно роняет ершик для трубки, чтобы подумали, будто преступление совершил мужчина. Неужели мы можем всерьез предположить, будто два человека, мужчина и женщина, не сговариваясь, совершили одно и то же преступление и притом каждый из них был так небрежен, что оставил нам по улике? Не слишком ли много тут совпадений?

— А какое отношение имеет к этому картонка? — все еще недоумевая, спросил доктор.

— Сейчас расскажу. Так вот, как я уже говорил, все эти улики — часы, остановившиеся в четверть второго, носовой платок, ершик для трубки — могут быть и подлинными и подложными. Этого я пока еще не могу определить. Но есть одна, на мой взгляд, подлинная улика, хотя и тут я могу ошибиться. Я говорю о плоской спичке, доктор. Я уверен, что ее зажег не мистер Рэтчетт, а убийца. И зажег, чтобы уничтожить компрометирующую бумагу. А следовательно, в этой бумаге была какая-то зацепка, которая давала ключ к разгадке. И я попытаюсь восстановить эту записку и узнать, в чем же состояла зацепка.

Он вышел из купе и через несколько секунд вернулся с маленькой спиртовкой и щипцами для завивки.

— Это для усов, — сказал Пуаро, потряхнув щипцами.

Доктор во все глаза следил за ним. Пуаро распрямил проволочные полушария, осторожно положил обуглившийся клочок бумаги на одно из них, другое наложил поверх и, придерживая оба полушария щипцами, подержал это сооружение над пламенем спиртовки.

— Кустарщина, что и говорить, — бросил он через плечо, — но будем надеяться, что она послужит нашим целям.

Доктор внимательно следил за действиями Пуаро. Проволочные сетки накалились, и на бумаге начали проступать еле различимые очертания букв. Буквы медленно образовывали слова — слова, написанные огнем. Клочок был очень маленький — всего три слова и часть четвертого: «мни маленькую Дейзи Армстронг».

— Вот оно что! — вскрикнул Пуаро.

— Вам это что-нибудь говорит? — спросил доктор.

Глаза Пуаро засверкали. Он бережно отложил щипцы.

— Да, — сказал он. — Теперь я знаю настоящую фамилию убитого. И знаю, почему ему пришлось уехать из Америки.

— Как его фамилия?

— Кассетти.

— Кассетти? — Константин наморщил лоб. — О чем-то эта фамилия мне напоминает. О каком-то событии несколько лет тому назад... Нет, не могу вспомнить... Какое-то шумное дело в Америке, не так ли?

— Да, — сказал Пуаро. — Вы не ошиблись. Это случилось в Америке. — Видно было, что он не склонен распространяться на эту тему. Оглядывая купе, он добавил: — В свое время мы этим займемся. А теперь давайте удостоверимся, что мы осмотрели все что можно.

Он еще раз быстро и ловко обыскал карманы убитого, но не нашел там ничего, представляющего интерес. Попытался открыть дверь, ведущую в соседнее купе, но она была заперта с другой стороны.

— Одного я не понимаю, — сказал доктор Константин, — через окно убийца не мог уйти, смежная дверь была заперта с другой стороны, дверь в коридор заперта изнутри и на ключ, и на цепочку, как же тогда ему удалось удрать?

— Точно так же рассуждает публика в цирке, когда иллюзионист запикивает связанного по рукам и ногам человека в закрытый ящик и он исчезает.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, — объяснил Пуаро, — что, если убийце нужно было уверить нас, будто он убежал через окно, он, естественно, должен был доказать нам, что иначе он выйти не мог. Это такой же трюк, как исчезновение человека из закрытого ящика. А наше дело — узнать, как был проделан этот трюк.

Пуаро задвинул на засов дверь, ведущую в соседнее купе.

— На случай, — пояснил он, — если почтенной миссис Хаббард взбредет в голову посмотреть на место преступления, чтобы описать потом это своей дочери.

Он снова огляделся вокруг:

— Здесь нам, я полагаю, больше делать нечего. Вернемся к мосье Буку.

Глава 8

Похищение Дейзи Армстронг

Когда они вошли в купе мосье Бука, он приканчивал омлет.

— Я приказал сразу же подавать обед, — сказал он, — и потом поскорее освободить ресторан, чтобы мосье Пуаро мог начать опрос свидетелей. А нам троим я распорядился принести еду сюда.

— Отличная мысль, — сказал Пуаро.

Никто не успел проголодаться, поэтому обед отнял у них мало времени; однако мосье Бук решил заговорить о волнующем всех предмете, лишь когда они перешли к кофе.

— Ну и что? — спросил он.

— А то, что мне удалось установить личность убитого. Я знаю, почему ему пришлось бежать из Америки.

— Кто он?

— Помните, в газетах одно время много писали о ребенке Армстронгов? Так вот Рэтчетт — это и есть Кассетти, тот самый, убийца Дейзи Армстронг.

— Теперь припоминаю. Ужасная трагедия. Однако я помню ее лишь в самых общих чертах.

— Полковник Армстронг был англичанин, кавалер ордена Виктории^[119], но мать его была американка, дочь У.-К. Ван дер Холта, знаменитого уолл-стритского^[120] миллионера. Армстронг женился на дочери Линды Арден, самой знаменитой в свое время трагической актрисы Америки. Армстронги жили в Америке со своим единственным ребенком — маленькой девочкой, которую боготворили. Когда девочке исполнилось три года, ее похитили и потребовали за нее невысказанный выкуп. Не стану утомлять вас рассказом обо всех деталях дела. Пережду к моменту, когда родители, уплатив выкуп в двести тысяч долларов, нашли труп ребенка. Оказалось, что девочка была мертва, по крайней мере, две недели. Трудно описать всеобщее возмущение. Однако это еще не конец. Миссис Армстронг в скором времени должна была родить. От потрясения она преждевременно родила мертвого ребенка и умерла. Убитый горем муж застрелился.

— Боже мой, какая трагедия! Теперь я вспомнил, — сказал мосье Бук. — Однако, насколько я знаю, погиб и кто-то еще?

— Да, несчастная нянька, француженка или швейцарка по происхождению. Полиция была убеждена, что она замешана в преступлении. Девушка плакала и все отрицала, но ей не поверили, и она в припадке отчаяния выбросилась из окна и разбилась насмерть. Потом выяснилось, что она была никак не причастна к преступлению.

— Подумать страшно! — сказал мосье Бук.

— Примерно через полгода был арестован Кассетти, глава шайки, похитившей ребенка. Шайка эта и раньше применяла такие методы. Если у них возникало подозрение, что полиция нашла на их след, они убивали пленника, прятали тело и продолжали тянуть деньги у родственников до тех пор, пока преступление не раскрывалось. Скажу вам сразу, мой друг, девочку убил Кассетти, и в этом никаких сомнений нет. Однако благодаря огромным деньгам, которые он накопил, и тайной власти над разными людьми он сумел добиться того, что его оправдали, придравшись к какой-то формальности. Толпа все равно линчевала бы его, но он понял это и вовремя смылся. Теперь мне стало ясно и дальнейшее. Он переименовал фамилию, уехал из Америки и с тех пор ушел на покой, путешествовал, стриг купоны.

— Какой изверг! — с отвращением сказал мосье Бук. — Я нисколько не жалею, что его убили.

— Разделяю ваши чувства.

— И все же незачем было убивать его в Восточном экспрессе. Будто нет других мест.

Губы Пуаро тронула улыбка. Он понимал, что мосье Бук судит несколько предвзято.

— Сейчас для нас главное, — сказал Пуаро, — выяснить, кто убил Кассетти: какая-нибудь соперничающая шайка, у которой с Кассетти могли быть свои счета, или же это была личная месть. — И он рассказал, что ему удалось прочесть на обуглившемся клочке бумаги. — Если мое

предположение верно, значит, письмо сжег убийца. Почему? Да потому, что в нем упоминалась фамилия Армстронг, которая дает ключ к разгадке.

— А кто-нибудь из Армстронгов остался в живых?

— Увы, это я не знаю. Мне кажется, я где-то читал о младшей сестре миссис Армстронг.

Пуаро продолжал излагать выводы, к которым они с доктором пришли. При упоминании о сломанных часах мосье Бук заметно оживился:

— Теперь мы точно знаем, когда было совершено преступление.

— Да. Подумайте только — как удобно! — сказал Пуаро, и что-то в его голосе заставило обоих собеседников взглянуть на него с любопытством.

— Вы говорите, будто сами слышали, как Рэтчетт без двадцати час разговаривал с проводником?

Пуаро рассказал, как это было.

— Что ж, — сказал мосье Бук, — во всяком случае, это доказывает, что без двадцати час Кассетти, или Рэтчетт, как я буду его по-прежнему называть, был жив.

— Если быть совершенно точным, без двадцати трех час.

— Значит, выражаясь официальным языком, в ноль часов тридцать семь минут мистер Рэтчетт был еще жив. По крайней мере, один факт у нас есть.

Пуаро не ответил. Он сидел, задумчиво глядя перед собой.

В дверь постучали, и в купе вошел официант.

— Ресторан свободен, мосье, — сказал он.

— Мы перейдем туда, — сказал мосье Бук, поднимаясь.

— Можно мне с вами? — спросил Константин.

— Ну конечно же, дорогой доктор. Если только мосье Пуаро не возражает.

— Нисколько. Нисколько.

После короткого обмена любезностями: «Après vous, monsieur», «Mais non, après vous»^[121], — они вышли в коридор.